

Сибирский архив

Научно-исторический журнал архивных учреждений
Сибирского федерального округа

2022 ИЮЛЬ

№ 12

*Сохраняя прошлое
для будущего...*

Сибирский архив

Новосибирск, 2022. – 82 с.

Председатель редакционного совета, начальник управления государственной архивной службы Новосибирской области **Захаров Константин Владимирович.**

Главный редактор, доктор исторических наук Кокоулин Владислав Геннадьевич.

Заместитель главного редактора, кандидат исторических наук Чернобай Ольга Леонидовна.

Ответственный секретарь Лангер Анастасия Александровна.

Научно-исторический журнал архивных учреждений Сибирского федерального округа «Сибирский архив» – это новые возможности в сфере исследования истории Сибири.

В издании публикуются впервые вводимые в научный оборот источники по отечественной истории, а также статьи по теоретическим и практическим проблемам архивоведения, археографии и источниковедения, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, информация о научных конференциях, семинарах. Основное внимание на страницах журнала уделяется проблемам, актуальным для профессионального сообщества историков и архивистов Сибири и сопредельных территорий.

Целевая аудитория журнала – архивисты, научные работники, преподаватели высших и средних учебных заведений, аспиранты, студенты, краеведы.

Новосибирск
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Автушкова А. Н., Кокоулин В. Г., Самарин И. В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ И ЕЁ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ»	7
Выдрина О. В. ГЕНЕРАЛ А.С. БАКИЧ: ПОСЛЕДНИЕ БОИ, АРЕСТ И СУД (ПО ДОКУМЕНТАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА А.С. БАКИЧА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)	18
Бандурка В. Б. СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРИМОРЬЕ (1920–1922 гг.) Bandurka Vladislav THE SOCIAL BASE OF THE WHITE MOVEMENT IN PRIMORYE (1920–1922 years)	29
Бондаренко С. И. САНИТАРНО-МЕДИЦИНСКИЕ УСЛОВИЯ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ УЧЕНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.) Bondarenko S.I. SANITARY AND MEDICAL CONDITIONS IN THE ALTAI DISTRICT AT THE END OF THE XIX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF SCIENTISTS, PUBLIC FIGURES OF THE XVIII – EARLY XX ENTURIES.)	33
Калинина Е. А. БОРЬБА С ВРАЖЕСКИМ ДЕСАНТОМ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Kalinina Y. A. FIGHTING ENEMY LANDING ON THE TERRITORY OF KAZAKHSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	36
Карпухина Д. В. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА ЛИВУРДОВА И.Ф. В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 20Х ГОДОВ XX ВЕКА Karpukhina D.V. PAGES OF THE BIOGRAPHY OF PROFESSOR LIVURDOV I.F. IN THE CONTEXT OF THE EVENTS OF THE 20S OF THE XX CENTURY	39
Кокоулин В. Г. СЛУЖАЩИЕ В НОВНИКОЛАЕВСКЕ-НОВОСИБИРСКЕ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ Kokoulin V.G. EMPLOYEES IN NOVONIKOLAEVSK-NOVOSIBIRSK DURING THE YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY	42
Кухта С. В. ЭНТУЗИАСТ ВОДОМЕТНОГО СУДОСТРОЕНИЯ. К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИНЖЕНЕРА-КОНСТРУКТОРА М.Д. ХРЕННИКОВА Kukhta S. V. AN ENTHUSIAST OF WATER-JET SHIPBUILDING. TO THE 120TH ANNIVERSARY OF THE ENGINEER-CONSTRUCTOR M. D. KHRENNIKOV	47
Матусевич Д. С., Измestев В. А. К ВОПРОСУ КАТАЛОГИЗАЦИИ БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ СИБИРСКОГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО (1918-1919 ГГ.) Matusevich D.S., Izmestev V.A. ON THE ISSUE OF CATALOGING PAPER MONEY OF SIBERIAN PROVISIONAL GOVERNMENT AND GOVERNMENT OF THE RUSSIAN STATE (1918-1919)	51
Наумов С. С. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМАНДНОГО СОСТАВА ЯПОНСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖАЛОВАНИЙ Naumov S. S. EVERYDAY LIFE OF THE COMMAND STAFF OF THE IMPERIAL JAPANESE ARMY AND THE WORKERS 'AND PEASANTS' RED ARMY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SALARIES	54
Тадина Н. А. У ИСТОКОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ (О РОЛИ ПРОФЕССОРА ГАГУ НИНЫ НИКОЛАЕВНЫ СУРАЗАКОВОЙ) Tadina N.A. AT THE ORIGINS OF ETHNOCULTURAL EDUCATION IN THE ALTAI REPUBLIC (ON THE ROLE OF NINA NIKOLAEVNA SURAZAKOVA, PROFESSOR OF THE STATE ACADEMY OF STATE UNIVERSITY)	57

Уланов А. К. ИЗ ИСТОРИИ БУРЯТСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА Ulanov A.K. FROM THE HISTORY OF BURYAT RESEARCH INSTITUTE OF AGRICULTURE	60
Федотова И. В. МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА М.Н. ТУХАЧЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНО Fedotova I. V. MYTHOLOGIZATION OF THE IMAGE M.N. TUKHACHEVSKY IN MODERN DOCUMENTARY DOMESTIC FILMS	64
Чернышов С.А. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ? Chernyshov S. A. IS THERE AN OFFICIAL VERSION OF THE ANNEXATION OF SIBERIA TO THE RUSSIAN STATE?	70
Федотова И. В. ОТМЕТИВ ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ: ОБЗОР НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОМСКЕ К 10-ЛЕТИЮ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ Fedotova I. V. CELEBRATED THE FIRST ANNIVERSARY: REVIEW OF SCIENTIFIC EVENTS IN OMSK ON THE 10TH ANNIVERSARY OF THE CENTER FOR THE STUDY HISTORY OF THE CIVIL WAR	74

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ И ЕЁ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ»

Деятельность «Общества изучения Сибири и её производительных сил» во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. – яркий пример организации научных исследований без бюрократического аппарата. История создания и деятельность «Общества» изучена достаточно хорошо, однако за рамками научных исследований остаётся содержательная сторона исследовательской деятельности «Общества». А между тем, оно занималось тем, что можно по праву назвать научным краеведением: изучением природных ресурсов Сибири для использования научных данных для развития производительных сил.

Археологические исследования, проводимые «Обществом», на первый взгляд не вписываются в эту схему. Однако изучение археологических памятников Сибири кроме научной имело чёткую коммерческую составляющую. В частности, ряд археологических памятников раскапывался для последующей продажи археологических находок и коллекций в заграничные музеи и финансировал эту деятельность Новэкспорт – организация, за-

Автушкова Александра Леонидовна – научный сотрудник,
e-mail: alinanet913@gmail.com
Новосибирский государственный краеведческий музей
РФ, 630099, г. Новосибирск, Красный проспект, 23.

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук,
профессор Академии военных наук, эксперт РАН,
e-mail: kwladislaw@yandex.ru
Сибирский университет потребительской кооперации
РФ, 630087, г. Новосибирск, пр-т Маркса, 26.

Самарин Игорь Валерьевич – археограф I категории
Государственного архива Новосибирской области,
e-mail: ingvar1985@ngs.ru
Государственный архив Новосибирской области,
РФ, 630007, г. Новосибирск, 16.

нимающаяся продажей изделий сибирской промышленности и сельского хозяйства за границу. О том, как были получены средства для археологических исследований, свидетельствуют публикуемые ниже документы.

Однако, археолог – это прежде всего не коммерсант, а учёный. Поэтому в дневниковых записях экспедиций, организованных для собирания археологических коллекций для заграничных музеев, описываются не только повседневная жизнь, трудности, проблемы и успехи археологической экспедиции, но и научные

наблюдения и результаты археологических исследований.

В фонде Р-217 «Общество изучения Сибири и её производительных сил» сохранились интересные документы, которые освещают археологические исследования в Сибири в 1920-е гг. с разных точек зрения.

Документы приведены в орфографии и пунктуации оригинала, исправлены только очевидные опечатки. Исправления, сделанные поверх машинописного текста, приведены в квадратных скобках.

Н.К. Ауэрбах

**ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ
СТОЯНКА АФОНТОВА ГОРА
КРАСНОЯРСКОГО РАЙОНА
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО
КРАЯ**

Отчёт о раскопках палеолитической стоянки Афонтова III, произведённых в 1930 г. по поручению Общества изучения Сибири и её производительных сил.

В 1930 г. Общество изучения Сибири взяло на себя задание Новэкспорта организовать в Сибирском крае для целей экспорта первый опыт сбора археологических коллек-

ций. Согласно полученных директив основное внимание было обращено на древности металлических культур. Ввиду того интереса, который представляет заграница к сибирскому палеолиту было решено произвести небольшие раскопки на одной из енисейских палеолитических стоянок. Такой стоянкой была избрана Афонтова гора под Красноярском по следующим соображениям:

1) эта стоянка является одной из наиболее детально исследованных сибирских палеолитических стоянок,

2) наиболее богатой в отношении культурных остатков,

3) в связи с ведущимися на Афонтовой горе различными строитель-

ными работами – палеолитические стоянки, находящиеся на этой горе, находятся под угрозой разрушения.

2 августа я выехал из Новосибирска в Красноярский край для организации раскопок. 8 августа произвёл первую экскурсию на Афонтову гору для выбора места раскопок. Первоначально я имел ввиду поставить раскопки на южном склоне горы под дачами Юдина, на так называемом участке № 1 Афонтовой II, где вело раскопки Средне-Русское географическое общество в 1924–1925 гг. Здесь осенью 1929 г. В.И. Громовым¹ и мною был обнаружен новый выход культурного слоя значительной мощности. Культурный слой был

1. Валериан Иннокентьевич Громов (1896–1978), советский геолог и палеонтолог, начал исследование Афонтовой горы в 1912 г. Служил в армии Колчака, в 1923–1925 гг. участвовал в раскопках Афонтовой горы, в 1926–1927 гг. вместе с Н.К. Ауэрбахом занимался раскопками Бирюсинской стоянки.

обнажён техническими работами, производившимися на Афонтовой горе для железнодорожных мастерских, использующих лёссовидные породы горы как формовочный материал. К сожалению, к моменту моего приезда в Красноярск весь тот участок склона горы с культурным слоем, который я имел ввиду для раскопок 1930 г., оказался начисто сметённым техническими работами, а несколько десятков кубических метров лёссовидной породы вместе с культурными остатками погруженными на платформы и вывезенными в мастерские. Только близ полотна железнодорожной ветки, проведённой прямо к стоянке, мною было поднято 2 широких скребла и несколько каменных осколков, по-видимому брошенных рабочими при погрузке породы на платформу.

На восточном склоне горы, на так называемом участке № 2 Афонтовой II, где велись нами основные раскопки в 1923–1924 гг., произошёл в 1927–1929 гг. значительный обвал, засыпавший участок стоянки с культурным слоем, достигавшей мощности около метра. В связи с этим я остановился при выборе участка стоянки для раскопок на так называемой Афонтовой III, где я вёл раскопки в 1925 г. совместно с В.И. Громовым. К тому же этот участок горы, занятый в настоящее время Нефтескладом, предназначался по словам администрации Нефтесклада для строительных и земельных работ, намеченных с весны 1931 г., в связи с переводом Нефтесклада на правый берег Енисея и передачей современного участка склада в распоряжение Механического завода. Таким образом, палеолитическая стоянка, расположенная во дворе Нефтесклада, исследованная И.Т. Савенковым² в 1914 г., и мною с В.И. Громовым в 1925 г. и имеющая не менее 150 кв. метров нетронутой раскопками площади с культурным слоем оказалась также под угрозой уничтожения. Я счёл своей обязанностью немедленно приступить к раскопкам во дворе Нефтесклада и этим спасти от разрушения хотя бы часть стоянки.

Внешняя обстановка раскопок 1930 г. была значительно худшая, чем обстановка раскопок прошлых лет. В моём распоряжении не было старого, подготовленного к раскопкам кадра членов археологического имени И.Т. Савенкова кружка. Я вынужден был использовать для работ по разборке слоя молодёжь, впервые работавшую на раскопках (А.А. Заболотского, В.В. Смирнову, Г.Г. Белянину, Р.М. Еникееву). Из моих старых сотрудников я смог привлечь для раскопок только одного — К.И. Власова, работавшего со мною на раскопках 1926 и 1927 гг. Бирюсинской стоянки. На К.И. Власова были возложены обязанности моего помощника по хозяйственной части и фотоработы. Кроме того, ввиду болезненного моего состояния, продолжавшегося всё время раскопок, я передавал К.И. Власову и разборку наиболее ответственных участков культурного слоя. Следует отметить, что К.И. Власов все возложенные на него поручения выполнял с исключительной аккуратностью.

В связи с лесозаготовками и работой по нагрузке судов Карской экспедиции в Красноярске совершенно отсутствовала свободная рабочая сила. Рабочие руки были очень дороги (свыше 2 руб. 50 коп. подёнщина). Я использовал в качестве рабочей силы случайных рабочих (демобилованных красноармейцев, взрослых воспитанниц детдома, рабочих Нефтесклада в дни их отдыха и т.д.). Текущая рабочая сила создавала неопределённость в работе — накануне не было уверенности в том, что завтра будут рабочие для технических работ. Благодаря содействию Красноярского ГорОНО в распоряжение моей экспедиции были предоставлены три огромные комнаты Детдома, занимавшего дачи б. Юдина³ на Афонтовой горе. Одна из этих комнат была превращена нами в разборочную и служила для хранения находок; две другие комнаты — для жилья раскопной партии в составе 7 человек, а также для камеральной работы.

Чрезвычайно неблагоприятной

для раскопок оказалась погода. Только в самом начале работ 15–19 августа стояли ясные, тёплые и даже жаркие дни. В ночь с 19 на 20 августа прошёл ливень и потом систематически с 21–28 августа каждый день шёл небольшой дождь, а 29–31 августа дождь шёл не менее 8 часов в сутки. Нам приходилось разбирать культурный слой в некоторые дни, особенно к концу раскопок при недостаточно просохшей почве, что, конечно, неблагоприятно отражалось на сохранности костяных находок. Только угроза разрушения, стоявшая перед стоянкой, остановила меня от прекращения разборки приготовленной к раскопкам площади после ливня 20 августа, но всё же я взял на себя смелость приступить к раскопкам квадратов соседних с первыми квадратами линии Д–А, и первых квадратов линии У–Х. Здесь культурный слой верхнего горизонта имел три тёмных прослоя и в разрезе была видна насыщенность всех прослоев большим количеством находок.

Техника раскопок. При выборе места отдельных шурфов и основного раскопа необходимо было считаться с тем, мешают или нет земляные работы нормальной деятельности Нефтесклада. Я должен был отказаться от закладки шурфов в целях определения границ культурных остатков, а также лишён был возможности одновременного раскопа большой площади стоянки. Участок № 7 раскопок 1925 г. совершенно выпал из исследований, поскольку этот участок был целиком завален бочками с нефтепродуктами. В лучшем положении находился участок № 8. Амбар, отмеченный детали плана раскопок участков № 8, 9, 10 <...> оказался снесённым и открывалась возможность поставить основные земляные работы к северо-западу от линии шурфов раскопок 1925 г. В связи с этим основные работы были поставлены к северо-западу от линии шурфов 1925 г. на месте сарая.

15 августа площадь, намеченная для раскопок, была разбита на квадраты, провешана нулевая линия, соответствующая 155 горизонтам

плана № 2 (Афонтова III). Все пометки глубинных находок делались от этой линии. В первый день работ 13 августа были заложены шурфы Z2-1, Z2-2, §-2, §-1, f-1, f-2 и Д-1-6. 16 августа — дополнительно с -1-3, В-1-3, а также у-2-3 и ч-2-3. 23 августа — А1-1. 24 августа — А1-2, А1-3 и на части квадратов -2 и -3. Все те находки с этих квадратов, которые связаны с большим скоплением культурных остатков, концентрирующихся вокруг двух обломков бивня мамонта, отделены от других находок с этих квадратов и в описи находок около этих предметов стоит условная помета «с бивнем».

Всего было снято 25 полных квадратов и два квадрата неполных (2 и 3). Квадраты Д1-1, Д1-2, Д1-3, С1-1, В1-1, 2-2 были углублены свыше 3,5 метров, и в них пройден нижний горизонт находок. Состояние погоды позволило пройти нижний горизонт находок на остальных квадратах.

Как правило, рабочие к разборке культурного слоя не допускались, а использовались исключительно для земляных работ. На разборке были поставлены технические помощники — учащаяся молодёжь.

При записи наблюдений была применена карточная система. Каждый квадрат имел отдельную карточку, на которую и заносились все наблюдения над условиями находок, глубины находок и т.д. Находки выделялись по каждому из двух горизонтов и по квадратам отдельно. Кроме того в тех же квадратах, где возможно было в верхнем горизонте проследить несколько культурных прослоев, находки на этих прослоях также выделялись отдельно. Кроме того систематически велась запись глубины всех культурных остатков, а также наиболее значащих остеологических находок. Отдельные скопления культурных остатков — фотографировались на месте работ. Всего сделано свыше 40 фотоснимков.

При раскопках собирались все отбросы производства, включая и мелкие осколки камня и все остеологические остатки. В дальнейшем все остеологические остатки, негодные к определению, а также осколки и обломки камня, завернутые в отдельные пакеты по квадра-

Илл. 1 — ГАНО. Ф. Р-217, оп. 1, л. 1–4. Машинпись

301	Д л и	148-180	
302	?		
303	*		
304	*		
305	*		
306	*		
307	*		
308	Дли с ретушем	A ₁ -1	верх. часть
309	Осколок кувшины	*	
310	Осколок	*	
311	Осколок с ретушем	*	
312	Заготовки скребков	*	
313	Рядовые осколки	*	
314	с ретушем	*	
315	*	*	
316	*	*	
317	Нулевая осколки	*	
318	*	*	
319	Д л и	*	
320	*	*	
321	*	*	
322	*	*	
323	*	*	
324	*	185	
325	Скребок	B ₁ -2	верх. часть
326	*	*	
327	*	*	
328	*	*	

там и горизонтам выделены с соответствующими этикетками в резерв основной коллекции. Резерв коллекции сдан на хранение Музею Приенисейского края, в котором находится большинство коллекций, полученных в результате раскопок енисейских стоянок. 1923–1929 гг.

Верхний горизонт находок. Необходимо отметить, что по свидетельству Н.Т. Савенкова по всему склону Афонтовой горы на участке наших раскопок кирпичаводчиками в 1880-х гг. снят слой красной кирпичной глины толщиной до 2 метров и сло «дёрна» до 0,5 метров. Таким образом, для того, чтобы получить правильное представление о глубине залегания находок нужно прибавить к нашим наметкам глубины находок не менее 2–2,5 метров квадрата Z2-1-2.

[Далее следует опись находок данной экспедиции. См.: илл. 1]

ДНЕВНИК РАСКОПОК ГРУППА КАРАСУКСКИХ МОГИЛ

Минусинско-хакасская археологическая экспедиция О.И.С. 5 июля 1930 г.

Дер. Быстрая, Минусинского округа и района.

На правом берегу р. Енисея.
Могила № 1.

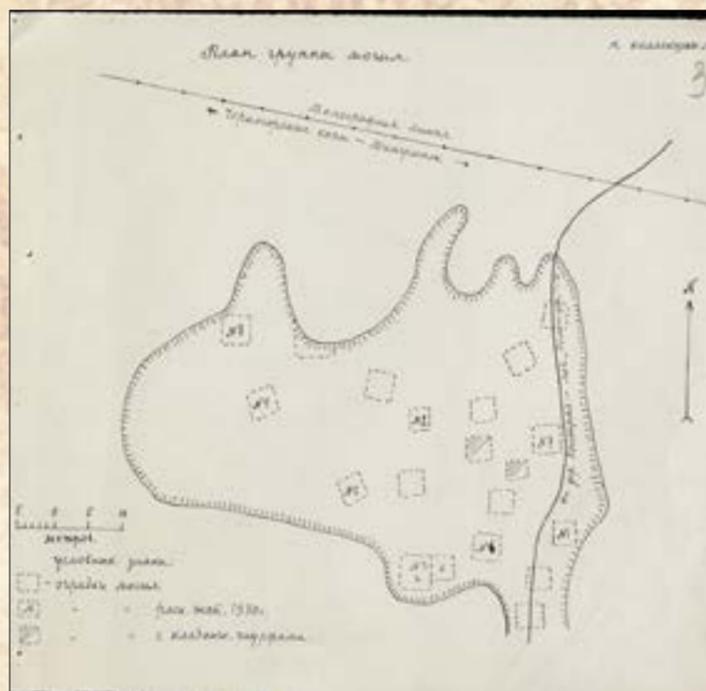
Прямоугольная оградка из каменных плит, врытых на ребро, слабо выступающих на поверхность, вытянута с севера на юг, размер 4,7х4 метра.

Раскопка ведена колодцем в пределах оградки.

С глубины 0,15 м. в центре оградки обнаружена могильная яма, ориентированная с востока на запад, длиной 1,8 м., шириной 0,9 м., глубиной 0,68 м. Стенки ямы выложены хорошо пригнанными 4 каменными плитами.

2. Иван Тимофеевич Савенков (1846–1914), российский педагог, археолог и музейный работник. Родился в купеческой семье в Мариуполе, в начале 1850-х гг. семья переехала в Иркутск. В 1865–1871 гг. учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. Вернувшись в Сибирь, работал учителем Красноярской гимназии, директором Красноярской учительской семинарии. Проводил экскурсии и археологические раскопки в окрестностях Красноярска.

3. Геннадий Васильевич Юдин (1840–1912) — промышленник, купец 2-й гильдии, собрал крупнейшую в России частную библиотеку, которая была продана Библиотеке Конгресса США. На Афонтовой горе в Красноярске при строительстве дачи Юдина был выявлен древний курган с изделиями железного века.

Илл. 2,3 — ГАНО. Ф. Р-217, оп. 1, д. 199, л. 1, 1об.

В насыпи могильной ямы с верхних слоёв начали попадать-ся мелкие кости человеческого скелета.

На дне ямы найдены: около середины северной стенки череп человека, опрокинутый затылочным отверстием кверху, к востоку от него — глиняная плошка, 1,2 таза и лучевая кость. К юго-западу от черепа две плечевые кости, верхними головками к северо-западу, между ними [вписано чернилами «нижняя» вместо зачёркнутой чернилами «верхняя»] челюсть, сверху лопатка и близ них лучевая, около которой найдены медные пронизки. К югу от них скопление рёбер, две ключицы и лопатка, близ них у южной стенки могилы кости коровы. В юго-восточном углу две бедренных кости найдены верхними головками к юго-западу, одна из них сочленена с левой половиной таза. Около восточной стенки разбросаны фаланги пальцев и пяточная кость; в северо-западном углу найдены круглодонный горшок и плошка.

На некоторых костях следы окиси меди. Кое-где попадались отдельные угольки.

При зачистке ямы выступает грунт. См.: илл. 2,3.

[подписано чернилами:
«Научная сотрудница
экспедиции В. Левашова»]

ДНЕВНИК РАСКОПОК группа курганов Андроновской культуры

*Минусинско-Хакасская археологическая экспедиция ОИС
22 — 23 августа 1930 г.*

*Улус Подкунинский, Хакасского
округа, Чарковского района.*

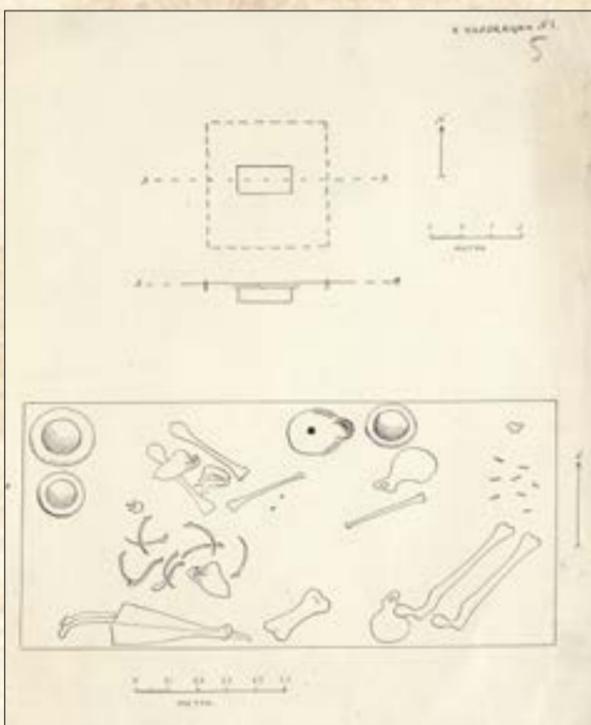
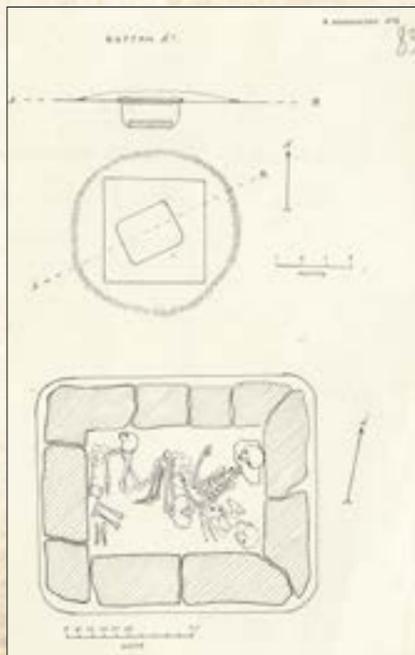
На левом берегу р. Енисея

Курган № 2

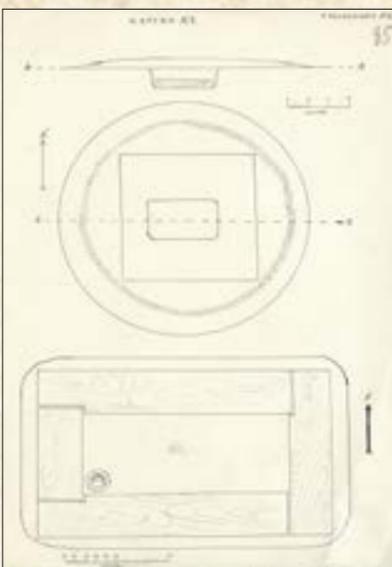
Высота 0,35 м.

Диаметр 12 м.

Форма плоскополусферная, земляная насыпь с кольцом из мелких

Илл. 4,5,6 — ГАНО. Ф. Р-217, оп. 1, д. 199, л. 80, 80б.

каменных плит, диаметром 9 — 9,5 м., шириной 0,3 — 0,2 м.

Раскопка велась квадратным колодцем 6,5x6,5 м., вписанным в окружность кольца, ориентированным сторонами по сторонам света.

На глубине 0,3 м. в юго-восточном углу колодца найдено 9 обломков рёбер животного.

С горизонта в центре колодца открылась могильная яма, прямоугольная с закруглёнными углами, вытянутая с востока на запад.

Длина 3,2 м.

Ширина 2 м.

Глубина 1,3 м.

В насыпи ямы на глубине 0,4 м. в северо-восточном углу найдена неопределённая трубчатая кость животного, на глубине 45 см. в юго-западном углу несколько отдельных угольков.

На дне ямы сруб в один венец из толстых лиственничных брёвен диаметром 0,45 м., размеры сруба:

Длина 2,9 м.

Ширина 1,75 м.

Глубина 0,45 м.

Сверху сруб был покрыт поперечным накатом из брёвен. Сохранность хорошая, в углах прослеживается скрепление брёвен.

Под восточную стенку сруба подведена каменная плита.

На дне сруба в центральной части обнаружена кучка пережжённых костей, в юго-западном углу найден плоскодонный глиняный горшок с геометрическим орнаментом.

При зачистке дна ямы выступает грунт.

[Подпись чернилами:
«Научная сотрудница экспедиции
В. Левашева»]

ДНЕВНИК работ Минусинско-Хакасской археологической экспедиции в 1930 г.

25 июня 1930 г. Получены из Красноярска деньги (2 200 руб.) и начаты руководителем экспедиции В.Г. Карцовым подготовительные работы. Красноярское отделение Сибторга пошло навстречу, снабдив экспедицию всем, чем было возможно.

Другие торгорганизации под-

держки почти не оказали.

26 июня 1930 г. Проведение различных организационных работ.

27 июня 1930 г. Так как в этот день пароход шёл в Минусинск, а следующий рейс предполагался только дней через 9, поручено закончить подготовительные работы и привести в Минусинск все материалы М.П. Карцовой. В.Г. Карцов выехал в Минусинск.

28—29 июня 1930 г. Переезд В.Г. Карцева в Минусинск. Продолжение подготовительных работ в Красноярске М.П. Карцовой.

30 июня 1930 г. Приезд в Минусинск. Разработка организационных планов и маршрута работ.

Намечено до прихода следующего парохода из Красноярска с грузами начать работы под городом. Затем двинуться, одновременно проводя разведки и раскопки в направлении Лугавское-Шушь; переправиться через Енисей, пересечь Койбальскую степь по линии «Борки», переправиться через Абакан; вести работы в его бассейне, затем через г. Хакасск вернуться в г. Минусинск.

1 июля 1930 г. Проведение подготовительных работ организационно-го характера.

2 июля 1930 г. Разведка в районе дер. Быстрой с целью подыскания подходящих для раскопок памятников и заезд в эту деревню. Наём рабочих.

3 июля 1930 г. Начата раскопка тагарских курганов в I группе. Раскопаны 1-й курган (3 погр[ебения]) и начат 2-й.

4 июля 1930 г. Закончен 2-й (2 погр[ебения]) и раскопан 3-й (3 погр[ебения]) курганы. Начат раскопками курган № 4.

5 июля 1930 г. Ввиду ненастной погоды с утра работы пришлось перенести на ближайшую группу 11 карасукских могил. Раскопано 5 погр[ебений] и 3 начаты раскопкой.

6 июля 1930 г. Ввиду праздничного дня и отказа рабочих потому работать, проведены разведки на стоянке и раскопка позднеочечнического (см. дневник) погр[ебения] на ней.

7 июля 1930 г. С утра и весь день шёл сильный дождь, из-за чего раскопки пришлось отменить. По-

ехали в город с целью перечертить карту для дальнейшего маршрута, посмотреть литературу и проявить негативы.

8 июля 1930 г. С утра вернулись в деревню Быструю и заканчивали раскопку карасукских погр[ебений]. Раскопали 4 погр[ебения], сняли план Быстринского II могильника. Вечером договорились с нашим хозяином, старовером, интересующимся археологией, Семёном Филаретовичем Брюхановым о поездке с нами в качестве ямщика и рабочего.

9 июля 1930 г. Закончили с двумя рабочими курган № 4 Быстринской I группы. Оказался совершенно разграбленным. Снят план этой группы. Вечером, узнав, что пароход приходит утром 10-го вернулись в город к ночи. Все работы в Быстрой велись В.Г. Карцовым и научным сотрудником экспедиции В.П. Левашовой.

10 июля 1930 г. Выходной день. Работали в Музее.

11 июля 1930 г. Только днём пришёл (в 3 часа) пароход. Приехала М.П. Карцова и привезла всё полученное ею в Красноярске снаряжение экспедиции. Из-за невозможности завтра получить дополненные из ОИС только сегодня деньги, так как общегородской выходной день, выезд в большую поездку переносится на 13 июля.

12 июля 1930 г. Утром получен груз с парохода. Привёз его Брюханов — с этого дня надо числить его на работе. Проведён ряд организационных дел, упаковка и пр. В качестве фотографа к экспедиции присоединяется до 1 августа сотрудник Минусинского музея Ф.П. Кравченко.

13 июля 1930 г. Утром полученные деньги и к 11 часам выехали в Лугавское. По дороге осматривали стоянки. У Лугавского имеются только две группы курганов: 1) на северном склоне Думной горы, в расстоянии около 4 км от села, описанная и раскопанная Адриановым⁴ и 2) близ деревни на увале, группа тагарских курганов и Чаатасских колец⁵. Эту группу осмотрели. Их будем копать завтра. Больше в Лугавском нечего делать.

Вечером нашли рабочих.

14 июля. Копали большое Чаа-

4. Александр Васильевич Адрианов (1854—1920) — этнограф, путешественник, археолог, представитель сибирского областничества. Раскапывал курганы в Минусинской котловине.

5. Чаатас — название могильников археологической культуры, связанной с древними кыргызами в Минусинской котловине в VI—IX вв.

тасское кольцо. Найден ряд масок, но все они совершенно разрушены. Раскопки здесь очень тяжелы.

15 июля. Весь день проливной дождь, несмотря на это закончили раскопку кольца.

16 июля. С утра двинулись на с. Шушь.

В д. Кое удалось приобрести бронзовые ножик и пряжку. Вообще приобретение древности чрезвычайно сложно, как ни странно, но у крестьян их почти нет.

17 июля. Проведя разведки в районе с Шушенского, решили двинуться дальше, опять не встретили ничего интересного для раскопок. Маршрут — через Койбальскую степь на Абакан.

Переправились через Енисей паромом у д. Сидоровой.

Вечером прибыли в д. Н.-Михайловскую.

18 июля. Ввиду необходимости отдохнуть лошади, пришлось остаться на день в деревне. Выезд назначен на завтра. Берём лошадь через Абакан до курганов, пригородных к раскопкам. Очень плохо с покупкой древностей. Нет совершенно.

19 июля. Весь день ехали. «Прыжок через Койбальскую степь». С трудом переправились через реку Абакан — пароконную подводку пришлось оставить.

Остановились в Баиновом улусе и поехали осмотреть ближайшие курганы. Вечером пытались найти рабочих, но неудачно.

20 июля. Утром Карцов ездил искать рабочих в Райков улус, но безуспешно, тогда поехали по другим улусам. Были хорошо встречены в Моховом (Картинском) улусе в юрте Ив. Ник. Картина — удивительно начитанного и развитого хакаса, патриота и любителя родной старины. Решили переехать и остановиться у него. С его помощью нашли рабочих на понедельник, 21 июля. Брат хозяина Ник. Ник. Картин повёз показать некоторые памятники: в 1,5 км к СВ от улуса Мохова (Картина) на берегу высохшего русла заметно несколько неглубоких (до 0,3 м) впадин округлой формы, диаметром около 10 — 15 м. Здесь их насчитано 11. По словам Картина,

он копал в одном из них глину и встретил пепел от костра. Возможно, что это следы жилищ.

Вечером он же повёз нас на гору Изык, где, по его словам, имеются следы валов. Действительно, почти на всех склонах Изыка таковые найдены, они беспорядочно тянутся на большое пространство и при ближайшем исследовании оказались естественными выходами камней, занесённых несколько землёй.

21 июля (понедельник). Начаты раскопки курганов в степи между Баиновым и Райковым улусом.

Раскопано 4 кургана также тагарских, переходных от карасука.

22 июля (вторник). Работать хакасы ввиду тяжести земляной работы и утомления отказались, поэтому пришлось раскопки курганов прекратить и с 3 рабочими которые остались, выехать по указанию Н.Н. Картина копать небольшие каменные кольца, расположенные по дороге к Кистеевскому улусу, в расстоянии около 10 км. от улуса Мохова.

23 июля (среда). Рабочие с вечера обещали, что придут, и подвели — утром отказались работать. Пришлось, чтобы не потерять даром дня, выехать на разведки. Поехали верхами на Уйбат.

На обратной дороге близ кладбища улуса Райкова наткнулись на могилу шамана Матрёны Павловны Райковой, умершей 26 июня 1930 г. Могила в стороне от кладбища, на большом кургане, насыпана из камней. На ней поставлен крест и вбит осиновый кол. Близ могилы следы костра и пережжённые кости.

В стороне, с другой стороны кургана, у углового камня, лежат разрезанный ножом бубен и одежда.

Подъехавший пастух указал нам другую могилу шамана, Николая Николаевича Огурджина, умершего в 1928 г. Здесь также развалившийся крест и два вбитых кола. В стороне валяется истлевший бубен.

24 июля. Несмотря на поиски[,] рабочих опять не удалось найти. Решили тогда ехать в Хакасску и брать там рабочих с биржи, ведя уже дальнейшие работы в районе города.

Утром съездили на подводе на

могилы шаманов и взяли их бубны и одежду.

Наш хозяин говорит, что население к такому поступку отнесётся безразлично. Днём двинулись в Хакасску.

Вечером, приехав в Хакасску, остановились в Музее.

25 июля (пятница). С утра искали рабочих. Биржа труда и батрачком дать рабочих не могут. Пришлось искать самим. Договорились с 6 человеками на завтрашний день, но очень дорого.

После обеда поехали осматривать курганы. Нашли группу у Откинскогo улуса, где работал Мергарт⁶.

26 июля (суббота). Начали раскопки у Откинскогo улуса. Раскопали курган № 1 и курган № 2.

Один рабочий ушёл с полдня и двое отказались идти на следующий день.

27 июля (воскресенье). Работал только с тремя рабочими и П.С. Брюхановым. Грунт очень тяжёлый. Раскопали только курган № 3 и начали курган № 4.

Одному из рабочих (Дрокину) за нахождение рабочих пришлось обещать наградные.

28 июля. Дрокин обещание не выполнил, привёл только одного рабочего (Другакова).

Кончили курган № 4 и начали курган № 5, который оказался страшно тяжёлым по грунту.

Рабочие настроились переходить на другую работу — пришлось набавить до 3-х рублей деньгами плюс паёк. П.С. Брюханов уехал с утра домой, сказал на день. Вечером приехал его отец, Семён Филаретович. Объясняет всякими несчастьями в семье и пр., говорит, что ни Пётр, ни он сам дольше ездить с нами не могут.

Договорились, что старик поедет всё же хоть только на разведку. Для этой поездки вернётся 30 июля опять к нам.

29 июля (вторник). Утром поехали к Дребенцову. Взяли его десятником с обязательством поставлять должное число рабочих. Кончаем курган № 5 и начали № 6 (большой).

30 июля (среда). Пропала наша

лошадь. Весь день искали её и безнадёжно. Брюханов приехал, отнёсся к пропаже очень хладнокровно и поехал домой якобы за карточкой, но так больше и не возвращался. Копали курган № 6. Фотограф Ф.П. Кравченко уехал в Минусинск. Фотографические и художественные работы были возложены на М.П. Арианову.

31 июля (четверг). Продолжали раскопки кургана № 6. Лошадь на раскопки приходится нанимать каждый день. Один из рабочих был послан верхом на поиски лошади, но безрезультатно.

1 августа (пятница). 2 старых рабочих ушли. Продолжали курган № 6.

2 августа (суббота). Кончали курган № 6 и начали курган № 7. Из Мохова (Картина) на Абакане прислали извещение, что хакасская свадьба состоится 7 августа. Очень интересно будет поехать. Завтра В.Г. Карцов выедет на разведки дальнейших мест раскопок и за подъёмным материалом.

3 августа (воскресенье). Утром В.Г. Карцов выехал на разведки в направлении на г. Оглахту.

По приезде в Мохов улус (на Енисее) и разговоре с местными жителями выяснилось наличие близ улуса Карасукских оградок и каменных колец.

По обследовании их было принято решение копать эти памятники, поэтому дальнейшая разведка была прекращена. По дороге Карцов заезжал во все населённые пункты в поисках подъёмных материалов, но безрезультатно. Находок или нет, или были, но затерялись за ненадобностью.

На раскопках в г. Хакасске этот день являлся выходным.

4 августа (понедельник). Днём В.Г. Карцов вернулся в Хакасску. Там продолжались раскопки кургана № 7 и был начат курган № 8.

5 августа (вторник). Продолжали раскопки кургана № 8 и покали курган № 9.

6 августа (среда). Кончили курган № 9 и раскопали курганы № 10 и 11.

Вечером выехали на хакасскую свадьбу к Картиным в Картинский (Мохов) улус на Абакане.

7 августа (четверг). Свадьба началась только сегодня. С утра в доме

жениха шли приготовления. Били лошадь и быка. После обеда начали собираться гости и свахи. Свахи в особых, очень красивых костюмах, верхами, на свадебных сёдлах.

Все ели и пили — варёная конина (маханина), телятина, шаньги, пироги (ватрушки) с черёмухой с косточками и масса ариана и вина. Ариан привозит каждый гость.

Наевшись и напившись, свадебный поезд тронулся. Свахи и сваты верхом, другие на парах в коробках.

Неслись галопом до улуса, куда увезена невеста. Исключительно красивое зрелище.

В улусе, где спрятана невеста, опять началось питьё и еда.

Мы уехали обратно.

В ожидании невесты гости сидят в юрте и на дворе. Все, кто ни придёт, пользуются самым широким гостеприимством, едят, пьют и играют на [пропуск слова] и поют. Это очень хорошо получается. Изба приготовлена для молодых, кровать завешана пологом.

Роль жениха самая скверная — это всеобщий лакей.

Уже ночью вернулся свадебный поезд с невестой. В темноте несколько раз объехали вокруг двора, пока к воротам не дают света. Таков обычай. 3 раза объехать считается обязательным.

Заезжают во двор и невесту, спрятанную под шубой за спиной старшей свахи, проводят за полог в избу, где и прячут.

Сваты, собранные в избу, — мужики за столом, свахи на полу едят и пьют опять, бесконечно долго и много.

Когда их угощение кончается, невеста опять залезает под полог и её ведут в юрту, обводят вокруг неё 3 раза (внутри), затем опять ведут в избу и начинают, сидя на полу, расплетать косы. Невеста прячет лицо и плачет. Все смотрят, стеснившись тесным кольцом.

В то же время на дворе у входа в юрту раскладывается два костра — за одним сидят мужчины, за другим женщины[,] едят и пьют. Когда невеста волосы переплетает, их мажут костью лошади (с мясом и смачивают арианом, а закончив заплетание, кость бросают. Молодёжь берётся за первенство, бросается за костью, хватает её — кому она достанется.

Затем невесту ведут в юрту и

этим способом свадьба фактически кончается. Дальнейшее — идёт просто гулянка.

8 августа (пятница). На рассвете выехали от наших хакасских друзей в город.

Рабочие уже ждали. Отправили их на новое место работ в Мохов улус на Енисее и сами собравшись выехали следом.

9 августа (суббота). Начали раскопки колец (у улуса Красный Яр за Моховым). Копали большое кольцо № 1.

10 августа (воскресенье). Продолжали раскопки кольца № 1, раскопали кольцо № 2 и начали 2 каменные поздние могилы.

11 августа (понедельник). Кончали раскопки кольца № 1 и кончали могилы, а также копали курганы у улуса Красный Яр (тагарские) № 1 и 2. Кольца оказались афанасьевскими, но бедными. Опасаясь за их малую рентабельность, было копать их по желанию В.П. Левашовой для Минусинского музея на его средства.

12 августа (вторник). Выходной день. Переписывали дневники.

13 августа (среда). Рабочие заявили, что у них мало запасов продовольствия, без мяса нельзя работать. В.Г. Карцов поехал в город за продовольствием, В.П. Левашова вела раскопки кольца № 3, 4 и 5.

14 августа (четверг). В.П. Левашова продолжала раскопки. В.Г. Карцов вернулся из города к вечеру.

15 августа (пятница). Кончали кольцо № 5 и начали кольцо № 6. Дошли до основных погребений

16 августа (суббота). Из-за дождя не поехали кончать кольцо (расчистка), а начали раскопки Карасука у самого улуса Мохова. Из-за дождя пришлось работать только 2 часа. Так обидно, что сорвался рабочий день, а платить мы обязаны.

17 августа (воскресенье). Выходной день. И очень хорошо, так как с утра идёт обкладный осенний дождь.

18 августа. Раскопали Карасукские оградки № 1 (2 погр[ебения]), № 2, № 3 (2 погр[ебения]) и начали № 4, очень неудачно.

19 августа. Копали карасуки № 4, № 5, № 6, № 7 и № 8 и афанасьевское кольцо № 6, единственное оказавшееся сравнительно хорошим. Все афанасьевские кольца идут по Минусинскому музею в

6. Геро фон Мергарт (1886–1959) — европейский археолог, попавший в Сибирь в качестве военнопленного в годы Первой мировой войны. В 1919 г. был назначен реставратором в Музее Приенисейского края, затем был назначен заведующим отделом археологии. Автор книги "Бронзовый век на Енисее" и воспоминаний о пребывании и работе в Сибири.

его счёт, так как все карасукские погребения граблены, решили ехать на Подкунинскую группу.

20 августа. Выехали на улус Подкунинский, отрешившись от Мохова. Нам там безобразно не везло.

Приехав в Подкунинский улус, начали раскопки. Начали андроновское кольцо № 1 и раскопали карасукские могилы № 1 и 2.

21 августа (четверг). Расчистили кольцо № 1 и раскопали 2 карасукские оградки, содержащие 5 погребений. Ещё их не расчищали, авось, будут хороши. начали кольцо № 2.

22 августа (пятница). Выходной день. Всё время идёт дождь. Подводили итоги работ ввиду их скорого конца за израсходованием средств.

23 августа (суббота), копали кольцо № 2 и расчищали старые хвосты. Один из курганов оказался тагарским с двумя погребениями, другой карасукский с тремя. Вечером отпустили рабочих.

24 августа (воскресенье). Кончали кольцо № 2, к вечеру выехали в г. Хакассск.

25 августа (понедельник). Упаковывались.

26 августа (вторник). Выехали в Минусинск.

27 августа (среда). Разбирали коллекции.

28 августа (четверг). Разбирали коллекции.

29 августа (пятница). Руководитель экспедиции В.Г. Карцов выехал в Красноярск.

**[подпись чернилами:
«Руководитель экспедиции
В. Карцов»]
ГАНО. Ф. Р-217,
оп. 1, д. 200, л. 3об. — 7об.**

**ОТЧЁТ о результатах
археологических разведок,
произведённых Минусинско-
Хакасской археологической
экспедицией ОИС в 1930 г.**

Во время проведения работ экспедицией пройден следующий маршрут:

1. Дер. Быстрая, Минусинского района;

2. г. Минуинск — с. Лугавское, Минусинского района;

3. с. Лугавское — с. Шушенское, Ермаковского района;

4. Кайбальская степь, по линии

дер. Сидорова, Ново-Михайловская, оз. Борки, гора Иззык;

5. Улусы Райков-Баинов-Картинский (Мохов) — г. Хакассск, Чарковского района;

6. г. Хакассск — улусы Подкунинский, Мохов, Красный Яр, Чарковского района;

7. г. Хакассск — улус Подсиний, Чарковского района.

При следовании указанным маршрутом экспедицией встречены следующие археологические памятники.

1. Стоянка у д. Быстрой.

Стоянка расположена к юго-востоку от деревни, вверх по течению Енисея, на правом берегу его. Здесь, начинаясь у самой деревни и на протяжении 2 км тянутся песчаные дюны, дающие повсеместно находки древних культурных остатков и местами обнажения культурных слоёв.

Стоянка совершенно развеедена и только в юго-восточной её части сохранился небольшой участок, заросший травой. Здесь в небольшом обрыве тянется обнажение слоёв: 1) под растительным слоем залегает на 0,10 м. чистый песчаный слой, 2) тёмный культурный слой мощностью в 0,15 м.; 3) стерильный песчаный слой в 0,10 м.; 4) тёмный культурный слой в 0,2 м.; 5) стерильный песчаный слой в 0,1 м.; 6) тёмный культурный слой в 0,1 м.; 7) песчаный грунт. Здесь был заложен шурф размером в 1х2 м., давший только несколько обломков костей животных, главным образом из второго культурного слоя. На стоянке повсеместно встречены в песках кучи железных шлаков, а в одном месте довольно большое число кусков невыплавленной железной руды. Здесь был найден большой камень — дробильник с выщерблинами от работы на поверхности. Всё это свидетельствует о наличии здесь древней кузницы. Необходимые на стоянке вещи и керамика принадлежат культурам неолитоидным, тагарской и поздним.

2. Стоянка у озера Тагарского.

К югу от озера в 1,5 км имеется сильно развееденная и довольно слабо выраженная дюнная стоянка. Собрана керамика эпохи

железа и железные и глиняные шлаки.

3. Стоянка у с. Лугавского.

Стоянка расположена на песчаных дюнах, начинаясь у самого с. Лугавского и простираясь на расстояние около 3 км. к северо-северо-западу от него. Здесь непрерывно тянутся гряды дюн, совершенно обнажённых, только местами поросших чахлой травой и кустарником.

Культурный слой, обнажённый как бы отдельными пятнами, перевееден совершенно.

Найденная здесь в обломках керамика говорит мало. Вероятно все обломки принадлежат неорнаментированным стоянкам карасукских или тагарских горшков.

4. Лугавская курганная группа.

Близ самого села, за мостом, на так называемом «Увале» разбросано 11 курганов с небольшой земляной насыпью полушарной формы, обставленных невысокими камнями.

Среди них, недалеко от современного кладбища, встречено выложенное из гальки кольцо Чаа-тас. Близ него разбросано несколько небольших круглых площадок, также выложенных из гальки.

Кольцо раскопано нами 14 — 15 июля.

5. Курганы на Думной горе.

На расстоянии около 4 км от с. Лугавского, на северном склоне Думной горы близ тракта на с. Казанцево, расположено 12 курганов с земляной насыпью полушарной формы.

Из них 4 раскопаны А.В. Адриановым в 1885 г. <...>

6. Койская курганная группа.

На расстоянии около 5 км к северу от д. Коя в районе тракта замечена небольшая группа, состоящая из приблизительно 20 курганов полушарной формы с земляной насыпью.

7. Ойская курганная группа.

По правому берегу р. Ои за д. Лихачёвой на горе замечены 3 кургана полушарной формы с земляной насыпью.

8. Вал у с. Шушенского.

По ровному полю, у северо-восточной окраины деревни (на задах_ близ молочно-техни-

ческой школы имеются следы сильно оплывшего вала высотой в 0,3 м при ширине около 4 м.

Вал расположен на низменном месте, в стороне от реки, и собой совершенно не огораживает даже какой-либо участок, почему рассматривать его как остаток городища является маловероятным.

Заложенный близ вала шурф культурного слоя не обнаружил. Под чернозёмом мощностью в 0,3 м залегает грунтовый глинистый слой.

9. Горевская курганная группа.

По дороге от улуса Горева на д. Н.-Михайловку (Ляги) на второй террасе левого берега Енисея в расстоянии около 3—4 км. от улуса замечено 9 курганов с земляной насыпью полушарной формы.

10. Ново-Михайловская курганная группа.

В расстоянии около 4 км к юго-западу от д. Ново-Михайловки имеется 3 больших кургана с земляной насыпью.

11. Дмитриевская курганная группа.

В 8 км от Михайловки между дорогой от последней на озеро Борки и д. Дмитриевкой замечено 5 курганов с земляной насыпью полушарной формы.

Несколько далее, правее дороги, 12 курганов, обставленных камнями.

12. Борковская курганная группа.

За 2 км. до оз. Борковского вправо от дороги замечено 2 кургана с земляной насыпью. Один из них видимо давно раскопан большим колодезем.

13. Стоянка на оз. Борки.

По восточному берегу Борковского озера тянутся пески сильно развееденные, в которых отдельными островками прослеживается тёмно-серый культурный слой мощностью не более 10 см. В выдувах найдено несколько осколков кремней со следами обработки, покрытых сильной блестящей патиной и куски железного шлака.

14. Курган у д. Краснополюе.

По дороге от д. Смирновки (Борки), не доезжая д. Краснополюе, замечен один курган полушарной формы с земляной насыпью.

15. Курганы между д. Краснополюе и г. Иззык.

По дороге на г. Иззык к месту переправы через Абакан против улуса Баинова, в расстоянии около 3 км от дер. Краснополюе замечено 2 кургана с земляной насыпью, полушарной формы, в 4 км влево от дороги большой курган, обставленный высокими камнями. Не доезжая до так называемого «табора» в расстоянии около 8 км от р. Абакана, близ дороги, 2 небольших кургана, обставленных камнями.

В 3 км левее табора, на горе, видно 4 кургана с земляной насыпью, правее табора 1 курган, обставленный камнями; в 1 км за табором, влево от дороги, большой курган с земляной насыпью.

16. Курганы в районе горы Иззык (правый берег Абакана).

У самой дороги от д. Краснополюе при приближении к р. Абакану ниже г. Иззыка имеется 5 курганов с земляной насыпью. Один из этих курганов обставлен 4 камнями, стоящими на СЗ, ЮВ, ЮЗ, СВ.

Метрах в 200 к СЗ от этого кургана, по прямой линии, вытянут ряд камней, 7 из них или свалены на бок или обломаны, восьмой, самый дальний от кургана, представляет из себя большую плиту, вкопанную стояком, высотой около 2,5 м.

Несколько ниже горы Иззыка, близ переправы через реку Абакан, против Баинова улуса, в долине, спускающейся к реке, насчитано 20 курганов, небольших, обставленных камнями.

На СВ склоне г. Иззыка замечено 12 курганов того же типа.

17. Позднекочевнические каменные могилы и Чаа-тас на г. Иззык.

На ближайшей к перевозу (выше по течению р. Абакана) вершине г. Иззыка обнаружено 8 могил в виде небольших кучек камней и несколько в стороне от них, на самом мысу горы, — одно каменное кольцо — Чаа-тас, диаметром в 3 м.

18. Курганная группа в степи между Баиновым и Райковым улусами.

По левобережной долине р. Абакана в районе Баинов — Райков улусы в степи разбросано

огромное количество (вероятно несколько сотен) курганов с земляными насыпями, полушарий формы, различных размеров, обставленных низкими оградками из камней, с высокими плитами на углах или без них. Есть и курганы без камней.

Из всех этих курганов наиболее крупные отстоят далее от р. Абакана, тогда как ближе к нему, там, в массе, курганы становятся мельче. В этой группе экспедицией раскопано 4 кургана.

19. Сапоговская группа Таштыкских колец.

В расстоянии около 5 км от Сапоговского улуса (Сельсовета) близ самой дороги на улус Киштеевский, по степи разбросано 9 колец, выложенных из речных крупных галек. Диаметр колец 5—10 м., из них раскопаны экспедицией 2, содержащие погребения коровы и овцы, судя по горшкам, Таштыкской культуры.

20. Сапоговская курганная группа.

В районе Сапоговского улуса в сторону к улусу Каштеевскому и улусу Картинскому (Мохову) по степи разбросано до 30—40 каменных курганов с земляной насыпью, как обставленных камнями, так и без них.

21. Картинско-Доможаковские курганная группы.

В степи, тянувшейся между улусом Картинским (Моховым) и Доможаковым (на левом берегу р. Уйбата непрерывно тянутся курганы различных размеров, обставленные и не обставленные камнями, имеющие полушарные и несколько вытянутые земляные насыпи. Ученье количество курганов здесь даже приблизительно не представляется возможным. Они разбросаны по всей степи и числом достигают нескольких сот.

22. Курганы в районе улуса Доможаков-Кипчальский.

В районе улуса Доможаков — улус Кипчальский, в долине р. Уйбата, курганы становятся более редкими, это всё большие полушарные земляные насыпи, обставленные оградками из плит, положенных на ребро с высокими камнями на углах. У одного из этих курганов с западной сторо-

ны, метрах в 5 стоит менгир (курган на берегу Уйбата в 2 км выше Доможакова улуса).

23. Курганы по шоссе от улуса Картина к г. Хакасску.

Вдоль шоссейной дороги, проходящей за Каргинским (Моховым) улусом на город, на протяжении 10 – 12 км от улуса беспрерывно тянутся довольно крупные курганы с земляной насыпью полушарной формы, обставленные на углах камнями и без камней. На этом протяжении насчитывается до 100 курганов.

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ЕНИСЕЯ

24. Хакасско-Аскировская курганная группа.

На полпути между Аскировской пристанью и г. Хакасском, вдоль большой дороги разбросано до 80 курганов с земляной насыпью. Некоторые из них обставлены камнями. Размеры различные, но преобладают сравнительно мелкие.

25. Путинковская курганная группа.

У Путинковского улуса, близ дороги, разбросано около 55 курганов, небольших, с земляной насыпью. Некоторые из них обставлены камнями.

26. Аскировская I курганная группа.

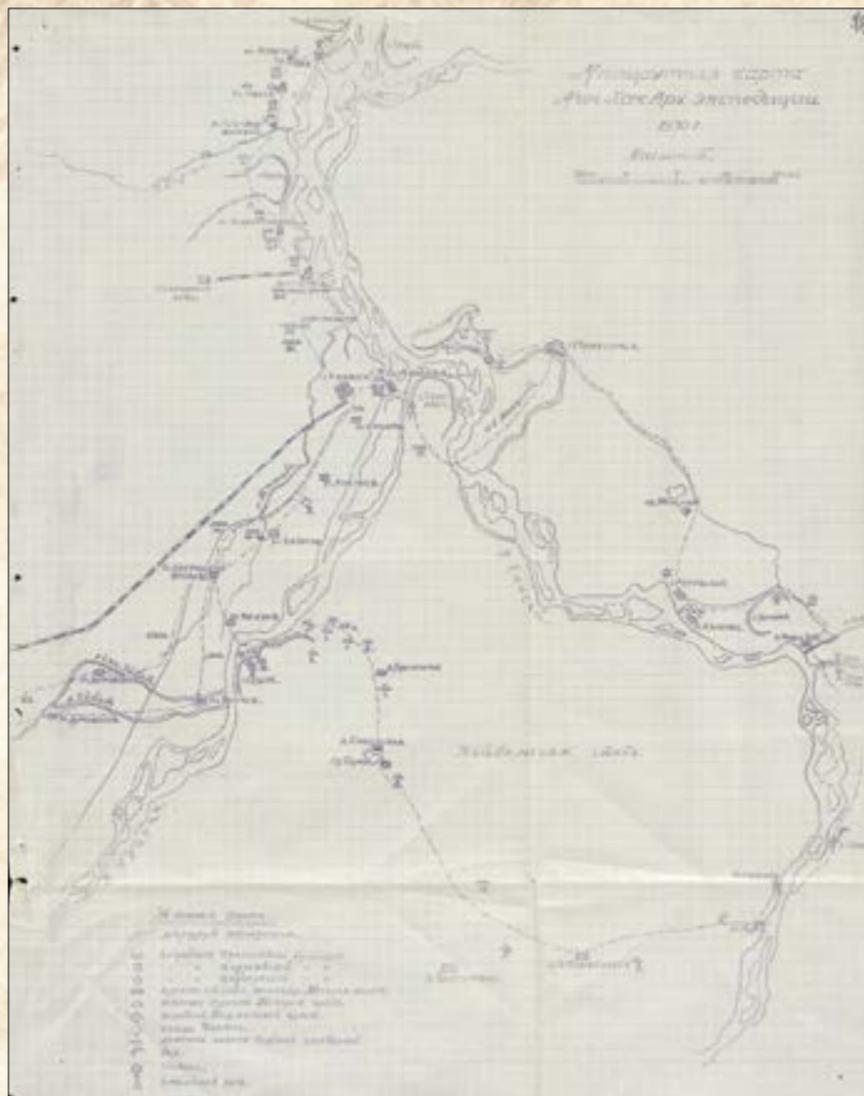
У Аскировской пристани на запад села и по окружающей степи расположена большая курганная группа, насчитывающая более 200 курганов различных размеров с земляной насыпью полушарной и несколько вытянутой формы. Большинство курганов здесь обставлены четырёхугольными оградками из каменных плит с высокими камнями на углах.

27. Аскировская II курганная группа.

Сразу за с. Аскирским, в направлении к комбинату, на берегу протоки расположен ряд (до 30–40) еле заметных распычатых курганов, огороженных низенькими, слабо выступающими над поверхностью, четырёхугольными каменными оградками.

28. Подкунинский могильник и курганная группа.

На окраине улуса Подкунинского на дороге и близ неё разбросан ряд каменных оградок

квадратных и круглых. Первые часто примыкают одна к другой (типичный карасукский могильник). За улусом по степи имеется ряд тагарских курганов.

Здесь раскопано экспедицией несколько карасукских и андроновских погребений и один тагарский курган.

29. Курганная группа и карасукский могильник на г. Куне.

Сразу за Подкунинским улусом при подъёме и на первом перевале горы Куни расположено до 100 курганов с земляной насыпью эллиптической и полушарной формы, обставленных по углам 9–10 высокими камнями, иногда превышающими человеческий рост.

Среди них, на перевале, разбросаны еле заметные оградки из каменных плит четырёхугольной формы. Насыпей нет. Среди этих оградок выступают на поверхность и отдельные каменные ящики.

30. «Девичья яма» на горе Куни.

На самом высоком перевале через р. Куню имеется воронкообразная впадина, вся забросанная камнями и палками.

Существует поверье о происхождении этого перевала через Куню:

Две девушки, влюбившись в одного богатыря, дрались за него на этой горе, гонялись друг за другом и протоптали перевал. Наконец, с разбегу упав и боровшись, пробили эту яму. Здесь они и убили друг друга.

С тех пор каждый проезжий бросает в эту яму камешек или палку.

31. Закунинская курганная группа.

Сразу по перевале через г. Куню, у подошвы её, расположено 11 курганов с земляной насыпью, обставленных высокими камнями.

32. Курганы вверх по реке Бидже.

По долине реки Биджи издали виднеется ряд таких же курганов.

33. Усть-Биджинская курганная группа.

Сразу за Усть-Биджинским (Каратаевым) улусом близ дороги разбросано 16 курганов с земляной насыпью, обставленных камнями.

34. Моховская I курганная группа.

Не доезжая Мохова улуса, при дороге, идущей от горы Куни, расположено 24 кургана с земляной насыпью, обставленных камнями.

35. Моховский карасукский могильник.

К западу от Мохова, сразу на запад улуса, по всей степи разбросаны карасукские оградки в огромном числе (возможно, несколько сот).

36. Моховская II курганная группа.

За могильником, далее к западу, на склонах возвышенности, виднеется ряд тагарских курганов, обставленных по углам камнями и имеющих низкие оградки.

37. Мохово-Красноярская курганная группа.

Около 20 таких курганов редко разбросаны по обеим сторонам дороги от Мохова улуса до улуса Красный Яр.

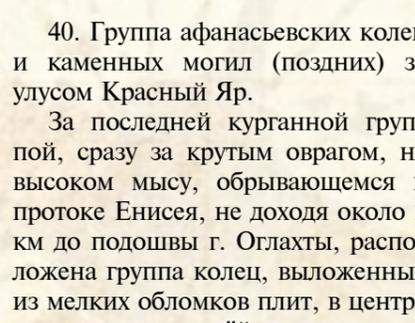
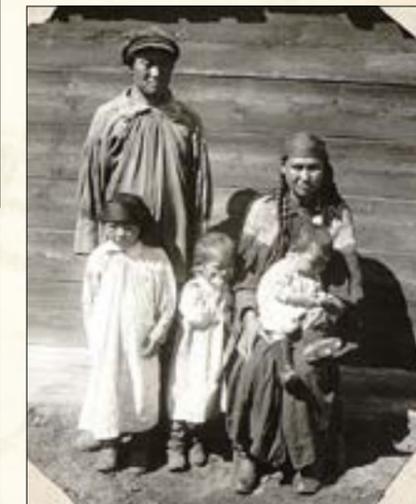
38. Курганная группа I у улуса Красный Яр.

Вокруг улуса Красный Яр разбросано около 50 таких же курганов.

39. Курганная группа II за улусом Красный Яр.

На берегу протоки Енисея, между улусом Красный Яр и горой Оглахтой, разбросана группа, содержащая около 30 курганов таких же. Здесь они расположены на высоком берегу, к которому подходит дугообразно расположенный (упираясь концами в обрыв к протоке) земляной вал (выкид земли), слабо заметный ров и каменная кладка.

Площадь, заключённая в этой оградке, шурфовалась, но культурного слоя она не содержит.

40. Группа афанасьевских колец и каменных могил (поздних) за улусом Красный Яр.

За последней курганной группой, сразу за крутым оврагом, на высоком мысу, обрывающемся к протоке Енисея, не доходя около 2 км до подошвы г. Оглахты, расположена группа колец, выложенных из мелких обломков плит, в центре засыпанных землёй, принадлежащих афанасьевской культуре. Здесь нами раскопано 6 колец.

Здесь же обнаружены 4 могилы позднекочевнического времени, имеющие вид небольших каменных куч. Из них нами раскопано 2.

41. Подсинская курганная группа. На расстоянии около 1,5 км от улуса Подсинего по дороге на г. Хакасск расположено 29 курганов с земляной насыпью как без камней, так и обставленной камнями.

ГЕНЕРАЛ А.С. БАКИЧ: ПОСЛЕДНИЕ БОИ, АРЕСТ И СУД (ПО ДОКУМЕНТАМ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА А.С. БАКИЧА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Выдрина Ольга Викторовна – ведущий археограф Государственного архива Новосибирской области, e-mail: vov@nso.ru Государственный архив Новосибирской области, РФ, 630007, г. Новосибирск, 16.

Сообщение командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бакича начальнику Алтайской конной дивизии генерал-лейтенанту Р.Ф. Унгену об оперативной обстановке

8 июля 1921 г.
г. Шара-Сумэ

6 июля н[ового] ст[илия] в г. Шара-Сумэ прибыл Шегабетдинов, который передал мне записку есаула Кайгородова¹ и Ваш приказ № 15. Приказ и записка мне многое выяснили, так как о происходящем в Монголии и Дальнем Востоке мы знали по слухам и большевистским газетам. Совместная работа русских отрядов и монгол послужило по-видимому причиной сговора между московским Совнаркомом и китайскими властями, которые учитывали угрозу, которую им представлял мой корпус в районе Чугучака. 24 мая китайцы вместе с большевиками напали на мои безоруженные войска. Пришлось отходить в направлении к Монголии, т. К. уже имелись сведения, правда непроверенные, об освобождении ее от китайцев. Защищаясь чем мог от преследующих меня китайско-большевистских частей 3 июня я дошел до долины Кубука, где был встречен отрядом красных в числе до 500 человек. Этот отряд

Генерал Андрей Степанович Бакич (1874–1922) – участник белого движения, после убийства генерала А.И. Дутова стал командующим остатками Оренбургской армии в Китае. В апреле 1921 г. перешёл в Монголию, в конце похода захватил город Шара-Сумэ, где установил связь с бароном Р.Ф. Унгерном. В октябре 1921 г. Отдельный корпус генерала А.С. Бакича был разгромлен 13-й Кавалерийской бригадой Красной Армии. Бакичу удалось скрыться, но в начале 1922 г. он был захвачен

удалось мне ликвидировать, забрать оружие и патроны. На р. Черный Иртыш встретили меня китайские войска, занявшие переправу. Пришлось их обезоружить. Шарасуминские китайские власти на мое предложение не препятствовать продвижению корпуса – ответили боевыми действиями, почему я решил также с бою занять Шара-Сумэ, что и произошло 2 июля. Китайцы большей частью разбежались. После некоторого отдыха в район Шара-Сумэ предполагаю очистить весь Алтайский округ от китайцев и приступить к выполнению задачи, согласно приказа Вашего № 15.²

Состав моего корпуса около 5 000 бойцов, нуждаемся в оружии, патронах (3-х[линейных]) и продовольствии. Остальные 3 000 – беженцы, старики, женщины и дети, которых желательно было бы разместить в Кобдинском районе. Прошу об осуществлении этого меня ориентировать.

Обстановка в районе Чугучака, Кульджи и других пунктов Западного Китая мне теперь неизвестна, но вероятно там русских уже не осталось, т. к. с начала мая китайцы стали вылавливать всех русских и передавать в руки большевиков. Атаман Дутов 8 февраля убит большевиками в Кульдже, атаман Анненков по слухам арестован в

агентами НКВД и отправлен в Советскую Росси. В мае 1922 г. прошёл открытый судебный процесс в Новониколаевске, который приговорил А.С. Бакича к расстрелу.

Публикуемые документы из следственного дела генерала А.С. Бакича, которые находятся на хранении в Государственном архиве Новосибирской области (Ф. Р-1146) показывают Бакича в качестве дипломата и командира, а также дают возможность познакомиться с его политическими взглядами.

Урумчи, отряд его отправлен вглубь Китая. 14 мая под Чугучаком к корпусу присоединилась 1-я Сибирская народная дивизия из повстанцев Петропавловского и Ишимского уездов, которые через Каркаралинск вышли к китайской границе. Один из моих офицеров будет находиться постоянно в Кобдо, через которого прошу держать со мной связь, через него также и я буду пересылать свои сообщения.

Генерал-лейтенант [А.С. Бакич]
начальник штаба,
генерального штаба,
Генерал-майор
[И.И. Смольнин-Терванд]

ГАНО. Ф. Р-1146.
Оп. 1. Д. 137. Л. 6–6об.
Копия заверенная.
Машинописный текст.

Открытое предписание № 31
командира Отдельного
Оренбургского корпуса
генерал-лейтенанта
А.С. Бакича всем окурдаям³
Алтайского и Кобдоского округов

Июль 1921 г.
г. Шара-Сумэ

Предъявителю сего, моему уполномоченному полковнику ПУЛЯШКО и сопровождающим его людям предписываю оказы-

вать полное содействие по сбору и отправке в г. Шара-Сумэ лошадей, верблюдов, рогатого скота и баранов бежавших из округа китайцев и дунган, а также давать проводников, выставлять юрты и снабжать довольствием, как во время объезда им района, так и при стоянках.

Что подписью с приложением казенной печати удостоверяется.

Командир Отдельного Оренбургского корпуса, Генерал-лейтенант [А.С. Бакич]
Начальник штаба,
генерального штаба,
Генерал-майор
[И.И. Смольнин-Терванд]

ГАНО. Ф. Р-1146.
Оп. 1. Д. 136. Л. 240.
Копия не заверенная.
Машинописный текст.
Имеется оттиск
гербовой печати штаба
Оренбургского Армейского
корпуса

Циркулярное предписание
командующего отдельным
Оренбургским корпусом
народно-революционной армии
генерал-лейтенанта А.С. Бакича
начальникам народных дивизий
(1-й Сибирской, 1-й, 2-й
Оренбургских, Сызранской),
начальникам управления
и учреждений отдельного
Оренбургского корпуса народной
революционной армии о приеме
в ряды подразделений армии
красноармейцев-перевалочников.

1 сентября 1921 г.
г. Арасуме

Вследствие полученных распоряжений Верховного главнокомандующего народных революционных армий, приказываю принять к строгому и неуклонному исполнению следующее:

Всех добровольно сдающихся и перешедших на нашу сторону красноармейцев, хотя бы даже и с оружием в руках, не считать нашими врагами. Помнить, что вся эта молодежь – красноармейцы наши братья, ибо была масса случаев, что сдавшиеся находили в наших отрядах своих родных братьев,

было таких установлено 32 случая, что сдавшиеся красноармейцы находили своих отцов. Пусть каждый командир и рядовой ясно представит себе картину проводов красноармейца из отчего дома в Красную армию: как нас, когда провожали из родных домов, так и их – также по христианскому обычаю, на стол кладя булку хлеба, присаживались, молились тому же Богу, которому молимся и мы, и может быть те матери и отцы с судорожными рыданиями провожали своих детей – единственную опору в старости и немощи на войну с кем? Со своим же братом. Почему делали так? Делали потому, что принуждали жиды-комиссары. Говорили они во время прощания своим сыновьям: «Сынок, пойдешь служить, защищай коммуны. Нет, не говорили, ибо эта коммуна свела у них со двора последнюю животину и под метелку вымела все закрома, дала же взамен этого 5 фунт[ов] хлеба на едока в месяц. Почему же воюют против нас красноармейцы? Да потому, что сзади их подгоняют комиссары, но стреляют они всегда вверх, этим и объясняются ничтожные потери в наших рядах. Помнить и растолковывать каждому рядовому, чтобы ни один волос не упал с головы красноармейца.

Приказываю, сдавшихся зачислять на довольствие при частях на тот же паек, что получаем и мы, предоставлять такие же помещения, какие предоставляются своим солдатам, под страхом расстрела запрещая об отобрании каких бы то ни было вещей у красноармейцев.

Для красноармейцев, пожелавших стать в наши ряды, сохранять за ними принесенные оружие. Желающих идти на родину⁴ отпускать, отказавшихся идти на родину после освобождения, из коммуны, сформировать в особые команды, с назначением начальниками из них же, с восстановлением внутреннего порядка, какой существует и у нас, и в народной армии.

В виду недостатка комсостава разрешаю комсостав Красной армии, перешедший на нашу сто-

рону, в случае выраженного им желания, принимать на командные должности не выше командиров роты и под ответственность ближайших начальников.

Иметь ввиду, что многие перешедшие к нам из комсостава Красной армии, зарекомендовали себя вполне надежными начальниками, даже и из числа окончивших военные школы красных командиров.

Объяснить сдавшимся, что погони мы носим не для того, чтобы требовать отдания чести, а для того, чтобы отмечать своих, что в наших рядах не редкость встречать полковника с 1, 2 и 3 нашивками, что означает – что полковник служит чуть не рядовым бойцом, а бывший пахарь командует им.

Впредь, при назначении на командные должности, руководствоваться не чинами, а боеспособностью и умением обходиться с народом.

Вместе с этим предписываю широко оповестить подчиненные нам войска, что песня коммунистов на Руси спета. Мы не желаем воевать с народом до тех пор, пока он сам не познает, что такое коммуна и поэтому ушли в Китай. Мужик сер, да ум у него не черт съел, теперь, он хорошо понял коммуны.

Повстанцы Омской, Тобольской и Челябинской губерний послали за нами одну свою народную дивизию вместе со своим пахарем начальником Токаревым во главе. Прибыли за последнее время два партизанских отряда из Самарской, Оренбургской и Тургайской губерний они зовут так же для установления новых порядков, при которых можно было бы жить мирно. Из приведенным этим отрядом сведений – все Поволжье горит в восстаниях. Западная Сибирь бьётся за свободу уже шесть месяцев. За Волгой стоят народные войска А. Маруси, Попова.

Батка Махно очистил всю Украину.

По Чуйскому тракту тянутся обозы с семьями коммунистов – нам на смену. Пусть еще китайцы

¹ Александр Петрович Кайгородов – участник белого движения, начинал службу в конвое адмирала А.В. Колчака, но был разжалован и уволен из Русской армии за призывы к созданию «национально-территориальных армий». В ноябре 1919 г. поступил на службу к командующему войсками Горного Алтая капитану Д.В. Сатунину, а после его смерти возглавил войска Горного Алтая. После разгрома кайгородовцы перешли в Монголию, где действовал совместно с А.С. Бакичем, находясь в подчинение барона Р.Ф. Унгерна. Во время похода на Алтай в октябре 1921 г. отряд Кайгородова попал в окружение, сам Кайгородов застрелился.

² Фрагмент впечатан в текст позднее

³ Окурдай – чиновник, назначивший амбаном для управления хошуном.

⁴ Рукописная вставка

узнают, что такое коммуна.

Предписание разослать по всем частям с тем расчетом, чтобы его имел для руководства каждый взвод.

Командующий отдельным Оренбургским корпусом народно-революционной армии генерал-лейтенант Бакич

**ГАНО. Ф. П-1.
Оп. 9. Д. 7. Л. 1–3. Копия.
Машинописный текст
с правкой. Документ рассекречен.**

Комментарий:

После того, как Оренбургская армия под командованием А.И. Дутова была разбита в сентябре 1919 г. под Актюбинском, её остатки перебазировались в Семиречье, где влились в состав Семиреченской армии атамана Б.В. Анненкова. Сам А.И. Дутов был назначен генерал-губернатором Семиреченской области, а командование остатками Оренбургской армии перешло к генералу А.С. Бакичу. В марте 1920 г. вместе с остатками Оренбургской армии (около 10 тысяч человек) А.С. Бакич направился в китайский город Чугучак, где и был интернирован. В мае 1920 г. в Китае оказался А.И. Дутов, а вскоре туда же добрались остатки армии Б.В. Анненкова. После того, как 7 февраля 1921 г. был убит А.И. Дутов, А.С. Бакич стал командующим армией, численность которой резко сократилась после того, как около 6 тысяч человек вернулись в Россию, а часть направилась на Дальний Восток воевать в рядах белых армий. В апреле 1921 г. к отряду Бакича присоединилась пришедшая из Сибири повстанческая Народная дивизия хорунжего С.Г. Токарева в числе примерно 1 200 человек. В мае 1921 г. из-за угрозы окружения красными отряд Бакича (около 8 тысяч человек, из которых только 600 человек были боеспособными) направился в Монголию, где ему удалось прорваться сквозь заслон красных и дошёл до города Шара-Сумэ, который он занял, после того, как его гарнизон бежал. В начале сентября 1921 г. в Шара-Сумэ около 3 тысяч человек из отряда Бакича сдались красным, которые подошли к Шара-Сумэ, а остальные ушли в Монгольский Алтай, где в

конце октября 1921 г. сдались красным монгольским войскам.

Данная листовка написана Бакичем в Шара-Сумэ (в тексте город называется Арасуме) 1 сентября 1921 г., когда к городу уже приближались советские части.

Определённую надежду белогвардейцы, оказавшиеся за границей, возлагали на крестьянские восстания против “продразвёрстки” в Сибири, в Поволжье и на Урале. В частности, в листовке Бакича упоминается крестьянское восстание в Западной Сибири, которое ещё продолжалось летом 1921 г.

“Народные войска” за Волгой, которые упоминаются в листовке — это восстания крестьян в Поволжье под руководством бывшего 22-й дивизии 4-й Красной Армии Восточного фронта А.П. Сапожкова и командира 23-й стрелковой “мироновской” дивизии Ф.И. Попова. Отряд восставших под командованием А.П. Сапожкова был разбит 6 сентября 1920 г. Повстанцы под командованием Ф.И. Попова были разбиты в апреле 1921 г., а сам Попов был расстрелян 9 мая 1921 г. Знал ли об этом составитель листовки неизвестно.

Что касается батьки Махно, который также упоминается в листовке, то его армия была разгромлена 18 июня 1921 г. под Недригайловым, а сам Махно с небольшим отрядом повстанцев в конце августа 1921 г. ушёл в Румынию. Но, по-видимому, данные сведения ещё не были известны А.С. Бакичу, или же он умышленно скрыл от своих соратников, что повстанческая армия Н. Махно уже не существует.

Обращение военного губернатора Маньчжурии Хатон-Батор-Вана к личному составу военных отрядов русских беженцев на территории Монголии

3 декабря 1921 г.
г. Уланком

Русские граждане!!!

Вы находитесь в стране, которая три года тому назад гостеприимно приняла Вас на свою землю, рискуя нарушить наши добрососедские отношения с Советской Россией. Вы должны помнить, что двери наших аилов были открыты для Вас как для

несчастных беженцев и эмигрантов. Авантюра Унгерна ввергла Вас в новые бедствия и в новые несчастья. Вы напрасно старались тщетно восстановить якобы поправленные кем-то права, но Вы везде потерпели неудачу. Авантюра не удалась. Отряды Унгерна и Кайгородова разбиты и сам Унгерн пойман и находится в Ново-Николаевске. Отряд Сокольничкого разбился по Булугуну и вылавливается китайцами гаминнами и ограбленными летом (Кайгородовым) киргизами. Остальные же жалкие, оборванные, голодные осколки Бакиче-Кайгородовского и Казанцевского отрядов скитаются по Урянхаю и р. Тархалыку не зная, что предпринять и не зная куда отправиться. Один из таких мелких отрядов во главе с самим генералом Бакичем со штабом и др[угими] солдатами после бесполезных скитаний сдался нам и находится в Уланкоме. Они только разоружены, а за офицерами и генералами, занимавшими долж[ости] сохранено оружие. Все сдавшиеся размещены по теплым квартирам и получают от нас пищевое довольствие. Доказательством чему может служить предложение самого генерала. Русские граждане!! Пора кончить бесполезное кровопролитие. Пора приняться за мирную трудовую жизнь. Вас дожидаются на Родине со слезами на глазах Ваши родные, Ваши жены и дети. Бросьте сомнения, немедленно идите к нам. Сложите оружие как сложили Ваши товарищи во главе с честным генералом Бакичем и сколько бы не было трудно после черной анархии, пролетевшей над нашей Родиной, мы сколько возможно поможем Вам. Кому почему-либо нельзя вернуться на Родину тот останется у нас или выйдет в другую более гостеприимную страну, остальным же будет оказана помощь, чтобы вернуться в свои родные края и осушить слезы своим близким. Итак, братцы, долой оружие! Да здравствует мирная трудовая жизнь!

Монгольского отряда Сайт Дзяньзюнь⁵ Хатын Батр Дархэ-Ван

**ГАНО. Ф. Р-1146.
Оп. 1. Д. 136. Л. 217–217об.
Копия не заверенная.
Рукописный текст.**

Обращение заместителя представителя Наркомата иностранных дел РСФСР в Монголии А.Я. Охтина к Председателю Совета Министров Монгольского народно-революционного правительства Догсомыну Бодоо о выдаче генерал-лейтенанта А.С. Бакича и членов его отряда Советскому правительству

Не ранее 30 декабря 1921 г.

Почтенный гражданин.

Имею честь сообщить, что мною только что получено сообщение Революционного Военного Совета 5-й Советской армии, что банда Бакича общими усилиями Монгольской народно-революционной армии и частей русских Советских войск, ликвидирована. В период времени от 21-го по 26-е декабря с[его] г[ода] отряд генерала Бакича в Урянхае был разбит отрядом Советских войск под командой тов. Кочетова, при чем Бакич потерял до 500 чел[овек] убитыми и ранеными, много пленных и обоз. Потерпев окончательное поражение остатки банды Бакича во главе с самим Бакичем, преследуемые советскими войсками, бежали на Уланком, где были встречены частями Монгольской народно-революционной армии под командой Хатон-Батор-Вана. Видя безвыходное положение Бакич послал к Хатон-Батор-Вану делегацию для переговоров о сдаче. Хатон-Батор-Ван принял предложение генерала Бакича и его отряду сдалось до 700 чел[овек] бандитов во главе с генералами Бакичем, Степановым, Крахманом и др. Все пленные генералы, несколько полковников и обоз, отобранный у Бакича, Хатон-Батор-Ван направил в Ургу. Остальные же пленные направлены в Качегач. По тем же сведениям банды Карнаухова и Сокольничкого, пытавшиеся проникнуть в степи Гоби, но не удачно, в данное время в лице своих главарей обратились с просьбой к монгольским князьям о принятии их в Монгольское подданство.

Хатон-Батор-Ваном выслан отряд в числе 500 чел[овек] для захвата остатков банд Карнаухова-Сокольничкого.

Сообщая эту радостную весть почтенному Монгольскому народно-революционному правительству, выражая искреннюю радость победой, совершенной доблестной Монгольской народно-революционной армией и силой и мощью Красной Армии, стремившейся непрерывно к великому делу освобождения от общего врага, от имени Революционного Военного Совета 5-й Советской Армии и Представительства РСФСР в Монголии поздравляю почтенное Монгольское народно-революционное правительство с победой и полным уничтожением нашего общего врага.

Этот бандит Бакич и его сподвижники совершали громадные преступления против рабоче-крестьянской России. Эти бандиты, начиная с периода окончательной ликвидации колчаковщины, принесли бедствия, мучения и смерть сотням, тысячам людей, уничтожали и зверски расправлялись с неповинными мирными жителями, сжигали их дома, разграбили до основания те места, где они проходили.

Выражая глубокую уверенность, что Монгольское народно-революционное правительство передаст нашего непримиримого врага бандита Бакича и его сподвижников русскому Советскому правительству для привлечения таковых к ответственности, как за настоящие преступления, так и за прежние деяния.

Примите мое искреннее и глубокое к Вам уважение.

**П[одлинный] п[одписал]
Зам[еститель] представителя
Наркоминдела РСФСР
в Монголии
[А.Я.] Охтин**

**ГАНО. Ф. Р-1146.
Оп. 1. Д. 135. Л. 53.
Копия заверенная.
Машинописный текст.**

Опрос командира отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бакича в разведывательном отделе Штаба 5-й Красной армии и Восточно-Сибирского военного округа
28 марта 1922 г.

Ро[дился] в 1878 году [в] крестьянской деревне Забрдже Васевичевского округа. Подданный Югославии (черногорец).

Окончил шесть классов Белградского Александра короля Сербии гимназия. Военное образование — Одесское пехотное училище.

В Россию из Константинополя прибыл в 1900 году после того, как [в] 1898 году был изгнан из Сербии по подозрению в участии покушения на жизнь экс-короля. До этого, будучи гимназистом, участво[вал] [в] [н]ациональном движении. По приезде в Россию был прин[ят] [в] Одесское пехотное училище, которое окон[чил] по первому разряду в 1902 году в чине подпоручика и выпущен в 60-й Замоский пехотный полк. [В] 1904 году, по объявлению войны с Японией, добровольно выехал на Дальний Восток и был принят в 8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк с которым и провел компанию. В начале 1905 года был откомандирован во вновь сформированный 41-й Сиб[ирский] полк, в котором пробыл до мая 1906 [года.] [...]⁶. 1906 года вновь переведен в 8-й полк [...]⁷, а в 1909 году перешел в [...]⁸ пробыл до сентября [...]⁹ [в чи]не штабс-капитана получил отпуск, а затем под[ал] [в] отставку. В отставке пробыл до начала русско-германской войны, занимаясь коммерческой деятельностью (агентом русско-монгольского товарищества). С объявлением войны вновь вступил в армию [в] 56-й Сиб[ирский] полк, с которым выступил на войну, и в котором пробыл до марта 1916 года, находясь все время в строю. В марте был откомандирован [в] 53-й Сиб[ирский] полк на должность комбата, в составе данной части

⁵ Так в документе, имеется ввиду Цзянь-Цзюнь (кит.) — военный губернатор в Маньчжурии

⁶ Утрачена часть строки
⁷ Утрачена часть строки
⁸ Утрачена часть строки
⁹ Утрачена часть строки

получил производство в полковники в 1916 году. В конце 1916 года получил 55-й Сиб[ирский] полк, коим командовал до 30 мая 1917 года, после чего был от командования отстранен и назначен в резерв чинов Двинского военного округа.

Отстранен вследствие требования Полкового комитета моего отстранения и назначения вновь старого командира, который в 1916 году был отстранен от командования за неправильное донесение и доклад начдиву о боеспособности части в то время как два батальона отказались идти в атаку.

В период всей войны был ярым национал-патриотом и шел все время под лозунгом «Война до победного конца». К разразившейся [в] феврале 1917 года революции я отнесся двояко: во-первых считал ее несвоевременной для государства, участвующего в великой европейской войне, поскольку она безусловно должна была пред[ве]щать собой конец войны, и гибель национально-славянских планов; во-вторых против [н]ее принципиально ничего не имел. Был сторонником конституц[ионно]-демократического строя в каком [б]ы виде он не выразился, не исключая даже конституц[ионной] монархии. Не смотря на некоторое отрицание революции как несвоевременной, все же принимал участие в силу желаний поддержать национальный порыв для победного окончания войны.

Пробыв в резерве до сентября 1917 года принял 545-й Ахтырский пех[отный] полк, коим командовал до февраля 1918 года одновременно выполняя обязанности начдива. К большевистской агитации [и] Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно в силу введения принципа выборности в армии и поступков солдатской массы к офицерскому составу. Не разделял по убеждению их [...] тактику и программу партии. К происходившему немного ранее выступлению Корнилова определенного отношения не имел, равно и не вынес определенного впечатления. Как к Главнокомандующему относился с

уважением, и считал его военным авторитетом и патриотом. Движение его принимают как идею создания аполитичной [аполитичной?] армии, и в данном отношении взгляды его разделяю. В период командования [...] 545-м полком ни какого участия в политической жизни страны не принимал, исключительно занимаясь управлением частью. В феврале 1918 года по[сле] демобилизации [уе]хал из Киева к семье в Петроград. В Петрограде пробыл до 1 марта и после наступления немцев на Псковском направлении, выехал с семьей совместно с сербской комиссией в Саратов, где должны были стоять сербские полки, отступившие с Одесского направления. Не застав их здесь, с миссией уехал в Самару, куда вскоре прибыло два сербских полка. Цель поездки с миссией — эвакуация несколько задержалась вследствие маршрута ее на Волгу — Архангельск, и я остался с семьей и частью сербов в Самаре, занявшись коммерческой деятельностью. В подпольной работе против Советской власти в этот период участия не принимал, ибо считал ее противной. Имел намерение выехать на Дальний Восток, но за отсутствием пропуска выполнить намерение не представлялось возможным. Чехословацкий переворот застал меня в Самаре. После выступления я около месяца жил на даче близ Самары и в разворачивающихся событиях участия не принимал. 2 июля по мобилизации получил предписание Штаба Народной армии отправиться в распоряжение члена военного штаба Лебедева в города Сызрань. По прибытии туда назначен был командующим Сызранской группой войск и начдивом 2-й Сызранской [дивизии]. В составе дивизии принимал участие в обороне Сызрани и [в] боях с красными. По отступлении из Сызрани дивизия ушла на Бузукское направление, и далее с боями на Оренбургское. За Бузулуком с дивизией ушел в резерв на разезд Сакмарский, а подошедшие Оренбургские части остановили наступление красных.

После десятидневного отдыха

дивизия в составе бригады и одного Казполка с батареей была двинута на правый фланг Бузулукской группы, где башкирские войска отказались от участия в войне на стороне [...] белых. В декабре 1918 года под натиском красных пришлось отходить на станицу Сакмарскую, а затем вдоль железной дороги на Орск, где частями 2-го Оренбургского корпуса наступление красных было приостановлено. 16 февраля 1919 года я получил телеграмму командарма о назначении меня командующим 4-м Оренбургским армейским корпусом, который был сформирован из 2-й Сызранской, 5-й стрелковой Оренбургских дивизий и 1-й казачьей конной бригады. Приняв командование корпусом получил директиву двигаться по тракту от Орска на Тома[...]. Кизильское и дальше на Верхне-Уральск. В районе [станции] Кизильская [и] Магнитная корпус остановился, наладив связь с Уфимской группой. В начале марта была сформирована ставка Южная группа из 5-го Стерлитамакского и 4-го Оренбургского корпусов под общим руководством генерала Белова.

[В] апреле месяце 1919 года происходило общее наступление колчаковской армии и Южная группа, совместно с Оренбургской армией двинулась вперед. Но уже в начале мая вновь пришлось отступать. В июне месяце началась перегруппировка частей и корпус был переброшен на правый фланг армии под Верхний [...] альск, где уже в августе начались бои и дальнейшее отступление на Актюбинск. Здесь Белов фланговым движением тыла и [фронта] от Троицка до Актюбинска погубили всю армию. Мой корпус пошел по моему личному приказанию на Атбасар и дальше в долину реки Ишим. Неисполнение мною приказа Белова являлось следствием не умелой оценки последним создавшегося положения и неумелого руководства Белова операцией.

По выходу в долину Ишима, я был подчинен ставке и получил от нее распоряжение остановиться.

Вскоре приказанием ставки Белов был отозван в Омск и из Южной армии сформировано Оренбургская под командованием Дутова, каковой был придан и мой корпус. Вновь сформированная армия все же натиска красных не сдержала, и из района [...] Атбасар — Актюбинск стала с арьегардными боями отходить на Актюбинск — Каракалинск имея большие потери тифозными больными. Ориентировка в численности и расположении красных частей была плохая и сведения добывались весьма скудно, и дальше фронтовой разведки не шли. Объясняю я это плохой постановкой разведывательного дела.

Уже в период отхода Дутов имел намерение обосноваться в Семиречье, оздоровив свою армию за счет отрядов Аненкова, и о чем он уже стал сноситься с последним. По приходе же в Сергиополь выяснилось, что Аненков не только не подчинится Дутову, но и не желает помочь материально и продовольствием и фуражом. По прибытии 30 декабря 1919 г. Дутова в Сергиополь после разговора по проводу с Аненковым Дутов вы[ехал] в ставку его станицу Урджарскую, где имел совещание на котором решено было из двух армий сформировать одну под командой Аненкова, дав ей название отдельной Семиреченкой. Оренбургская армия переименовывалась в отряд атамана Дутова и командование было возложено на меня. В начале я отказывался, но после категорического приказа согласился. Подкладкой этого совещания была такова: Дутов и Аненков имели намерение отстоять Семиречье образовать самостоятельное правление в коем Дутов будет вестить гражданской властью со стоянкой в Лепсинске, а Аненков — военной. После соединения Аненков, пользуясь властью командарма, велел большинство лучшего имущества отряда Дутова сдать в свой отряд, оставив мои части почти без ничего. Одновременно я с согласия Аненкова ездил в Чугучак с целью познакомиться с русским консулом и китайским губернатором. Эта поездка отнюдь не преследовала цели подготовки почвы для интерниро-

вания, а носила характер визита.

Между тем наступление красных стало развиваться и наши части под их давлением стали отходить: Аненков на перевал Баратоллу, а я — на Бахтый. Отходя я стал вести переговоры через консула Долбежева согласно директив Аненкова с китайским губернатором об интернировании, которое с согласия генерал-губернатора и произошло 14—17 марта 1920 г. Условия интернирования были таковы: сдача кит[айским] властям всего оружия за исключением 60 винтовок на отряд, взятие нас под покровительство и выдача полтора джина¹⁵ муки на человека в день. Остальное довольствие должно было производиться из армейских сумм, которые равны были 150 000 керенских, 16 000 000 сибирок и 240 пудов разменного серебра, полученного мной от консула Долбежева. Одновременно Аненков интернировался в Баратоллы, а Дутов — в районе Кульджи.

Связи у меня к этому времени ни с Аненковым, ни с Дутовым не было, так как с Аненковым я был в натянутых отношениях вследствие его письма Долбежеву в котором он обвинял меня в неправильной информации о боеспособности моего отряда и умышленном отступлении. А с Дутовым не было связи в связи с отсутствием технических средств. После перехода границы китайцы обязали меня наблюдать за порядком в лагере, который был отведен на реке Имиль и быть ответственным за все события.

После расквартирования частей лагерем, китайцы предложили мне сдать 75% всех лошадей [в] киргизские табуны якобы для кормежки, на самом же деле, как я узнал позднее, с целью лишить меня средств передвижения и обезопасить себя в этом отношении. Интернировавшись в Китай, я решил отказаться от вооруженной борьбы с советской властью, и жить мирно до тех пор, пока мы не сможем безопасно вернуться к своим семьям, или пока не позовет нас народ, т.е. правительство, которое не будет считать нас врагами. Интернировался я в составе приблизительно около 12 000 человек, считая семьи

из войсковых соединений были 1-я Оренбургская казачья дивизия, 2-я казачья дивизия, 2-я Сызранская дивизия и атаманский атамана Дутова¹⁶ полк. В след за интернированием я послал телеграмму на Восток через русского посланника в Пекине Кудашева с просьбой о материальной [по]мощи, ответ на которую я получил от генерала Анисимова и Шильникова. Последний сообщал из Читы, что помощь обещана, а первый из Харбина, что Семенов ассигновал 100 000 иен, но Воен[ный] совет Востока отказал.

Взаимоотношения с китайцами в этот период были самые лучшие. В мае месяце 1920 года я отдал приказ коим разрешал желающим вернуться в Россию. До 25 мая ушло по приказу через Зайсан до 5500 солдат и офицеров.

Довольствие китайцы выдавали мне по числу едоков, при чем не гнушались и тем, чтобы обвесить и выдать меньше. На этой почве были некоторые недоразумения, однако не доходившие до серьезных осложнений. Возможно, что они боялись меня ибо войска их в этом районе по численности не более 1 000 пехоты и кавалерии, и [по] качеству были весьма слабы.

В августе китайцы предложили мне двинуться на Восток [в] Манчжурю и после моего согласия двинуться южной императорской дорогой получил отказ, мотивированный не пропуском соседней провинцией. Полагаю, что истинная причина не пропуска была тесно связана с нашествием в это время Унгена на Монголию.

В сентябре китайцы, совместно с консулом Долбежевым, стали усиленно предлагать моим частям возвращение в Россию. Эти предложения проводились без моего ведома, видимо предполагая, что я задерживаю возвращение в Россию.

В этом же месяце через князя Кудашева я посылал телеграммы с просьбой о материальной помощи в Париж и Японию к русским орг[ан]изациям помощи беженцам, но ответа не получил.

С Аненковым за все это время у меня не было связи. С Дутовым велась переписка частного харак-

¹⁰ Слово зачеркнуто машинописным способом (9 знаков)

¹¹ Слово зачеркнуто машинописным способом (5 знаков)

¹² Слово зачеркнуто машинописным способом (7 знаков)

¹³ Слово зачеркнуто машинописным способом (9 знаков)

¹⁴ Слово зачеркнуто машинописным способом (8 знаков)

¹⁵ Так в документе, имеется ввиду цзинь (0,5 кг)

¹⁶ В тексте «Аненкова» зачеркнуто, сверху подписано карандашом «Дутова»

тера. В переписке Дутов спрашивал о состоянии частей и проч[ем]. В сентябре был получен от него оперативный приказ о формировании Оренбургской армии, со штабом в районе Кульджи (Сюйдун) намечался поход на советскую Россию в район Семиречья и организации там восстания. Мне предлагалось занять должность помощника атамана Дутова и двинуться со своим корпусом через Бахты на Капал и Верный. Параллельно с этим предполагалось силой добыть оружие у китайцев. Приказ был привезен Кульджимским купцом не то сартом, не то китайцем. Совместно было и письмо частного характера с просьбой [о] выдаче 30 пудов серебра, за которым должно было приехать доверенное лицо.

В это же время в районе Чугучака есаулом Остроуховым стал формироваться паротряд для операций¹⁷ в Зайсанском направлении. Отряд должен был сформироваться из 2-го атамана Дутова¹⁸ полка, входившего в мой корпус. За эту попытку полк был расформирован, руководители формирования преданы военно-полевому суду и переданы китайским властям.

Приказ Дутова сочувствия в корпусе не встретил и после обсуждения был отвергнут и Дутову дан в отрицательной форме ответ. В октябре месяце ко мне прибыл адъютант и вриднаштаба Дутова капитан Папелгут с доверенностью на получение серебра и с личными директивами Дутова. На собрании старших начальников было решено выдать серебра не более шести пудов, но т.к. три пуда до этого мной самостоятельно было ему отправлено, то было выдано еще три пуда. Следствием этого поступка явился полный разрыв в отношениях с Дутовым и его крайнее недовольство мной. В октябре месяце генер[алом] Анисимовым мне было переведено на Русск[о-]Аз[иатский] банк 10 050 кит[айско-]шанх[айских] лан¹⁹, которые банк просил оставить на текущий счет в Урунчийских тезах, на что я согласился, сговорившись держать валютой. Произошло недоразумение, в которое вмешался и Дутов, издавший приказ 19 января

1921 г. о моем смещении и назначении Шеметова, дав одновременно совершенно секретные инструкции полковнику Савину о приведении приказа в исполнение хотя бы силой. Савин вошел в общение с Шишкиным, командиром повстанческого отряда, прибывшего в район Чегучака в конце 1920 года, и стал деятельно готовиться к выступлению. Узнав об этом я Савина арестовал и передал кит[айским] властям. Шишкин же и Остроухов были арестованы китайцами и отправлены в Урумчи. После этого началось успокоение и части стали вести полевые работы на отведенных участках и в самом лагере. Для этого было отпущено около шести тысяч лан. Приблизительно с этого же времени, китайцы стали относиться к русским хуже на почве того, что Анненков стал проявлять активность в районе Гучен, и генералом-губернатором было выпущено соответствующее воззвание к русским и, в частности, к Анненкову. В начале апреля стала работать комиссия Туркестанского края и вести переговоры с кит[айскими] властями о возвращении беженцев и интернированных в Россию. Результатом этого было воззвание китайских властей к русским гражданам на китайской территории о возможности возвращения в Россию.

В мае месяце в район Чугучака прибыли Петропавловские повс[та]нцы во главе [с] подхорунжим Токаревым, сообщившие нам о положении в России и мотивах восстания. Впечатление от их рассказов было не радостное и рисовало в России тяжелую жизнь. Восстание, как они говорили, подняли только крестьяне. Вследствие того, что Токарев был выборным начдивом и не имел соответствующего чина, я произвел его в полковники, но отнюдь не за восстание. В начале эта дивизия была самостоятельная и к корпусу не присоединялась, и лишь за несколько дней до нападения на нас экспедиционного отряда были присоединены к корпусу под наименованием народной дивизии.

23 мая со стороны Бахты стал двигаться на нас экспедиционный отряд и поэтому 24 мая корпус снялся с лагеря и без боя двинулся в восточном

направлении, захватив с собой часть охраняющих нас китайцев во главе с комендантом Цюй-Дарин. В лагере же для прикрытия отхода остался арьергард 150 человек с коноводами под командой полковника Савельева. 25 мая мы были в районе [...]»²⁰ Добржина, где получили от китайцев муку, заверив их в дружелюбии и двинулись дальше.

На следующем переходе 26 мая я обезоружил охраняющих нас китайцев и изъяв винтовки и патроны, отпустил их, снабдив продуктами. Коменданта я оставил при себе как свидетеля своих дальнейших действий. До реки Дан экспедиционный отряд нас все время преследовал и дойдя до пустыни очевидно остановился, так как дальнейшее преследование прекратилось.

В это время наперерез нам со стороны Зайсана шел отряд два батальона со штабом Кавполка, который спустился к долине реки Кабук. Здесь 3 июня произошел бой, в котором красные потерпели поражение. С нашей стороны было около 30 убитых и раненных, в большинстве офицеров. Красные взяли в плен около 20 человек, обезоружили, и вскоре отпустили, дав им на дорогу денег и продуктов. До озера Улунгур преследование продолжалось.

На пути я разрешил желающим возвратиться в Россию и снабдил их на десять дней продовольствием. Ушло около 200 человек. От Улунгур корпус пошел на Шара-Суме трактом севернее озера.

На Иртышской переправе китайцы хотели остановить отряд. Начались переговоры, но вследствие их затяжки я принужден был самостоятельно начать переправу, для чего обезоружил китайскую охрану переправы. Китайский губернатор города Шара-Суме, узнав о переправе и получив ложное донесение о расстреле мной охраны переправы, застрелился, а войсковые китайские части стали грабить город. 17 июня из Шара-Суме прибыли делегаты с просьбой прекратить бесчинства в городе, а 18 [июня] я выступил [на] Шара-Суме с отрядом [в] 40 вооруженных [человек] и 60 не вооруженных. При подходе к мосту у Шара-Суме я был обстрелян

китайцами, после чего отошел и стал вести переговоры, которые ни к чему не привели, и мне пришлось спустя десять дней занять город с боя (2 июля). Заняв город мы увидели полное его разграбление и 40 человек убитыми русских граждан и полнейший хаос. Китайцы отступили, не приняв боя.

Здесь мы решили обосноваться на отдых и зимовать. Стали заниматься полевыми работами. Числа 10 июля я через Киргис получил от штаба Кайгородова – Сокольницкого приказ Унгерна № 15, и в противовес ему была выработана штабом программа власти, сущность которой сводилась к народовластию. Из Шара-Суме было послано два письма Хутухте и барону Унгену, в которых указывалось на занятие Алтайского округа и о нахождении корпусов в Шара-Суме. Письма к Унгерну дальше Кобдо не шли. Ответа от Хутухты не было. Так прошло около двух месяцев. Находясь в Шара-Суме я узнал о движении 13-й кавдивизии через перевалы и долину Кобдо и в 13 верстах от города мои отряды после столкновения отошли обратно на Шара-Суме вслед за чем весь корпус вновь двинулся на Восток [в] направлении на озеро Толбоноор, где намеревались зимовать. Войска пошли северными перевалами, захватывая южную окраину озера Н.Кобдо, а обозы южными население Мойки. Был отдан приказ, которым разрешалось желающим вернуться в Россию. Ушло около 4-х тысяч.²¹

Числа 17 – 18 сентября корпус вошел в связь с частями Кайгородова, который у Курэ восточнее озера вел засаду Ба[й]калова. Кайгородов заявил мне о необходимости идти в Алтай, где уже вспыхнуло восстание и в подтверждение своих слов познакомил меня с тремя повстанцами Онгудайского района. Идти на Алтай я не согласился ответив, что в восстание не верю и не вижу необходимости открывать военные действия. После этого Кайгородов двинулся на Кош-Агач, где имел бой с красными, а я принял осаду Байкалова, решив как-нибудь с ним покончить и остаться зимовать на

реке Кобдо.

Одновременно я переформировал корпус, сведя дивизии в полки, дивизионы и батальоны. Корпус насчитывал в своем составе около 5 000²² человек имел: 1-й Оренбургский казполк (бывшая 1-я Оренб[ургская] дивизия), 2-й Оренб[ургский] казполк, Сызранский дивизион, конвойный дивизион и атаманский дивизион. При чем 1-й и 2-й казполки вскоре были переименованы в дивизионы.

Числа 19 октября 1-й дивизион присоединился к полковнику Сокольницкому не разделявшему взглядов Кайгородова, и совместно с ним двинулся на юг в количестве около 500 бойцов, большинства офицеров и 6 пулеметов. А я отправился к обозу на реке Кобдо с целью узнать причину ухода дивизиона и на обратном пути имея намерение войти в переговоры с Байкаловым. Получив сообщение от генерала Смолина о том, что Байкалов идет со стороны Кош-Агач поддержка наши части отошли на юг. По о[...] де частей к обозу, я издал приказ, коим разрешал всем от генерала до солдата возвратиться в Россию, но от оставшихся требовал безусловно подчинения. Ушло около 2 000 человек. К этому времени ко мне присоединились остатки [отряда] Кайгородова около 200 человек, являющихся жителями Урянхайского края во главе с Казанцевым. Последний стал вести агитацию за уход в Урянхай, где за отсутствием регулярных войск и достаточных запасов продовольствия можно было спокойно перезимовать и заняться полевыми работами. Я под давлением этого согласился и двинулся по направлению Уланком с целью пройти в подхребетный район. Не доходя до Уланкома я получил воззвание Байкалова, адресованное мне и Сокольницкому с предложением вступить в переговоры, но в виду того, что переговоры отряд [вос]принял как [...]»²³ измену [...]»²⁴ с моей стороны я пошел дальше. То есть на Урянхай.

На реке Торголик (что у озера Убса) я собрал совещание старших начальников на котором указывал на возможное столкновение наших

с красными частями, но после того как большинство высказалось за движение в Урянхай я принужден был на это согласиться. На совещании я предлагал не идти в Урянхай, а пока задержатся на реке Тесь около озера Упса а оттуда послать делегатов и разведку, дабы узнать на каких условиях Урянхайцы могут нас принять. Вопреки моему взгляду мнение остальных было двигаться незамедлительно в Урянхай, где и зимовать. За это движение сильно агитировал отряд Казанцева, который совместно с некоторыми офицерами моего отряда думали по приходе в Урянхай меня арестовать и во главе всех сил поставить нового начальника. По приходе в долину реки Элегест разведка донесла, что партизаны и регулярные войска в количестве около 2 000 человек расположены в крае. Придя на зимовку Огнева (около Атамановки) я решил выслать для переговоров делегацию, но мнения разошлись и подавил взгляд, двигаться без переговоров чтобы не было затяжки, которые наблюдались под Шара-Сума и долине Кобдо.

8 декабря утром мы подошли к Атамановке, где были встречены регулярными войсками и партизанами, вышедшими нам в тыл из деревни Шек. После короткого боя в коем мы имели потери большей частью из Казанского отряда и в котором погиб сам Казанцев, мы отошли на север и вышли на перевал Элегаст. 10 декабря к вечеру я подошел на 10 верст к обозу, который уже был захвачен красными, и, не желая создавать панику и резню, отошел к перевалу. Вместе с остатками обоза, не вступая в бой с красными, я начал отход на юг. Я было пытался вновь доказать всему отряду, что с потерей обоза и при отсутствии средств существования необходимо сдать, но опять решили пойти на Монголию. И 16 декабря мы прибыли в Уланком. Не доходя 5 верст отряд был встречен монгольскими разведчиками Хатон-батара. В свою очередь я выслал разведку, которая донесла, что в Уланкоме находятся регулярные монгольские войска и что начальник их передового отряда просит кого-либо из офицеров для

17 В тексте «направления» зачеркнуто, сверху карандашом написано «операций»

18 В тексте «Аненикова» зачеркнуто, сверху подписано карандашом «Дутова»

19 Так в документе, имеется ввиду лян - мера веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии

20 Слово зачеркнуто машинотисным способом (10 знаков)

21 Рукописная вставка

22 Над цифрой сверху написано карандашом 4 500

23 Зачеркнуто машинотисным способом (4 знака)

24 Зачеркнуто машинотисным способом (10 знаков)

переговоров. Я послал полковника Кострева и, после того, как он сообщил, что в действительно в Улан-коме регулярные войска, совместно с инструкторами РСФСР я решил вести переговоры о сдаче оружия. Условия были выработаны следующие: я сдаю все оружие, а Монгол[ьское] правительство берет нас под свое покровительство и тем, кому нельзя будет возвратиться в Россию будет разрешено перезимовать в Монголии, а затем выехать по желанию. Обеспечение продовольствием Монгол[ьское] правительство берет на себя в количестве двух фунтов мяса на человека. В результате этих переговоров условия были приняты и началась сдача оружия и отряда²⁵ 16 – 17 декабря 1921 г.

Опрос произвел начрзведотар 5-й [Красной армии] Репин.²⁶

ГАНО. Ф. Р-1146.

Оп. 1. Д. 135. Л. 67–77.

Копия заверенная.

Машинописный текст.

Заключение полномочного представителя ГПУ по Сибири И.П. Павлуновского по делу командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бакича и его штаба

12 мая 1922 г.

г. Новониколаевск

С разгромом армий Колчака остатки Отдельного Оренбургского корпуса под командой генерала Бакича, согласно приказа командующего Южной армией атамана Анненкова от 20 января 1920 г., в целях сохранения корпуса для борьбы с советской властью, перешли китайскую границу с оружием и боевыми припасами и остановились лагерем на р. Эмил (том 18, стр.33, 5 и 7)²⁷.

Перешедшие границу Китая остатки Оренбургского корпуса были потрепаны, деморализованы и в первое время ни к каким активным действиям против советской власти не были способны. Учитывая не боеспособность корпуса, генерал Бакич ставил себе задачей сохранить корпус как военно-боевую органи-

зацию до того момента, когда события в Советской России потребуют активных действий корпуса (том 1, стр. 36, том 18, стр. 7 и 9).

Материальные и денежные средства на содержание отряда генерал Бакич получал от китайских властей, атамана Семенова и Японии. Считал же Оренбургский корпус частью армии, во главе которой стали Врангель и Семенов, генерал Бакич телеграфно обратился за помощью к ген[ералу] Врангелю, бывшему русскому послу в Пекине кн[язю] Кудашеву, Хорвату и др[угим] (том 1, стр. 32,33, том 2, стр. 1, 2 и 10).

В мае 1921 г. на р. Эмил прибыла из Советской России так называемая Народная дивизия под командой есаула Гноевых и полковника Токарева и вошла в подчинение генералу Бакичу. Дивизия состояла из повстанцев Ишимского и Петропавловского районов. Установлено, что Народная дивизия в Каркаралинске расстреляны и зарублены все коммунисты и советские работники.

Избегая еще столкновений с частями Красной армии, народная дивизия и Оренбургский корпус, под общим командованием ген[ерала] Бакича, 24 мая 1921 г. снялись с р. Эмил и двинулись походным порядком к китайской крепости Шара-Сумэ, 2 июля, заняв с боем Шара-Сумэ, генерал Бакич остановился в ней лагерем (том 18, стр.5).

В июле 1921 г. генералом Бакичем была установлена связь с действовавшими против советской России начальником Сводно-русско-инородческого партизанского отряда есаулом Кайгородовым и начальником Азиатской конной дивизии генералом бароном Унгерном. От барона Унгерна и есаула Кайгородова генерал Бакич получил сведения о предполагавшемся объединенном наступлении на сов[етскую] Россию атамана Семенова, барона Унгерна, есаула Кайгородова и других, и приказ барона Унгерна № 15. Согласно этого приказа, барон Унгерн ведет наступление на Троицко-Савск и район реки Селенги, полковник Казагранди – на Иркутскую губернию, атаман Казанцев – на Минусинский район Красноярской

губ[ернии] и есаул Кайгородов – на Алтайскую губ[ернию] (том 18, стр. 1,3,4 и 5).

По получении приказа барона Унгерна № 15, Отдельный Оренбургский корпус и Народная дивизия приступили к военной подготовке наступления на советскую Россию. В письме от 23 июля 1921 г. № 1529 генерал Бакич уже сообщает есаулу Кайгородову, что он приступает к выполнению приказа барона Унгерна, главные силы группирует на линии Бурчум и избирает оперативное направление вдоль Иртыша (том 18, стр.6).

В донесении барону Унгерну генерал Бакич сообщает: «после некоторого отдыха в районе Шара-Сумэ предполагаю очистить весь Алтайский округ от китайцев и приступить к выполнению Вашего приказа» (том 18, стр.5). В письме к Императору Монголии, в копии [адресованной] Унгерну, ген[ерал] Бакич пишет следующее: «Ныне я с войсками нахожусь в районе города Шара-Сумэ, где думаю немного отдохнуть, и затем продолжать начатое дело освобождения своей родины от коммунистов»... «Я прошу от Вас помощи оружием, патронами для своих войск, а равно и распоряжения о предоставлении возможно скорее моим войскам продовольствия» (том 18, стр. 7 и 8).

Успех вооруженного наступления генерал Бакич, есаул Кайгородов и барон Унгерн ставили в зависимость от развития белогвардейского и повстанческого движения в советской России. [...] Есаулом Кайгородовым и штабом генерала Бакича еще возлагались большие надежды и на социалистов-революционеров, и [на] крестьянский союз, которые, по мнению есаула Кайгородова, должны были облегчить дело вооруженного свержения Советской власти. Есаул Кайгородов в письме генералу Бакичу указывает: «Уничтожив обессиленного противника партизанскими налетами, мы на его плечах легко проникаем в Россию, где население, не смотря на все уступки большевиков, подготавливается к тому, чтобы сбросить большевистское ярмо. Там повсеместно ведется широкая пропаганда

социалистами-революционерами, имеется сеть крестьянских союзов» (том 18, стр. 1). Генералы Бакич и Смольнин показали, что с оценкой есаула Кайгородова роли социалистов-революционеров и крестьянского союза в деле свержения советской власти они согласны и считают, что свергнуть советскую власть можно при одном условии – «при условии объединения в борьбе с советской властью всех партий, – нас, эсеров, кадетов, беспартийных» (том 2, стр. 2-3, том 1, стр. 31). Генералы Бакич и Смольнин полагают, что объединение всех этих партий и групп можно провести на платформе борьбы за Учредительное Собрание, так как лозунг «Учредительное Собрание может объединить все группировки, выдвигающие идею народовластия» (том 2, стр. 3).

По мнению генерала Бакича, по свержении Советской власти, правительство должно быть коалиционным; в него должны входить кадеты, эсеры, меньшевики, беспартийные (том 1, стр. 31).

Учитывая, таким образом, что без поддержки народного движения белогвардейские части Красной армией будут разбиты, а также полагая, что народное движение легче можно вызвать под демократическими лозунгами «Учредительное Собрание» и т[ак] д[алее], штаб генерала Бакича, одновременно с военной подготовкой вооруженного выступления на советскую Россию, проводит и политическую подготовку, цель которой вызвать восстание крестьян, разложить части красной армии и дать демократические лозунги наступлению. В этих целях штабом генерала Бакича вырабатывается демократическая программа власти и вырабатываются лозунги народовластия. Красноармейским частям и к населению рассылаются воззвания с призывом к борьбе с советской властью. Лозунгами наступления намечаются: «долой коммунистов, да здравствует советская власть», «долой коммуны, да здравствует власть свободного личного труда». Приказом по корпусу и Народной дивизии объявляется, что все части должны завести красные зна-

мена, левый верхний угол которых должен быть трехцветным (том 18, стр. 9, 10 и 13, том 10, стр. 3).

В Алтайской губ[ернии] есаулом Кайгородовым, в целях поднять крестьянское движение, одновременно выбрасываются лозунги: «да здравствует Учредительное Собрание», «да здравствует Всероссийский крестьянский союз», «Долой жидов и проклятых коммунистов».

В сентябре 1921 г. генерал Бакич повел наступление на советскую Россию. В боях с экспедиционным корпусом Красной армии, Оренбургский корпус и Народная дивизия были разбиты, распланы и частью взяты в плен. Сам генерал Бакич со штабом бежал в Монголию. Войсками Монгольского правительства генерал Бакич был взят в плен и передан Советской власти.

Материалами по делу генерала Бакича и его штаба установлено, что Семиречье и территория Китая в течение всего 1920–[19]21 гг. являются базой сосредоточения всех остатков белогвардейщины и организации их с помощью Японии для вооруженного нападения на Советскую республику. Начальник штаба генерала Бакича генерал Смольнин показывает: «Осенью 1920 г. в Чугучак прибыли японские офицеры Нагамини и Сато. Я и генерал Бакич вели с ними переговоры о возможности поддержки Японией Отдельного Оренбургского корпуса. В последних числах декабря 1920 г. в Чугучак прибыл японский майор Цуга. Я и генерал Бакич вели с ним переговоры. Из разговора с японским майором Цуга у меня создалось впечатление, что он прибыл с миссией объединить отряды атамана Дутова, генерала Бакича, атамана Анненкова в один отряд с общим командованием» (том 2, стр. 2). Уже в декабре 1920 г. атаман Дутов в Семиречье организует отряды для борьбы с советской властью и сообщает: «действуйте по усмотрению; мною ведется большая работа по всему Семиречью до Ташкента. Имейте связь со мною, чтобы там поддержать восстание во время. Я имею связь с Харбином и генералом Врангелем». И, наконец,

в Монголии и на китайской территории, при участии Японии, из русской белогвардейщины организуется и объединенное наступление на советскую Россию банд генерала Унгерна, есаула Кайгородова и генерала Бакича.

Таким образом, по делу установлено:

1) Что Оренбургский корпус под командой генерала Бакича ушел на китайскую территорию с целью сохранить себя как военно-боевую организацию для дальнейшей борьбы с советской властью.

2) Находясь на китайской территории Оренбургский корпус и пришедшая туда в мае 1921 г. так называемая Народная дивизия под командой Токарева и Гноевых готовились для вооруженной борьбы с советской Россией.

3) В целях подготовки свержения советской власти, генерал Бакич со штабом вошли в связь с Японией и Императором Монголии.

4) Во исполнение приказа Унгерна № 15, Отдельный Оренбургский корпус и Народная дивизия приняли участие в объединенном вооруженном наступлении на советскую Россию.

Ввиду всего изложенного, генерала Бакича и его штаб: генерал-майора Смольнина, генерала Кирхмана, генерала Шеметова, генерала Колокольцева, генерала Степанова, подполковника Пыльнова, полковника Савельева, полковника Троицкого, Полковника Кострова, полковника Евстратова, полковника Токарева, полковника Сизухина, капитана Козьминных, благочинного Отдельного Оренбургского корпуса Георгиевского, курьера барона Унгерна корнета Шегабетдинова и полковника Степанова Михаила²⁹ передать Сибирскому отделению Верховного трибунала для предания суду.

Полномочный представитель ГПУ по Сибири [подпись] [И.П. Павлуновский]

ГАНО. Ф. Р-1146.

Оп.1. Д.140. Л. 138–142.

Подлинник. Машинописный текст. Подпись-автограф.

²⁵ Рукописная вставка

²⁶ Вписано от руки

²⁷ Здесь и далее ссылки на следственное дело.

²⁸ Слово зачеркнуто машинописным способом (13 знаков).

**Приговор Военной Коллегии
Сибирского Отделения
Верховного Трибунала ВЦИК
по делу командира Отдельного
Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта А.С. Бакича и его штаба, обвиняемых в вооруженной борьбе с Советской властью**

25 мая 1922 г.
г. Новониколаевск

1922 года мая 25 дня именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Военная Коллегия Сибирского Отделения Верховного Трибунала ВЦИК в открытом судебном заседании в составе: председателя [товарища] Опарина и членов [товарищей] Вележева и Хроматко, рассмотрев дело о командире Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанте Бакиче и его штабе, обвиняемых в вооруженной борьбе с Советской властью и приняв во внимание объяснения обвиняемых и все обстоятельства дела, добытые на предварительном и судебном следствиях, постановила: 1) Командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-лейтенанта Бакича Андрея Степановича, 43 лет, из крестьян, беспартийного; 2) Начальника штаба и заместителя генерала Бакича генерал-майора Смольнина-Терванда Ивана Ивановича, 34 лет, из крестьян, беспартийного; 3) Инспектора артиллерии генерал-майора Кирхмана Дмитрия Николаевича, 39 лет, из дворян, беспартийного; 4) Заместителя командира означенного корпуса генерал-майора Шеметова Алексея Семеновича, 40 лет, из казаков, беспартийного; 5) Комбрига генерал-майора Колокольцева Александра Сергеевича, 52 лет, из казаков, беспартийного; 6) Начдива генерал-майора Степанова Разумника Петровича, 32 лет, из казаков, беспартийного; 7) Комполка подполковника Полюнова Гавриила Семеновича, 34 лет, из крестьян, беспартийного; 8) Комполка полковника Савельева Тимофея Осиповича, 39 лет, из казаков, беспартийного; 9) Начальника оперативного отдела полковника Троицкого Василия Николаевича, 33 лет, сына чиновника, беспартийного; 10) Оберквартирмейстера полковника Кострова Сергея Ильича, 36 лет, сына полковника, беспартийного;

11) Начштадива подполковника Евстратова Михаила Тимофеевича, 31 года, из мещан, беспартийного; 12) Начальника контрразведки капитана Козминых Виктора Константиновича, 35 лет, из мещан, беспартийного; 13) Начдива полковника Токарева Семена Георгиевича, 34 лет, из крестьян, беспартийного; 14) Начштадива полковника Сизухина Ивана Захаровича, 36 лет, из казаков, беспартийного; 15) Дивинтенданта полковника Степанова Михаила Александровича, 36 лет, из казаков, беспартийного; 16) Благочинного Отдельного Оренбургского корпуса священника Георгиевского Федора Михайловича, 54 лет, сына священника, беспартийного; 17) Курьера генерала Бакича корнета Шегабетдинова Михаила Назаровича, 28 лет, из крестьян, беспартийного — признать виновными Бакича, Смольнина, Кирхмана, Савельева, Троицкого, Кострова, Евстратова, Козминых, Степанова Михаила, Шегабетдинова и Георгиевского во-первых, в том, что представляя из себя штаб Отдельного Оренбургского Корпуса, действовавшего в 1919 году против Красной Армии на территории Оренбургской губернии и Киркряя, ушли в начале 1920 г. во главе этого корпуса, численностью около 16000 человек на китайскую территорию с целью сохранить себя, как военно-боевую организацию, для дальнейшей борьбы с Советской властью; во-вторых, в том, что находясь на китайской территории, подготавливали означенный корпус для дальнейшей вооруженной борьбы с Советской властью; в-третьих, в том, что в целях подготовки свержения Советской власти вошли в связь с Японией и с бывшим тогда у власти реакционным правительством Монголии; в-четвертых, в том, что во исполнение приказа барона Унгерна №15 приняли участие в объединенном вооруженном наступлении на советскую Россию, а Токарев и Сизухин оба в том, что, командуя так называемой Народной дивизией, принимавшей участие в вооруженной борьбе с Советской властью в 1921 г. в районе Ишимского и Петропавловского уездов, во главе этой дивизии в мае 1921 г. ушли из пределов России с целью продолжения борьбы с Советской властью, присоединившись к От-

дельному Оренбургскому корпусу и в составе этого корпуса принимали участие в вооруженном наступлении на Советскую Россию и, во-вторых, в том, что уходя из пределов России на соединение с отдельным Оренбургским корпусом, в г. Каркаралинске и его уезде подвергли полному истреблению попавших в их руки коммунистов, ввиду чего, руководствуясь социалистическим правосознанием и революционной совестью, приговорила: 1) б[ывшего] генерал-лейтенанта Бакича Андрея Степановича, 2) б[ывшего] генерал-майора Смольнина-Терванда Ивана Ивановича, 3) б[ывшего] капитана Козминых Виктора Константиновича, 4) б[ывшего] полковника Токарева Семена Георгиевича, 5) б[ывшего] полковника Сизухина Ивана Захаровича, 6) б[ывшего] корнета Шегабетдинова Михаила Назаровича — подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять. Амнистии не применять.

1) б[ывшего] генерал-майора Шеметова Алексея Семеновича, 2) б[ывшего] генерал-майора Степанова Разумника Петровича, и 3) б[ывшего] полковника Савельева Тимофея Осиповича — подвергнуть лишению свободы сроком на пять лет с обычной изоляцией.

1) б[ывшего] генерал-майора Кирхмана Дмитрия Николаевича, 2) б[ывшего] генерал-майора Колокольцева Александра Сергеевича, 3) б[ывшего] подполковника Полюнова Гавриила Семеновича, 4) б[ывшего] полковника Троицкого Василия Николаевича, 5) б[ывшего] полковника Кострова Сергея Ильича, 6) б[ывшего] полковника Степанова Михаила Александровича, 7) б[ывшего] полковника Евстратова Михаила Тимофеевича, и 8) б[ывшего] благочинного Георгиевского Федора Михайловича — подвергнуть условному лишению свободы сроком на три года.

Приговор окончательный, ни в каком порядке обжалованию не подлежит.

**Председатель [подпись] Опарин
Члены: [подпись] Хроматко
[подпись] Вележев**

ГАНО. Ф. Р-1146.

Оп.1. Д.140. Л. 151-152.

*Подлинник. Рукописный текст.
Подписи-автографы.*

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРИМОРЬЕ (1920–1922 ГГ.)

THE SOCIAL BASE OF THE WHITE MOVEMENT IN PRIMORYE (1920–1922 years)

Владислав Борисович Бандурка – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) e-mail: vlad.bandurka@yandex.ru Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище 390031, г. Рязань, пл. генерала армии Маргелова, д. 1.

Vladislav Bandurka. Ryazan Guards Higher Airborne Command School 390031, Ryazan, Army General Margelov Square, 1.

В начале 1920 г. Белое движение в Приморье было расколото на два основных крыла, а те распались на ряд течений.

Правое крыло Белого движения в Приморье в 1920–1922 гг. составляли непримиримые противники советской власти. К ним относились как местные, так и бежавшие из Европейской России, Урала и Сибири на русский Дальний Восток и в Китай представители крупной буржуазии, землевладельцы, реакционно настроенная интеллигенция, офицерство и духовенство. К ним примыкала часть рабочих, крестьян и казаков Поволжья, Урала и Сибири, которые служили в белой армии адмирала А. В. Колчака и отступали вместе с остатками этой армии. Неоднородный социальный состав, различные политические и экономические интересы представителей правого крыла Белого привели к образованию в нем трех течений, которые достаточно ярко проявились в Приморье в начале 1920 года: монархического, буржуазного, прояпонского.¹

Наиболее влиятельное было буржуазное течение. Основную массу его составляли представители партий кадетов, прогрессивных демократов и других партий, считавших себя сторонниками Всероссийского Учредительного собрания, провозгласивших лозунг «Единая, Великая, Примиренная, Возрожденная Россия». Силу данного течения определяло то обстоятельство, что оно имело крупные

финансовые возможности и сильное влияние на капеллецев как самой боеспособной части военной организации Белого движения в Приморье.

К монархическому течению относились все сторонники монархии. В Приморье легально существовали монархические организации, но после поражения А. В. Колчака они вынуждены были прекратить свою деятельность до 26 мая 1921 г., когда в Приморье был совершен антибольшевистский переворот. Лозунг монархистов «За Веру, Царя и Отечество» хоть и соотносился с идеями Белого движения, но начал утрачивать свое былое влияние.

Прояпонское течение правого крыла Белого движения представлял атаман Г. М. Семенов. Он по сути дела был проводником политики Японии как на Дальнем Востоке, так и в Приморье, именно это обстоятельство разделяло его с монархическим и буржуазным течениями, хотя компромиссы между ними имели место. Политические шатания атамана Г. М. Семенова и его окружения, от монархизма до буржуазного либерализма, не выдерживают никакой критики. По свидетельству современников, атаман являлся «бандитствующим» элементом, имевшим четко определенную антисоветскую направленность, что объединяет его с правым крылом Белого движения.²

Левое крыло Белого движения в Приморье в 1920–1922 гг. составляли мелкобуржуазные слои населения

Аннотация. В статье рассматривается социальный состав Белого движения в Приморье в 1920–1922 годах основой, которой являлись представители местной и бежавшей из центральной России и Сибири крупной и средней буржуазии, земледельцы, реакционно настроенная интеллигенция, казачество и офицерство. Также к ним примыкали рабочие и крестьяне, мобилизованные в армию адмирала А. В. Колчака и несшие на себя основную тяжесть Гражданской войны. Делается вывод о том, что полного совпадения в их политических позициях не было, а платформой для консолидации было неприятие большевизма, советской модели государственного устройства и экономики и борьба против них. Тем не менее, среди части рабочих, крестьян и казаков идеи Белого движения, направленные на продолжение Гражданской войны, популярностью не пользовались. Поэтому в силу такой разнородности состава Белого движения в Приморье его социальная база была неустойчива и подвижна, что в конечном итоге привело Белое движение к закономерному поражению, а его участников к эмиграции за границу.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Дальний Восток, Приморье, буржуазия, крестьянство, казаки, Дальневосточная белая армия, Маньчжурская эмиграция, Уссурийское казачье войско, адмирал Колчак А. В., атаман Семенов Г. М.

Annotation. The article examines the social composition of the White Movement in Primorye in 1920–1922, which was based on representatives of the local and large and middle bourgeoisie who fled from central Russia and Siberia, farmers, reactionary intellectuals, Cossacks and officers. They were also joined by workers and peasants who were mobilized into the army of Admiral A. V. Kolchak and bore the brunt of the Civil War. It is concluded that there was no complete coincidence in their political positions, and the platform for consolidation was the rejection of Bolshevism, the Soviet model of government and the economy and the struggle against them. Nevertheless, among some workers, peasants and Cossacks, the ideas of the White Movement aimed at continuing the Civil War were not popular. Therefore, due to such heterogeneity of the composition of the White Movement in Primorye, its social base was unstable and mobile, which ultimately led the White Movement to a natural defeat, and its participants to emigrate abroad.

Keywords: Civil War, White Movement, Far East, Primorye, bourgeoisie, peasantry, Cossacks, Far Eastern White Army, Manchurian emigration, Ussuri Cossack army, Admiral Kolchak A. V., Ataman Semenov G. M.

¹ Куцый В. Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920–1922 гг. – Владивосток. 1994. – С. 13.

² Червоный А. Интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. – Петроград. 1922. – С. 243.

Приморья, которых представляли эсеры, меньшевики, другие социалистические партии, а также часть кадетов и прогрессивных демократов, перешедшая на позиции «сменовеховства». Они были противниками продолжения Гражданской войны и иностранной интервенции и выступали в качестве оппозиции как правому крылу Белого движения, так и большевикам.

В левом крыле Белого движения, как и в правом, не было единства, оно разделялось на два течения: демократическое и либеральное. К демократическому течению относились партии меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов, эсеров, левых эсеров, максималистов, революционных коммунистов, анархистов Бунда и других. Численность актива этих партий, по мнению историка С. С. Каплина, была невысока, всего не более 1000 человек. Например, в Приморье в 1922 г. членов партии меньшевиков и правых эсеров насчитывалось всего 550 человек, в то время как в 1917 г. — 6000 человек.³ Эти цифры позволяют нам сделать вывод о том, что сильного влияния последних на население Приморья не было, особенно в период 1920–1922 гг., когда демократическое течение Белого движения в различных частях России после банкротства своих правительств в 1918 году, потеряло надежду на политическую поддержку населения, в том числе и Приморья, что и привело к сокращению численности этих партий.

К демократическому течению левого крыла Белого движения принадлежали и различные националистические организации украинских, белорусских, литовских, польских, еврейских и корейских колонистов, которые обосновались к этому времени в Приморье. Демократическое течение не представляло собой политически единого целого.

Второе течение левого крыла

Белого движения в Приморье — либеральное или сменовеховское — состояло в основном из буржуазных и мелкобуржуазных элементов, бывших членов партий кадетов, прогрессивных демократов, стоявших ранее на позициях непримиримой борьбы с советской властью.⁴ После ликвидации колчаковского режима, убедившись в невозможности противостоять поддерживаемой широкими массами советской власти, способной навести порядок в России и спасти ее от политического и экономического краха, они пришли к выводу, что необходимо сотрудничество с большевиками. Это был вывод разочаровавшихся в Белом движении людей. Идейным вдохновителем «сменовеховства» стал Н. В. Устрялов, призывавший либералов пойти на сотрудничество с советской властью, во многом им чуждой, но единственно способной в этот момент править страну и взять ее в руки. Однако и в «сменовеховстве» не было единства, оно разделялось на два лагеря: правый, делавший ставку на мирную реставрацию капитализма и перерождение советской власти. И левый, представители которого стояли за честное сотрудничество с большевиками в организации новой России.⁵ Правое крыло Белого движения резко отмежевалось от сменовеховцев, называя их «агентурой большевиков».⁶ «Сменовеховство», зародившись в эмиграции, было широко подхвачено населением Приморья, где люди устали от длительной Гражданской войны и интервенции.

Данный анализ партийного состава Белого движения в Приморье позволяет сделать вывод о его разнородности, малочисленности, отсутствии политического единства в лагере белых и поддержки их со стороны местного населения.

Представляет определенный интерес и анализ организационной структуры военной организа-

ции Белого движения в Приморье и ее основных составляющих: каппелевских и семеновских войск.

11 февраля 1920 г. на станцию Мысовая в Забайкалье, совершив «ледовый переход», прорвались остатки колчаковских войск и соединились с частями атамана Г. М. Семенова. Колчаковцы, которыми командовал генерал-лейтенант С. Н. Войцеховский, называли себя «каппелевцами», по имени умершего в походе последнего командующего Восточным фронтом генерала В. О. Каппеля. Вместе с ними в Забайкалье прибыли многочисленные беженцы, среди которых были семьи солдат и офицеров.

Атаман Г. М. Семенов, которому А. В. Колчак еще в январе 1920 г. передал всю полноту власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, произвел перегруппировку войск и свел их в три корпуса. В 1-й корпус вошли семеновские части и соединения под командованием полковника Н. И. Савельева, во 2-й и 3-й — каппелевцы. Командиром 2-го корпуса был назначен генерал-майор И. С. Смолин. Командиром 3-го корпуса был назначен генерал-майор В. М. Молчанов. Генерал-лейтенант С. Н. Войцеховский был назначен Главнокомандующим войсками Российской Восточной окраины. К маю 1920 г. белые войска на Дальнем Востоке и в Забайкалье, по сведениям каппелевского генерала П. П. Петрова, насчитывали около 30 тыс. штыков и сабель.⁷ Советские источники называют цифру белых в Забайкалье на конец марта 1920 г. почти в 20 тыс. человек, из них около 3 тысяч офицеров.⁸

А видный деятель Белого движения в России П. Н. Милуков считал, что С. Н. Войцеховский привел в Забайкалье вместе с беженцами 37 тыс. человек.⁹ Семеновские войска состояли главным образом из забайкальских и уссурийских казаков. В крупных казачьих хозяйствах

Забайкалья и Приморья имелись сотни голов лошадей, крупного и мелкого скота. Поэтому не случайно верхушка Забайкальского и Уссурийского казачества в штыки восприняли политику Советской власти в аграрном вопросе, в том числе уравнильное перераспределение земли, продовольственную диктатуру и попытку раскочивания, и в большинстве своем поддержали Белое движение. В то же время в белой армии служили и бедные крестьяне, и казаки, что объяснялось насильственными мероприятиями советской власти в отношении крестьянства и казачества, контрреволюционной пропагандой, а также мобилизациями в колчаковские и семеновские войска в 1918–1920 гг., так Ю. Н. Ципкин приводит цифру, что около 60 % солдат и офицеров колчаковских и семеновских войск попали туда по мобилизации.¹⁰

По утверждению историка Кузьмина Г. В., семеновские войска в марте 1920 г. насчитывали 19871 человек.¹¹ Правда, такая численность является спорной. Так, генерал В. Г. Болдырев приводит более точную цифру войск атамана Г. М. Семенова в 30000 человек.¹²

Сепаратизм, откровенная ставка Г. М. Семенова на японцев, произвол и дикий террор вызывали негодование не только у населения, но и у значительной части белой армии.

Генерал П. П. Петров в своих мемуарах отмечал, что каппелевцы были настроены против Г. М. Семенова и его окружения и «склонны были видеть в атамане виною многих бед и особенно того, что он сам искусственно создавал против себя партизанщину, закрывая глаза на безобразия, чинимые бароном Р. Ф. Унгерном, разными отрядами и контрразведкой».¹³

Что касается каппелевских войск, то они были сформированы из частей и соединений самого различного социального состава. Самыми боеспособными из них были формирования, составлен-

Таблица 1 – Социально-сословный состав белой армии и эмиграции

Сословия и слои	% в белой армии	% в маньчжурской эмиграции
рабочие	7,0	7,1
крестьяне	44,3	40,6
казаки	20,0	15,8
мещане	10,0	24,7
военные	13,4	6,9
дворяне	2,0	2,4
купцы и духовные сословия	2,5	2,5

ные из ижевских и воткинских рабочих. Кроме того, эти войска включали в себя казаков и крестьян Поволжья, Урала и Сибири. В белогвардейских частях было много татар, башкир и представителей других национальностей указанных регионов.

Каппелевские соединения и части, объединенные во 2-й и 3-й корпуса, в марте 1920 г. насчитывали в общей сложности около 15000 человек.¹⁴

Каппелевцы были наиболее боеспособной частью Дальневосточной армии и впоследствии сыграли одну из главных ролей в Белом движении в Приморье.

Очень важно иметь в виду, что общего соединения между каппелевцами и семеновцами не произошло, причиной этого были их различные политические интересы и цели. Если атаман Г. М. Семёнов ратовал за продолжение борьбы с большевиками и ДВР при помощи японцев, то каппелевцы, пережившие разгром колчаковской армии, теперь желали скорейшего прекращения Гражданской войны и мира. Поэтому каппелевцы были настроены враждебно против семёновцев, что впоследствии привело к ликвидации «читинской пробки» и эвакуации Дальневосточной армии в Приморье.

Анализ сословного состава участников Белого движения, оказавшихся в 1922 году в Харбинской эмиграции, проведенный историком Ю. Н. Ципкиным по анкетам Харбинского комитета помощи русским беженцам (всего 1567 анкет), показывает, что среди анкетированных эмигрантов (более 40 %) раньше служили в белогвар-

дейских формированиях А. В. Колчака и

Г. М. Семенова. Из всех военнослужащих бывших белых армий 32 % назвали себя добровольцами. Среди анкетированных бывших солдат и офицеров рабочие составили 7 %, крестьяне — 45 %, казаки — 19 %, кадровые офицеры — 10 %, дворяне — 2 %, остальные 17 % это мещане, купцы, духовенство. В целом доля рабочих, крестьян и казаков, участвовавших в Белом движении в Приморье, составила по анкетным данным почти 71 %, что было ниже их доли в составе населения страны (87,5 %). Только 18 % анкетированных отметили, что оставили в России то или иное имущество, 36 % эмигрантов ушли за рубеж с семьями в полном или неполном составе, почти 25 % прошли через германский фронт.¹⁵

Резюмируя сказанное, отметим: в деятельности Белого движения в Приморье принимали участие представители всех сословий России, но подавляющее большинство солдат и офицеров Дальневосточной армии были представителями трудового сословия.

Социально-сословный состав Дальневосточной армии по отношению к социальному составу маньчжурской эмиграции представлен в таблице 1.¹⁶

Сравнивая социально-сословный состав маньчжурской эмиграции в целом с составом военнослужащих Дальневосточной армии, следует отметить возрастание удельного веса крестьян, казаков и военных, падение процента мещан и дворян. Без особых изменений остались категории рабочих и купцов с духовенством. Эти изменения связаны с равным,

3 РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 138, л. 66.

4 Дальневосточная республика. — 1920. — 4 июля.

5 Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. — М., 1986. — С. 82.

6 Шкаренков Л. К. Белая эмиграция: агония контрреволюции // Вопросы истории. — 1976. — №5. — С. 117.

7 Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. — Рига. 1930. — С. 157.

8 Из истории Гражданской войны в СССР. Сб. докладов и материалов. Т.3. — М., 1961. — С. 712–713.

9 Милуков П. Н. Россия на переломе. Т.2. — Париж. 1927. — С. 173.

10 Ципкин Ю. Н. Социальный состав белой армии на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Россия и АТР. — Владивосток. 1995. — №4. — С. 38.

11 Кузьмин Г. В. Разгром интервентов и белогвардейцев. 1917–1922 гг. — М., 1977. — С. 384.

12 Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенция. — Новокузнецк. 1925. — С. 319.

13 Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. — Рига. 1930. — С. 157.

14 Ладеева Н. А. Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в 1920 г. и ее влияние на действия НРА ДВР // Вопросы истории Дальнего Востока. — Хабаровск. 1977. — №5. — С. 172.

15 Ципкин Ю. Н. Свои против своих. Социальный состав белой армии на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Россия и АТР. — Владивосток. 1995. — №4. — С. 32–42.

16 Ципкин Ю. Н. Свои против своих. Социальный состав белой армии на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Россия и АТР. — Владивосток. 1995. — №4. — С. 38.

большим или меньшим количеством женщин, больных, инвалидов и пожилых людей в той или иной группе.

Из данных, приведенных в таблице 1 следует, что крестьяне, казаки и военные оказались наиболее подготовленными для ведения боевых действий с Красной Армией. Рассмотрев социально-классовый состав Белого движения в Приморье, обратимся к рассмотрению состава офицеров, воевавших в Дальневосточной армии, которые были костяком и опорой всего Белого движения на Дальнем Востоке и в Приморье.

Документы РГВА дают основания утверждать, что к концу Гражданской войны, когда территория, контролируемая белыми, ограничивалась только Приморьем, офицерский состав стал составлять почти 40 % личного состава Дальневосточной армии.¹⁷ Рядовой и унтер-офицерский состав к этому времени за счет населения Приморья не пополнялся, и его значительная часть перешла на сторону Красной Армии и Народно-революционной армии ДВР. По своим политическим взглядам офицерство было весьма неоднородно. Среди офицеров и генералов были сторон-

ники монархии (М. К. Дитерихс, Г. А. Вержбицкий, В. М. Молчанов и др.), до самого конца.

не отказавшиеся от своих взглядов, приверженцы Учредительного собрания или Земского собора с довольно неясной ориентацией (А. Н. Пепеляев) и откровенно проэсерски настроенные генералы и офицеры в лице В. Г. Болдырева, ряда командиров ижевско-воткинских частей и представителей интеллигенции.

Изучение социального состава Белого движения в Приморье в 1920–1922 годах позволяет сделать ряд выводов:

1) Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке коснулась всех слоев общества и втянула в противостояние все сословия;

2) Белая армия адмирала А. В. Колчака формировалась главным образом за счет мобилизации представителей низших социальных слоев, что не исключало наличия в армии и добровольцев;

3) Основную тяжесть Гражданской войны вынесли на себе социальные низы. Приток кадров в белую армию зачастую был вызван не добровольным выбором, а попаданием

тысяч людей в огонь гражданского противостояния;

4) После поражения А. В. Колчака и Г. М. Семенова белая армия за счет мобилизации не пополнялась. Дальневосточная армия белых вела в Приморье борьбу против Народно-революционной армии Дальневосточной республики в старом кадровом составе;

5) Основная масса добровольцев участвовала в Белом движении вполне сознательно, стремясь к возврату утраченной собственности, политической власти, прежних идеалов и образа жизни в целом. Многие офицеры и генералы не имели сколько-нибудь значимого имущества, но были верны присяге и по-своему любили Россию. Добровольное участие в Белом движении представителей низших социальных слоев и сословий, не имеющих прямых экономических и политических интересов, говорит лишь о том, что социальные катаклизмы Гражданской войны определялись всем сложным комплексом экономических, политических, социально-психологических и национальных противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Куций, В. Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920–1922 гг. – Владивосток: 1994, Дальневосточный университет. – С. 13.
2. Червонный, А. Интервенция на Дальнем Востоке и Сибири. Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. – Петроград: 1922. – С. 243.
3. Каплин, С. С. Борьба классов и партий ДВР (1920–1922 гг.). Автореф. дис.... док. ист. наук. – Л., 1972. – С. 19.
4. Щербakov, O. V. O тактике большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям в ДВР. – Калинин: 1983. – С. 185–186.
5. Дальневосточная республика. – 1920. – 4 июля.
6. Шкаренков, Л. К. Агония белой эмиграции. – М., 1986. – С. 82.
7. Шкаренков, Л. К. Белая эмиграция: агония контрреволюции // Вопросы истории. – 1976. – №5. – С. 117.

REFERENCES

1. Kutsy, V. Yu. Internal counterrevolution in Primorye. 1920–1922 – Vladivostok: 1994, Far Eastern University. – p. 13.
2. Chervonny, A. Intervention in the Far East and Siberia. The first Congress of revolutionary organizations of the Far East. – Petrograd: 1922. – p. 243.
3. Kaplin, S. S. The struggle of classes and parties of the DVR (1920–1922). Abstract. dis.... Doctor of Historical Sciences. – L., 1972. – p. 19.
4. Shcherbakov, O. V. On the tactics of the Bolsheviks in relation to the petty-bourgeois parties in the DVR. – Kalinin: 1983. – pp. 185–186.
5. The Far Eastern Republic. – 1920. – July 4.
6. Shkarenkov, L. K. The agony of white emigration. – M., 1986. – p. 82.
7. Shkarenkov, L. K. White emigration: the agony of counterrevolution // Questions of history. – 1976. – N. 5. – p. 117.

8. Ципкин, Ю. Н. Социальный состав белой армии на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Россия и АТР. – Владивосток: 1995. – №5. – С. 38.
9. Ципкин, Ю. Н. Свои против своих. Социальный состав белой армии на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Россия и АТР. – Владивосток: 1995. – №4. – С. 32.

9. Tsipkin, Yu. N. The social composition of the white army in the Far East during the Civil War // Russia and the Asia-Pacific Region. – Vladivostok: 1995. – N. 5. – p. 38.

10. Tsipkin, Yu. N. Their own against their own. The social composition of the White Army in the Far East during the Civil War // Russia and the APR. – Vladivostok: 1995. – N. 4. – p. 32.

САНИТАРНО-МЕДИЦИНСКИЕ УСЛОВИЯ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ УЧЕНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.)

SANITARY AND MEDICAL CONDITIONS IN THE ALTAI DISTRICT AT THE END OF THE XIX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF SCIENTISTS, PUBLIC FIGURES OF THE XVIII – EARLY XX CENTURIES.)

Аннотация. В статье рассматриваются санитарно-медицинские условия начального этапа формирования в Алтайском округе медицинских учреждений и врачебного дела во второй половине XIX в. Проанализирован исследовательский труд земского врача, публициста С.В. Мартынова. Показано, что медицинские учреждения имели различные санитарно-бытовые условия, зависящие в первую очередь от финансирования. Переселенческая политика усугубила эпидемиологическую обстановку в Алтайском горном округе. Обозначены этапы становления государственного здравоохранения и основные направления реформы 1888 г. Охарактеризована работа больниц, аптек, с точки зрения владельческой принадлежности, ценовой доступности, массовости обслуживания. Оценка бытового состояния медицинского дела во второй половине XIX века по большинству параметров являлась неудовлетворительной.

Ключевые слова: медицина, санитарное состояние, Алтайский округ, больницы, болезни, эпидемии, врачи, аптеки.

Annotation. The article discusses the sanitary and medical conditions of the initial stage of the formation of medical institutions and medical practice in the Altai District in the second half of the XIX century. The research work of the zemstvo doctor, publicist S.V. Martynov is analyzed. It is shown that medical institutions had various sanitary conditions, depending primarily on funding. The resettlement policy has aggravated the epidemiological situation in the Altai Mountain District. The stages of the formation of public health and the main directions of the reform of 1888 are outlined. The work of hospitals and pharmacies is characterized from the point of view of ownership, affordability, mass service. The assessment of the everyday state of medical affairs in the second half of the XIX century was unsatisfactory for most parameters.

Keywords: medicine, sanitary condition, Altai District, hospitals, diseases, epidemics, doctors, pharmacies.

Труды ученых, путешественников, общественных деятелей XVIII– начала XX вв. представляют для нас большой научный интерес с точки зрения источниковой базы для изучения бытовых, хозяйственных, культурных особенностей населения Сибири. Исследователи оставили свои наблюдения, которые позволяют нам увидеть авторские впечатления, эмоционально окрашенные оценки, уникальную интерпретацию исторических фактов. Будучи преданными своему делу, увлеченными людьми они внесли неоценимый вклад в изучение Сибири в целом и Алтая в частности. Изучение этих источников позволит более точно реконструировать этапы и особенности становления санитарно-медицинского дела на Алтае в конце XIX в. в контексте их восприятия современниками.

Значительным источником ссыльного народника П.А. Голубева, благодаря трудам которого увидел свет, вышедший в Томске в 1890 г. «Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа»¹. За революционную деятельность П. А. Голубев был сослан в Сибирь, в село Алтайское Бийского округа, где продолжал свою исследовательскую работу. Актуальность своей работы П.А. Голубев видел в том, что в большинстве исследований Сибири посвящено изучению природных богатств, исторического, этнографического наследия, но при этом ощущался недостаток изучения современного положения хозяйства и быта. Этому он и посвятил свою работу, привлекая

Бондаренко Светлана Ивановна - кандидат исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Алтайский государственный аграрный университет e-mail: bonsvet@bk.ru РФ, 656308, г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98.

S.I. Bondarenko – candidate of historical sciences, Head of the Department of Humanities, Altai State Agrarian University, e-mail: bonsvet@bk.ru Of the Russian Federation, 98 Krasnoarmeysky Ave., Barnaul, 656308

к себе различных исследователей. Его труд являлся по сути первым систематическим обзором современной экономической жизни края.

Одним из таких привлеченных исследователей стал Мартынов Сергей Васильевич земский врач, публицист (1856–1916), внесший важный вклад в изучение и систематизацию исследовательского материала по истории становления санитарно-медицинского дела на Алтае. Современники отзывались о нем как об очень умном, образованном, интересном человеке. Родился Сергей Васильевич в Ставрополе. Являлся активным участником революционного движения, был членом исполнительного комитета партии «Народная воля». В 1881 г. за революционную деятельность был арестован и заключен в Петропавловскую

¹ Голубев П.А. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск. 1890 // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. – Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2017. Т. 4. – 544 с.

крепость. Отбывая ссылку в Енисейской губернии, продолжал работать, вел активную научную жизнь. В 1885 г. встречался с американскими историками Д. Кеннаном и Д. Фростом. В 1906 г. участвовал в ученой экспедиции для исследования естественных богатств Северного края, получив за свой научный труд золотую медаль Академии наук. Автор книг «Современное положение русской деревни» (1903), «Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность» (1905), «Отряд Воронежского губернского земства на Дальнем Востоке в Русско-японскую кампанию» (1907). На Алтае Мартынов изучал санитарно-медицинское состояние. С.В. Мартыновым была проведена систематизация материала по большому блоку: врачебный персонал, больницы и лечебницы, богадельни и приюты, аптеки, санитарное состояние городов, эпидемии. Анализ его работы позволяет реконструировать развитие санитарно-медицинского дела региона, получить представление об этапах его развития, выявить особенности и проблемы развития, с точки зрения восприятия этих процессов исследователями - современниками.

После отмены крепостного права в развитии Сибири обозначился новый этап развития. Началось массовое переселенческое движение. В период с 1861 по 1885 г. в Сибирь ежегодно прибывало до 12 тыс. переселенцев [1, с. 15]. Результатом массового переселения конкретно на Алтай стало увеличение населения с 1861 по 1897 г. в три раза – с 432 тыс. до 1 млн. 326 тыс. [2, с.199]. Массовое переселение повлекло необходимость изменения оказания медицинской помощи. Развитие же государственного здравоохранения как в России, так и в Сибири в XIX веке находилось в зачаточном состоянии. Поскольку в Сибири земств, занимающихся в том числе организацией здравоохранения, не предусматривалось, то ситуация с развитием медицины в

Сибири была куда серьезнее. Так в 1864 г. в Томской губернии на одного врача приходилось 115552 чел. только русского населения [1, с.31]. Сравним, в европейской части 1 врач на 288 кв. верст, а в Сибири 1 врач на 19364 кв. версты. Комментарии как говорится излишни.

На Алтае во второй половине XIX века организация медицинского дела также не отличалась практически от общесибирских показателей. Особую озабоченность местной врачебной управы вызывала практическая невозможность сельского населения получить своевременную медицинскую помощь. Попытки улучшить ситуацию, конечно, предпринимались, Мартынов С.В. на них указывает. Так в 1882 г. все окружные врачи были снабжены лекарствами на сумму 50 р., деньги на эти нужды были выделены Красным Крестом, но это конечно не решало системных проблем².

По данным Мартынова, до 1889 г. врачи имелись лишь в городах и при четырех заводах. В каждом окружном городе находилось в среднем 2-3 врача. Их обязанности были весьма обширны. Они должны были заботиться о санитарном состоянии города, исполнять судебномедицинские обязанности по городу, заведовать городскими и тюремными госпиталями, участвовать в воинских осмотрах, оказывать помощь местному населению. Очевидно, что имеющиеся врачи не справлялись с таким объемом работы. Так в 1887 г. в Барнаульском округе проживало-254 тыс. жителей, в Бийском – 312 тыс., в Кузнецком – 157 тыс. На каждый округ приходилось всего по 2 фельдшера³.

Следующим этапом развития санитарно-медицинского дела Мартынов выделяет 1888 г., когда было расширено штатное расписание сельских врачей. Было утверждено новое штатное расписание в количестве 33-х сельских врачей в округе. При медицинских отделениях губернских и областных управлений

должны были состоять врачи для командировок, а уезды делились на сельские врачебные участки (3, с. 138]. На реализацию проекта правительством Александра III отводилось 2 года [4, с.336].

Однако, на практике образование этих участков сильно затянулось. По данным Мартынова С. В. в результате реформы дополнительных врачей получили Барнаульский и Бийский округа, при этом в Кузнецком округе количество сельских врачей сократилось. Так же по новому положению о сельской медицине ни врачам, ни фельдшерам не выделялось финансирования на медикаменты, что во многом сводило на нет работу сельских врачей, хотя на открытие больниц по реформе бюджет выделялся. Так для Тобольской губернии выделялось – 42 960 р., для Томской – 35 240 р. [4, с. 347].

Касаемо наличия в Алтайском округе больниц и лечебниц по данным исследователя отмечалось их ничтожное количество. Так в г. Барнауле работал горнозаводской госпиталь и основанная Обществом Красного Креста в 1884 г. небольшая больница, в которой с 1887 г. имелось лишь 10 кроватей. Городовые врачи осуществляли заведование ею бесплатно, а из медицинского персонала в наличии имелись лишь сиделка и прислуга. С больных взималась плата в размере 10 рублей. В г. Бийске также имелось две больницы тюремный госпиталь на 10 кроватей и частная больница на 25 кроватей, основанная купцом А.В. Соколовым. Эта больница обслуживала военных и горожан. С пациентов взималась плата 7 р 50 коп. в месяц. Также в больнице велся и амбулаторный прием, но сельским жителям данная медицинская помощь была недоступна. В г. Кузнецке имелся лишь один военно-тюремный госпиталь. В Кольвани до 1886 г. имелся также один военный лазарет на 7 кроватей, позже в 1886 г. в городе была открыта бесплатная амбулаторная лечебница с бесплатным отпуском лекарств из ее аптеки.

Всех же больниц, находящихся в ведении Горного управления, насчитывалось - 11., что, конечно, не отражало реальных потребностей региона⁴.

Бытовое и хозяйственно устройство больниц было различным. Так ни в одной из больниц не существовало специальных операционных комнат. В то же время исследователь отмечает, что снабжение перевязочными материалами, хирургическими инструментами и медикаментами все госпитали были обставлены богато. Недостаток материалов объяснялся трудностью доставки при плохих путях сообщения. Отмечается, что Управлением Алтайского горного округа выписывалось все необходимое для снабжения госпиталей. При всех госпиталях имелись бани, при некоторых даже имелись даже ванные комнаты для больных.

Отдельной проблемой являлась дороговизна лечения. Семьи горнослужащих и горнорабочих получали лечение бесплатно, а остальное население самостоятельно оплачивало лечение. Плата устанавливалась ежегодно министром внутренних дел. Любопытно выглядит динамика платы в сутки, приведенная Мартыновым⁵:

1860 г. – 34 коп.,
1870 г. – 43 коп.,
1875 г. – 45 коп.,
1880 г. – 40 коп.,
1885 г. – 38 коп.,
1889 г. – 41 коп.,
1890 г. – 34 коп.

Как следует из приведенных данных плата имела тенденцию к снижению и в 1890 г. являлось самой низкой за прошедшее тридцатилетие. Кроме этой оплаты ежегодно взималось с каждого больного в сутки по 3 копейки на медикаменты.

Касаемо наличия аптек с правом вольной продажи в Алтайском округе, их было еще меньше, чем больниц. Так в округе в 1890 г. насчитывалось 3 таких аптеки. Одна частная аптека Поляка находилась в г. Барнауле, другая

Реша в Бийске, также работала одна центральная аптека Алтайских горных заводов в г. Барнауле с правом вольной продажи. Центральная аптека была открыта в 1758 г. и существовала при горном госпитале. При аптеке был основан сад и огород для разведения лекарственных растений, которые собирали заводские ученики. Все же общий объем платных рецептов был весьма невелик. Так в 1884 г. было отпущено – 269 рецептов, в 1885 г. -205⁶.

В своем исследовании Мартынов С.В. обращается к обзору эпидемий, оговариваясь неполнотой данных, в связи отсутствием определенности и системности в отчетах врачебной управы. Основной причиной эпидемий на Алтае являлось их занесение из России, преимущественно в Томскую губернию посредством передвижения ссыльных. Таким образом были занесены возвратный тиф, холера, дифтерит. Развитие эпидемий способствовала переправка ссыльных водным путем. Другим источником распространения эпидемий исследователь видел в усиливающемся год от года переселенческом движении из центральных регионов России. Наиболее распространёнными эпидемическими болезнями как по губернии, так и по Алтайскому округу были: оспа, скарлатина, тифы различных видов, дифтерит, дизентерия, корь, коклюш и даже гнойное воспаление глаз. Вместе с распространением эпидемий возрастала смертность. Так в 1881 г. смертность от числа заболевших составляла - 16, 9%, в 1883 г.- 20, 6 %, в 1884 г. -20, 7, в 1885 г. несколько опустилась – 18, 9%, а в 1886 г. возросла до 23, 4 %⁷. Врачебная управа констатировала факт, что смертность и заболеваемость по отдельным эпидемиям находятся между собой в обратном отношении, т.е. когда заболеваемость эпидемиями выше, в этом году смертность падает и обратно. Это явление прослеживалось и относительно общей заболеваемости от эпидемий. Среди городских

поселений по распространению эпидемий лидировала Кольвань, второе место принадлежало Барнаулу, третье Бийску.

Мартыновым С. В. была проделана большая работа по сбору данных по эпидемиях в округах по каждому селению в отдельности в конкретные годы. В среде сельского населения наибольшее распространение эпидемий прослеживалось по округам. Натуральная оспа, дифтерит господствовали больше всего в Кузнецком округе; скарлатина, дизентерия, корь в Бийском. Тиф, коклюш отмечался во всех округах, 1881 и 1885 гг. были периодами наибольшего подъема заболеваний в сельской местности.

В целом, анализируя работу исследователя можно сделать вывод о том, что население Алтайского горного округа, и прежде всего сельское в обозначенный период, не имело возможности получить своевременную квалифицированную медицинскую помощь. Причиной этому было как общая неразвитость системы здравоохранения, так и особенности округа, выраженные в большой протяженности и отсутствии хороших дорог, что не позволяло своевременно оказывать даже возможную помощь. Переселенческая политика, спровоцировавшая большой приток населения ухудшила эпидемиологическую обстановку в округе. А суровый климат, недостаточное финансирование медицины, особый ритм крестьянских работ и отсутствие навыков заботы о своем здоровье усугубляли здоровье населения.

4 Там же. С. 230-231.

5 Там же. С. 233.

6 Мартынов С.В. Санитарно-медицинская часть на Алтае / Алтайский сборник. 1898. Т.4. // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. – Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2017. Т. 4. С. 237.

7 Там же. С. 250.

2 Мартынов С.В. Санитарно-медицинская часть на Алтае / Алтайский сборник. 1898. Т.4. // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. – Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2017. Т. 4. С. 234.

3 Там же. С.224.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект) / Владимир Темплинг; отв. ред. Н.А. Миненко; Институт проблем освоения Севера СО РАН. — Тюмень: Мандр и Ка, 2017. — 224 с.

2. История Алтая. Ч.1. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 1995. — 480 с.
3. Татарникова А.И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири по воздействию модернизационных процессов (конец XIX- первая четверть

XX в.) // Теория и практика общественно-го развития. 2015. № 22. С. 137- 140.

4. Глушков С.Е. Преобразование системы здравоохранения и снижения смертности в Западной Сибири конца XIX- начала XX в. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). С. 346-349.

REFERENCES

1. Templing V.Ya. Folk medicine of the Russian population of Western Siberia of the XIX century. (socio-cultural aspect) / Vladimir Templing; ed. by N.A. Minenko; Institute of Problems of Development of the North SB RAS. — Tyumen: Mandr and Ka, 2017. 224 p. (In Russ)

2. History of Altai. Part 1. Barnaul: Publishing house Alt. Un-ta, 1995. 480 p. (In Russ)

3. Tatarnikova A.I. Rural healthcare and the network of medical institutions in Western Siberia under the influence of modernization processes (late XIX- first quarter of XX century) // Teoriya i praktika

obshchestvennogo razvitiya. 2015. No. 22. pp. 137- 140. (In Russ)

4. Glushkov S.E. Transformation of the healthcare system and mortality reduction in Western Siberia of the late XIX- early XX century // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2011. No. 6 (31). pp. 346-349. (In Russ)

УДК 94.(574) «1941/1945»
УДК 93/94

БОРЬБА С ВРАЖЕСКИМ ДЕСАНТОМ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

FIGHTING ENEMY LANDING ON THE TERRITORY OF KAZAKHSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Калинина Елена Александровна – аспирант 1 курса
e-mail: eka782010@mail.ru
Казанский (Приволжский) Федеральный университет
РФ, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Yelena Kalinina Kazan (Volga Region) State University (KFU)
Russia, 420008, Kazan, Kremlin, 18

Подтверждения борьбы с фашистским десантом в Западном Казахстане имеются в разных архивах и документах. Систематизировал их историк П. Букаткин «На основе материалов партийных архивов Казфилиала ИМЛ, Гурьевского, Западно-Казахстанского (ныне Уральского) и Саратовского обкомов партии, Гурьевского отдела КГБ, рукописного фонда института истории, археологии и этнографии Академии Наук Каз ССР, периодической печати и

воспоминаний чекистов тт. Б. А. Бойко, Я. М. Гродненского, Х. А. Хусаинова...»¹.

С выходом врага к Волге, уже в 1942 году, заброска вражеских лазутчиков в западный Казахстан усилилась. «В ноябре 1942 г. фашистские самолеты с советскими опознавательными знаками дважды пытались высадить ракетчиков в районе ст. Пойма Западно-Казахстанской области с целью наводки вражеских самолетов для бомбежки железнодорожного моста через р. Урал... В целом, на

Аннотация. Во время Великой Отечественной войны Западный Казахстан, согласно документам, принимал участие в боевых действиях: есть подтвержденные факты борьбы с вражеским десантом, группами диверсантов. Кроме того, 4 района Западно-Казахстанской области Республики Казахстан вошли в состав Сталинградского военного округа. В ходе Сталинградской битвы (июль 1942 – февраль 1943) два из них подвергались жестоким бомбардировкам противника: Бокейординский и Жаныбекский (Урдинский и Джаныбекский). Удары авиации приходились в основном на железную дорогу, по которой вглубь страны двигались санитарные эшелоны, а на передовой фронт составы с провиантом, оружием и живой силой. Вдоль нее и располагаются братские могилы, поиск которых, как и поднятие останков бойцов, погибших 78 лет назад, ведется лишь отдельными неравнодушными лицами, как правило, из местных жителей. Но выброска вражеского десанта происходила не только в первые полтора-два года войны, до Сталинградского сражения, но и после.

Ключевые слова: Западно-Казахстанская область; Великая Отечественная война; прифронтовая зона; Сталинград; парашютный десант, абвер, диверсанты, Гурьевский нефтепровод, шпионское задание.

Сталинградском направлении за октябрь-ноябрь 1942 г. была пресечена подрывная деятельность около двухсот вражеских агентов»².

В 1942 году, пытаясь компенсировать свои неудачи на фронте, немецкая разведка почти в 1,5 увеличила засылку вражеской агентуры в тыл страны по сравнению с 1941 годом.

Также в 1942 году была попытка взорвать мост через Урал.

«В ноябре 1942 года фашистский самолёт с советскими опознавательными знаками пытался высадить ракетчиков в районе станции Пойма. По сигналу поста ПВО чекисты А. Дондуков, А. Гродненский и Пономарёв и другие оперативники на автомашине почти одновременно прибыли к месту посадки самолёта у колхоза «Розенталя» Теректинского района.

Встреча с вооружёнными чекистами не входила в планы фашистских лётчиков, и они поспешно подняли самолёт в воздух. У Бузулука советские истребители вышли на перехват вражеского самолёта и заставили его приземлиться. Кроме экипажа, в нём оказались четыре ракетчика с портативными радиостанциями, ракетницами и набором сигнальных ракет»³.

Все это требовалось для того, чтобы наводить вражеские самолеты для бомбежки железнодорожного моста через Урал, имевшего стратегическое значение.

«Неудачной была и попытка высадить диверсантов в колхозе имени Тельмана. В самом Уральске то и дело задерживали лиц, которые вели подрывную деятельность. Они пытались распространять листовки, сеять панику среди эвакуированных рабочих о якобы свирепствующей в городе чуме... В начале 1943 года перед диверсантами, забрасываемыми в Западно-Казахстанскую и Гурьевскую области, ставили задачи сбора шпионских сведений, проведения диверсий и подготовки антисоветских восстаний в Казахстане. Для борьбы с ними

были созданы истребительские батальоны в Уральске, а затем и в Джанибекском, Джамбейтинском, Казталовском районах. И не раз приходилось участвовать в вооруженных столкновениях с группами диверсантов-парашютистов, пытавшихся совершить диверсии на железнодорожной линии Палласовка – Джаныбек – Сайхин – Шунгай – Верхний Баскунчак. Но редко шпионам удавалось пробраться незамеченными к месту назначения. Жизнь в прифронтовой зоне научила людей настороженно относиться к появлению незнакомцев»⁴.

«В 1943-1944 г.г. она переходит к выброске парашютных десантов на территории Гурьевской и Западно-Казахстанской областей. Перед агентами абвера ставились задачи сбора шпионских сведений, диверсий и подготовки антисоветских восстаний в Казахстане»⁵.

Это привело к тому, что на территории Западно-Казахстанской области создали истребительные батальоны, а именно в Уральске, а затем в Джаныбекском, Джамбейтинском, Казталовском и Фурмановском районах.

В Актюбинской области и Гурьевской (ныне это Атырауская область), создали, соответственно, подразделение по борьбе с парашютными десантами в Актюбинском полку народного ополчения и группы охраны из коммунистов и комсомольцев для предотвращения диверсий на нефтепромыслах и других важных объектах. Подниматься по тревоге им не пришлось не раз.

«Весной 1943 г. в барханах, на стыке Урдинского и Джаныбекского районов Западно-Казахстанской области, был выброшен небольшой десант парашютистов, прошедших обучение в разведывательно-диверсионных школах Бобруйска и Освенцима.

Снабдив диверсантов рациями и шифрами для связи, набором ядов с целью отравления водоемов, абвер одновременно выделил денежные средства и религиозную

Annotation. During the Great Patriotic war, Western Kazakhstan, according to the documents, took part in the hostilities: there are confirmed facts of the fight against enemy landings, groups of saboteurs. In addition, 4 districts of the West Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan became part of the Stalingrad military district. During the Battle of Stalingrad (July 1942 - February 1943), two of them were subjected to severe enemy bombing: Bokeyorda and Zhanibek (Urda and Dzhanibek). Air strikes fell mainly on the railway, along which sanitary echelons moved inland, and trains with provisions, weapons and manpower moved to the front line. Along it, there are mass graves, the search for which as well as the raising of the remains of soldiers who died 78 years ago, is carried out only by individual caring individuals, as a rule, from local residents. But the landing of an enemy landing took place not only in the first one and a half to two years of the war, before the Battle of Stalingrad, but also after.

Keywords: West Kazakhstan region; The Great Patriotic War; frontal zone; Stalingrad; paratroopers, Abwehr, saboteurs, Guryev oil pipeline, espionage mission.

литературу для идеологической диверсии – подготовки восстания против Советской власти. Гуртоправ одного из совхозов, увидев незнакомцев, пригласил их к себе и немедленно сообщил об этом начальнику РО НКВД т. Кабакову. Выехав на место операции, чекисты тт. А.С. Дондуков, Я.М. Гродненский, Кабаков, бойцы части полковника т. Кац окружили и врасплох захватили диверсантов. Получив необходимые сведения и проведя и тщательную и длительную проверку, чекисты в октябре 1943 г. через диверсантов установили регулярную радиосвязь с немецким радиоцентром, передавая немало дезинформационных материалов. Подобные «радиогрипы» проводились и в других районах страны»⁶.

Летом 1943 года известен случай, когда фашистский десант пытался прервать работу Гурьевского нефтепровода, по которому «черное золото» поступало на эвакуированный в Орск

² Там же. С. 1-2.

³ Суетин А. Неспokoйный ближний тыл // www.ibtzha.kz. Газета №5 (1230) от 01.02.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ibtzha.kz/nespokoyny-blizhniy-tyl/>, свободный.

⁴ Редакция zakon.kz. Как ловили диверсантов в Уральске // www.zakon.kz от 09.05.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4622532-kak-lovili-diversantov-v-uralske.html>, свободный.

⁵ Букаткин П. Борьба с фашистскими десантами в Западном Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Тезисы XXXII научной конференции. 1968. С. 2.

⁶ Букаткин П. Борьба с фашистскими десантами в Западном Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Тезисы XXXII научной конференции. 1968. С. 3.

крупнейший нефтеперегонный завод им. 26-ти бакинских комиссаров. «22 августа 1943 г. фашистский десант в составе шести парашютистов был заброшен в Новобогатинский район Гурьевской области. Парашютисты, переодетые в форму бойцов Советской Армии, были вооружены автоматами, револьверами, имели рации, топографические карты, 222930 руб. денег и пытались прозондировать почву и настроение советских людей для выполнения шпионских заданий»⁷.

Затем последовал второй десант из 5 человек, высаженный на территорию Морского аулсовета Денгизского района той же области. Все диверсанты были обезврежены. Однако даже в 1944 противник не оставлял надежды вывести из строя нефтепровод «Каспий-Орск».

«В ночь на 3 мая 1944 г. первая группа в составе 7 парашютистов была заброшена на самолете в район Ак-Мечеть, а через двое суток сюда же приземлилась вторая группа... Из оперативных работников, бойцов охраны было создано несколько поисковых вооруженных групп, двинувшихся к местам возможной высадки диверсантов. Предположения чекистов подтвердили колхоз-

ники из сельхозартели им. С.М. Кирова. Они сообщили, что 11 мая шестеро неизвестных под видом красноармейцев, якобы разыскивающих диверсантов, купили на ферме барана, а через два дня ограбили ферму и увезли с собой бригадира Б. Атагузиева. Эти данные были дополнены бежавшими из первой группы двумя парашютистами, которые указали на месторасположение баз диверсантов. Продолжая преследование диверсантов, чекисты двинулись вверх по течению р. Эмбы и 18 мая настигли их в урочище Шили-Сан. Оперативные группы во главе с тт. Корниловым и Яценко после короткого боя заставили диверсантов сложить оружие. Главарию фашистской банды А. Агаеву с группой диверсантов удалось уйти»⁸.

Уничтожить всю банду удалось буквально через день, когда в ночь с 19 на 20 мая поступило сообщение от начальника нефтекачки №3 В.А. Пархоменко о появлении вооруженных людей. Чекисты завязали с ними бой и уничтожили всех диверсантов. «Чекисты захватили 2 вражеских пулемета, автоматы, винтовки, пистолеты, боеприпасы, взрывчатые и зажигательные вещества, 3 радиостанции с документацией, 136

каучуковых гербовых печатей и штампов, полевую типографию, антисоветские листовки, агентурные данные и 66 тыс. рублей советских денег. Бесславно закончила свое существование заброшенная 10 июня 1944 г. в районе Гурьева для связи с ранее высадившимся десантом группа в составе 3-х парашютистов. Встреченные чекистами фашистские наемники без боя сложили оружие. У них были изъяты радиостанции, парашюты, деньги и 125 коранов»⁹.

Сам факт бомбардировок районов Западно-Казахстанской области, наличие архивных документов о действиях лазутчиков вражеской армии на этой территории, описанные еще в 60-х годах участником ВОВ, ученым-историком и краеведом Павлом Букаткиным и наличие братских могил говорит об участии этой области, а значит, и Казахстана, в ВОВ. Внимание к этому вопросу привлекается для того, чтобы правительство РК обратило внимание и выделило, наконец, целевые средства на проведение массового поиска останков солдат, погибших во время Великой Отечественной войны, число которых, по предположению поисковиков, может достигать нескольких сотен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Букаткин П. Р. Борьба с фашистскими десантами в Западном Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Тезисы XXXII научной конференции. 1968. С. 1-5.

2. Суевин А. Неспokoйный ближ-

ний тыл // ibirzha.kz. Газета №5 (1230) от 01.02.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://ibirzha.kz/nespokoyniy-blizhnij-tyl/>, свободный. – Загл. с экрана.

3. www.zakon.kz. Как ловили

диверсантов в Уральске// [Электронный ресурс]/ 09.05.2014. Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4622532-kak-lovili-diversantov-v-uralske.html>, свободный. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Bukatkin P.R. The fight against fascist landings in Western Kazakhstan during the Great Patriotic War // Abstracts of the XXIII scientific conference. 1968. S. 1-5.

2. Suetin A. Restless near rear //

ibirzha.kz. Newspaper No. 5 (1230) dated 02/01/2018. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://ibirzha.kz/nespokoyniy-blizhnij-tyl/>, free. – Zagl. from the screen.

3. www.zakon.kz How saboteurs

were caught in Uralsk// [Electronic resource] / 05/09/2014. Access mode: <https://www.zakon.kz/4622532-kak-lovili-diversantov-v-uralske.html>, free. – Zagl. from the screen.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА ЛИВУРДОВА И.Ф. В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 20Х ГОДОВ ХХ ВЕКА

PAGES OF THE BIOGRAPHY OF PROFESSOR LIVURDOV I.F. IN THE CONTEXT OF THE EVENTS OF THE 20S OF THE XX CENTURY

Дина Ванцетовна Карпукхина – ведущий архивист, Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). e-mail: dina_museum@mail.ru. РФ, 660021, г. Красноярск, ул. Робеспьера, д. 4.

D.V. Karpukhina – lead archivist, State archive of the Krasnoyarsk region, e-mail: dina_museum@mail.ru. Regional state institution «State Archive of the Krasnoyarsk Territory» (KGKU «GAKK») Robespierre str., 4, Krasnoyarsk, 660021, Russia

13 апреля по-старому, 26-го по новому стилю, исполняется 115 лет со дня рождения нашего земляка-красноярца, учёного-механика, доктора технических наук, профессора Ливурдова Ивана Филимоновича.

В метрической книге Всехсвятской церкви г. Красноярска записано, что Иван родился 13 апреля 1907 г. в Красноярске в семье выходцев из д. Кучино Кохановской волости Оршанского уезда Могилевской губернии – крестьян Филимона Ивановича и Феодоры Васильевны Леурдовых (такое написание тогда имела фамилия Ивана Филимоновича).¹

Свой трудовой путь Иван начал совсем юным, устроившись учеником слесаря в Красноярские главные железнодорожные мастерские. Здесь же он стал членом РКСМ в 1922 году. В Государственном архиве Красноярского края сохранились воспоминания Ивана Филимоновича Ливурдова о его юности и работе по созданию пионерских отрядов, где рассказывается о первых шагах детского коммунистического движения. Благодаря этому документу буквально оживает история первых дней пионерии.

В 20-е гг. комсомольские организации стали активно вести работу с детьми и подростками. Иван Филимонович отмечает, что на первых этапах своей истории

первые детские коммунистические организации в Красноярске кое-что перенимали у скаутов: «Отряды разделялись на патрули, на вымпелах которых были изображены различные звери и птицы. Форма одежды – зеленая рубашка, панамы и шорты. На «вооружение» были приняты посохи, т.е. толстые деревянные палки. В работе патрулей и отряда основное внимание уделялось спортивным играм и походам».²

Идея скаутского движения состояла в том, чтобы дети, повторяя в своем развитии различные эпохи прошлого, должны быть по возможности отделены от современности и прежде всего от современной ему политической жизни общества. Отсюда и продолжительные игры в охотников, разведчиков и следопытов в удаленных от городов местностях. Но скаутизм, видимо, вступал в некоторое противоречие с требованиями времени и, возможно, поэтому в советских условиях не прижился.

В мае 1922 г. II-ая Всероссийская конференция комсомола, обсудив опыт работы первых коммунистических групп, приняла постановление о повсеместном создании пионерских организаций.

В Красноярске же первые отряды юных пионеров были созданы почти одновременно с Москвой,

Аннотация: 26-го апреля исполняется 115 лет со дня рождения нашего земляка-красноярца, доктора технических наук, профессора Ливурдова Ивана Филимоновича, автора научных работ «О влиянии на гидравлический удар распределения скоростей по сечению трубы», «Неустойчивое движение жидкости в трубах с переменным и постоянным поперечным сечением». Инженер-подполковник Иван Филимонович Ливурдов был награжден орденом Красной Звезды и медалями: «За оборону Москвы», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вместе с тем, этот замечательный ученый – яркий представитель первого поколения комсомольцев Енисейской Сибири, один из организаторов пионерского движения в Красноярске и губернии. О значении комсомольской работы в своей судьбе, И.Ф. Ливурдов писал так: «Мне, как и многим моим землякам, комсомол дал путевку в жизнь». В год 100-летнего юбилея создания пионерской организации его воспоминания приобретают особое значение.

Ключевые слова: комсомолец, пионер, пионерский отряд, пионерская организация, детское коммунистическое движение, железнодорожные мастерские, вожатые.

Abstract: April 26 marks the 115th anniversary of the birth of our Krasnoyarsk countryman, Doctor of Technical Sciences, Professor Ivan Filimonovich Livurdov, author of scientific papers “On the influence of velocity distribution over the pipe section on hydraulic shock”, “Unsteady fluid movement in pipes with variable and constant cross-section”. Engineer-Lieutenant Colonel Ivan Filimonovich Livurdov was awarded the Order of the Red Star and medals: “For the defense of Moscow”, “For military merits”, “For the victory over Germany in the Great Patriotic War 1941-1945”. At the same time, this remarkable scientist is a bright representative of the first generation of Komsomol members of Yenisei Siberia, one of the organizers of the pioneer movement in Krasnoyarsk and the province. I.F. Livurdov wrote about the significance of Komsomol work in his fate: “The Komsomol gave me, like many of my fellow countrymen, a start in life”. In the year of the 100th anniversary of the creation of the pioneer organization, his memories acquire special significance.

Keywords: Komsomol member, pioneer, pioneer detachment, pioneer organization, children's communist movement, railway workshops, counselors.

¹ КГКУ «ГАКК»: Ф.Р-2453 Оп.2 Д.75 Л.152об.
² КГКУ «ГАКК»: Ф.П-42 Оп.8 Д.184 Л.1

Ленинградом и Киевом. Эта инициатива исходила от комсомольцев Главных железнодорожных мастерских, базировавшихся во 2-м горрайоне Красноярска. Дело это было непростое, ведь в народе про пионеров распространяли различные нелепые слухи. Комсомольцам-вожатым приходилось много общаться с родителями ребят и рассказывать о том, что пионерская организация воспитывает детей сознательными и трудолюбивыми, смелыми и не боящимися трудностей.

«С первых же дней основной формой работы стали сборы, на которых обсуждались планы работы, проводились беседы и читки газет и интересных книг, устраивались различные конкурсы и соревнования. На сборах отрядов и районных слетах часто выступали старые коммунисты и рабочие. Вся подготовка к сборам проводилась самими пионерами. Отсутствие мелочной опеки со стороны комсомольской организации и школы способствовали развитию инициативы и активности в работе пионерской организации. Для большинства пионеров отряд и райком комсомола стали родным домом, куда они шли со всеми своими радостями и невзгодами. В отрядах выпускались стенные газеты, приуроченные, как правило, к различным событиям. При этом обнаруживалось, что в каждом пионере дремлет начинающий художник или поэт. Устраивались спортивные соревнования между звеньями и отрядами. Всегда большой интерес вызывали соревнования между комсомольцами и пионерами железнодорожного и городского районов города».³

Работа с пионерами имела самые разные формы. Природа окрестностей Красноярска весьма способствовала популяризации туристических походов, особенно на Красноярские Столбы: «В предпраздничные дни большие группы юношей и девушек с самодельными рюкзаками переправлялись через Енисей и р. Лалетину

или Коштаком шли к «Столбам». Первое время ночевали в углублениях и под козырьками скал. Здесь же разводили костер. Огонь согревал, а дым спасал от «гноуса», т.е. от комаров, мошки и других кровососущих насекомых. Нетрудно представить, почему нашу компанию столбистов стали называть «Копченными». По традиции восход солнца встречали на вершине самого высокого II Столба. С его вершины открываются чудесные виды сибирской горной тайги, а в ясные дни видно вдали Красноярск».⁴ В таких походах крепла дружба и взаимопомощь.

Также за городом организовывались пионерские лагеря. Так, недалеко от Красноярска, в местности, где раньше находился мужской монастырь, был создан один из первых лагерей.

Такая интенсивная работа с детьми и подростками имела положительный результат. И.Ф. Ливурдов отмечал, как «с каждым днем растут авторитет и влияние комсомольской организации среди молодежи города и его окраин. Это сказывалось не только в отношении к общественной работе, занятиям в школе, но и в поведении и даже во внешнем облике подростков. Исчезла вражда и прекратились драки, которые раньше часто возникали между живущими в различных районах города, на Каче, в Николаевской и Алексеевской слободках. Обычно эти потасовки начинали подростки, а затем в «бой» вступали взрослые».⁵

Весной и летом 1923 г. организовывались новые пионерские отряды в различных городах, рабочих поселках и селах Енисейской губернии.

Для лучшей подготовки уездных и районных организаторов детского коммунистического движения в Красноярске были созданы губернские курсы, на которых занималось около 40 комсомольцев из различных городов.

Прошел обучение на таких курсах и молодой комсомолец

Иван Ливурдов: «Наряду с общественным просвещением мы слушали лекции по основам педагогики и психологии. Проводились беседы практические занятия по санитарному просвещению, а такие занятия по физкультуре».⁶

В апреле 1924 г. по завершению курсов состоялось совещание секретарей уездных бюро и районных организаторов юных пионеров, по итогам которого Иван Ливурдов получил новое назначение: «После окончания курсов я был направлен в Канск, а также вел работу по созданию пионерских отрядов в Тайшете и Балахте».⁷

К концу 1924 г. пионерская организация выросла в несколько раз. Пионеры все больше включались в общественную жизнь. В селах и деревнях они активно помогали комсомольцам в проведении культурно-массовой работы. Например, когда первому балахтинскому отряду пионеров было выделено здание в центре села, тут же закипела работа: «В течение нескольких вечеров пионеры с помощью комсомольцев оборудовали сцену, сшили занавес и украсили помещение плакатами и лозунгами. Выбрали пьесу и начали готовиться к спектаклю. У всех участников спектакля было очень мало опыта, но зато большое желание донести до зрителей идеи и переживание героев пьесы. Присутствующие бурно реагировали на развивающиеся на сцене события и добродушно посмеивались над ошибками и промахами юных актеров. От спектакля к спектаклю исполнители приобретали опыт и держались на сцене все более уверенно. Если по ходу постановки происходили выстрелы и взрывы, то производилось это с применением такого количества пиротехнических средств, что нужно было делать перерыв для проветривания сцены и зрительного зала».⁸

Примечательны те места в воспоминаниях, где И.Ф. Ливурдов описывает проводившуюся тогда

антирелигиозную пропаганду: «В пасхальную ночь организовали молодежный вечер с антирелигиозными инсценировками, играми и танцами. К большому неудовольствию верующих значительная часть молодежи веселилась вместе с комсомольцами и пионерами до самого утра. Дело простое, но кое-кто и организаторов этого пасхального вечера, придя домой, с удовольствием позавтракал куличом, творожной пасхой с изюмом и крашеными в луке яйцами с изображением Х.В.»⁹

И.Ф. Ливурдов отмечает, насколько творчески вели работу комсомольцы и пионеры: «В то время различного рода сельские собрания обычно заканчивались выступлениями живой (инсценированной) газеты. По ходу собрания комсомольцы и пионеры подбирали материал и готовили его для инсценированных выступлений. В сатирических сценках и частушках осуждались действия внешних врагов, разоблачались происки кулаков и их приспешников, бюрократов, взяточников и любителей поживиться за счет государства или кооперации».¹⁰

О значении комсомольской работы в своей судьбе, И.Ф. Ливурдов писал так: «Мне, как и многим моим землякам, комсомол дал путевку в жизнь».¹¹ Его активная работа в создании первых пионерских отрядов, а затем пропагандистская работа в

Красноярских железнодорожных мастерских привела Ивана Филимоновича в 1926 г. в ряды Коммунистической партии. Райком комсомола направил его учиться в Москву на рабфак МИИТа. После окончания рабфака Иван Ливурдов, по совету преподавателя математики, поступил в Московский университет. Позже И.Ф. Ливурдов учился в аспирантуре организованного в 1930 г. Института механики МГУ. После защиты диссертации он остался работать в университете. 11.04.1940 г. Иван Филимонович был призван в армию.

За свою почти 30-летнюю службу инженер-подполковник Иван Филимонович Ливурдов был награжден орденом Красной Звезды и медалями: «За оборону Москвы», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».¹²

Служил Иван Ливурдов в Военной орденов Ленина и Суворова артиллерийской инженерной академии им. Ф.Э. Дзержинского в Москве. Заведовал кафедрой в Военно-воздушной инженерной академии им. проф. Н.Е. Жуковского. Стал доктором технических наук, профессором.¹³

Большую часть Иван Филимонович своей жизни занимался исследованием неустойчивости течения в трубах. В результате чего, в совместной работе с

другими учеными, как отмечала Твардовская Н.В., «были установлены основные зависимости и разработаны методики расчета гидравлического удара для напорных трубопроводов различного назначения, перекачивающих однородные или двухфазные газожидкостные среды».¹⁴ И.А. Чарным отмечалась значимость работы Ивана Филимоновича, которым «были учтены потери энергии на трение, возникающие от выравнивания скоростей при остановке потока вследствие мгновенного закрытия задвижки путем введения эмпирического коэффициента, указывающего, какая часть кинетической энергии потока, вычисленная по средней скорости, тратится на трение при выравнивании скоростей» и таким образом была выведена формула И. Ф. Ливурдова.¹⁵

Наиболее известные научные работы Ивана Филимоновича: «О влиянии на гидравлический удар распределения скоростей по сечению трубы». Уч.зап. МГУ им. Ломоносова, вып. 117, 1946 и «Неустойчившееся движение жидкости в трубах с переменным и постоянным поперечным сечением», автореферат докт. диссертации. М., 1956. Ливурдова Ивана Филимоновича не стало в 1968 г...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Твардовская, Надежда Владимировна. Автореферат диссертации на тему: Гидравлический удар в напорных трубопроводах водоотведения. Санкт-Петербург 2005 специальность ВАК РФ 05.23.04. 151с. 6 с.
2. Чарный И.А. Неустойчившееся движение реальной жидкости в трубах. Государственное издательство технико-теоретической литературы, М. – Л., 1951. 223с. 81 с.

REFERENCES

1. Tvardovskaya, Nadezhda Vladimirovna. Abstract of the dissertation on the topic: Hydraulic shock in pressure pipelines of drainage. St. Petersburg 2005 specialty of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 05.23.04.
2. Charny I.A. Unsteady movement of real fluid in pipes. State Publishing House of Technical and Theoretical Literature, M. – L., 1951.

3 КГКУ «ГАКК»: Ф.П-42 Оп.8 Д.184 Л.2

4 КГКУ «ГАКК»: Ф.П-42 Оп.8 Д.184 Л.3

5 КГКУ «ГАКК»: Ф.П-42 Оп.8 Д.184 Л.3

6 КГКУ «ГАКК»: Ф.П-42 Оп.8 Д.184 Л.4

7 КГКУ «ГАКК»: Ф.П-42 Оп.8 Д.184 Л.5

8 КГКУ «ГАКК»: Ф.П-42 Оп.8 Д.184 Л.5

СЛУЖАЩИЕ В НОВНИКОЛАЕВСКЕ-НОВОСИБИРСКЕ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

EMPLOYEES IN NOVONIKOLAEVSK-NOVOSIBIRSK DURING THE YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY

Кокуюлин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, эксперт РАН, e-mail: kwladislav@yandex.ru
Сибирский университет потребительской кооперации
РФ, 630087, г. Новосибирск, пр-т Маркса, 26.

Vladislav Kokoulin
Siberian University of consumer cooperation
Russia, 630087, Novosibirsk, Marx avenue, 26

Исторические исследования, посвящённые советским служащим, до сих пор немногочисленны в силу разных причин. В советской историографии особое внимание уделялось рабочему классу и крестьянству, служащие же относились к категории трудовой интеллигенции. Изучение данной категории населения велось с позиций «марксизма-ленинизма», согласно которой происходит стирание классовых перегородок и сближение основных классов и социальных слоёв советского народа. К сожалению, изучение служащих в годы новой экономической политики по разным причинам не стало объектом изучения ни в годы Перестройки, ни в постсоветской России.

Некоторый интерес к данной тематике проявился в 2000-е гг. Однако количество публикаций пока исчисляется единицами, к тому же они посвящены либо весьма узким аспектам, либо отдельному региону. Так, в статье О.В. Лихолета «Материальное положение ИТР и служащих на государственных предприятиях Нижнего Поволжья в 1920-е гг.» показано, как изменилось отношение власти к служащим государственных учреждений в годы нэпа: от представлений о том, что служащие – это «вспомогательное звено для политического авангарда – пролетариата» до создания такого положения для служащих, что они получали стабильно высокие

доходы, превышавшие зарплаты даже квалифицированных рабочих, жили в отдельных квартирах и имели высокий социальный статус. Однако в период нэпа обозначились и проблемы, связанные со служащими: прежде всего, это периодические «чистки» в учреждениях, затем – увеличивающийся разрыв между работниками социокультурной сферы и служащими государственных, и особенно хозяйственных предприятий. Однако в итоге эти противоречивые тенденции к концу нэпа, по мнению исследователя, привели к тому, что служащие стали надёжной опорой правящего режима¹.

В диссертационном исследовании Л.К. Каюмовой, посвящённом анализу места служащих в городском населении Татарской АССР в годы нэпа, проанализированы численность служащих, демографические характеристики этого слоя населения, социальное происхождение, уровень образования, их самоидентификация и отношение к служащим со стороны общества. Исследовательница выявила высокие темпы роста данной категории населения; отметила, что служащие в годы нэпа оказались самой многочисленной группой самостоятельного городского населения².

Что касается Новониколаевска-Новосибирска, как, впрочем, и Сибири в целом, то история служащих в годы нэпа оказалась на периферии исторических иссле-

Аннотация. В статье анализируется положение служащих Новониколаевска-Новосибирска в годы новой экономической политики. Отмечается неизученность данной темы в отечественной историографии. Анализируются изменения материального положения служащих, причины безработицы, эффективность их деятельности, отношение служащих к Советской власти и коммунистической партии, злоупотребления в среде служащих. Автор приходит к выводу, что несмотря на противоречивые тенденции нэпа положение служащих улучшалось, но к концу новой экономической политики они так и не стали твёрдой опорой правящего режима.

Ключевые слова: Новониколаевск, Новосибирск, новая экономическая политика, нэп, служащие, безработица, материальное положение, злоупотребления.

Abstract: The article analyzes the situation of employees of Novonikolaevsk-Novosibirsk in the years of the new economic policy. It is noted that this topic in Russian historiography is unexplored. The changes in the financial situation of employees, the causes of unemployment, the effectiveness of their activities, the attitude of employees to the Soviet government and the Communist Party, abuses among employees are analyzed. The author comes to the conclusion that despite the contradictory tendencies of the NEP, the situation of employees improved, but by the end of the new economic policy they had not become a firm support of the ruling regime.

Keywords: Novonikolaevsk, Novosibirsk, new economic policy, NEP, employees, unemployment, financial situation, abuse.

дований. В данной статье предпринимается попытка заполнить этот историографический пробел на примере «столицы Сибири».

* * *

Положение служащих в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» в Сибири было весьма тяжёлым: безработица, нищенское существование, отношение к

ним со стороны большевиков как к «буржуазной прослойке», неустойчивость в период власти эсеров и белых. Особенно безрадостным положение служащих оказалось в начале 1920-х гг., когда их мобилизовывали и насильно удерживали в штатах учреждений. К тому же командовали служащими разного рода комиссары, порой необразованные, но имевшие «военную закалку» и соответствующие навыки работы с подчинёнными.

Первые годы нэпа ситуация с материальным обеспечением служащих также была непростой: средств на их содержание катастрофически не хватало. К тому же стремительная инфляция советских денежных знаков приводила к тому, что даже скудной зарплаты не хватало для обеспечения ежедневных потребностей. Раздражало служащих и то, что в разных учреждениях жалование было разным, но переход из учреждения в учреждение был весьма затруднён.

Ситуация постепенно стала меняться с началом новой экономической политики. Для того, чтобы проследить как менялось положение служащих в «столице Сибири», целесообразно рассмотреть следующие проблемы: условия труда, материальное обеспечение служащих, безработица, эффективность работы служащих.

* * *

Условия труда для служащих, особенно в первые годы нэпа, были непростыми. Переезд учреждений из Омска в Новониколаевск при отсутствии необходимых помещений приводил к тому, что учреждения вместе со служащими вынуждены были ютиться в неподготовленных помещениях. Вот характерная картина того времени. 26 августа 1922 г. замзавсизземотделом И.В. Сурнов пожаловался в президиум Сибревкома, что с 15 сентября 1921 г. Сибземотдел вынужден переселяться в Новониколаевске уже в третий раз. Первое переселение было связано с переводом центра Сибири из Омска в Новониколаевск. В течение трёх месяцев отдел искал помещение,

Таблица 1 – Заработная плата рабочих

	рабочие		служащие	
	минимум	максимум	минимум	максимум
октябрь	34 руб. 20 коп.	124 руб. 55 коп.	34 руб. 20 коп.	275 руб.
ноябрь	24 руб. 80 коп.	566 руб. 50 коп.	113 руб.	479 руб. 60 коп.
декабрь	88 руб.	665 руб. 41 коп.	83 руб.	479 руб. 60 коп.

потом всё же нашёл помещение бывшего штаба ЧОН, которое пришлось отремонтировать, поскольку в нём не было ни отопления, ни стёкол, ни уборных, а стены вообще были покрыты копотью. Но после ремонта помещение вдруг передали сибирскому отделению Госбанка. В феврале 1922 г. отдел был переброшен в бывший Морозовский корпус на углу Кузнецкой и Советской. В этом здании пришлось ремонтировать отопление, заменять перегородки. Но и это помещение пришлось отдать Нарсвязи и переселиться в очередной раз. Третье по счёту помещение оказалось как и прежде в безобразном состоянии, а ремонтировать его вновь должен был Сибземотдел при отсутствии необходимых средств. Понятно, что в этих условиях нормальная работа для служащих оказалась невозможной даже с учётом трудностей послевоенного времени³.

Однако постепенно жизнь налаживалась, учреждения удавалось разместить в более-менее приемлемых условиях и жалоб на ужасные условия работы более не встречалось.

Материальное обеспечение служащих в городе первоначально было далёким даже от прожиточного минимума. Служащие, особенно низшие, жаловались на отсутствие тёплой одежды или обуви и невозможность в связи с этим выходить на работу. Жалование служащих различалось от учреждения к учреждению, и бывали случаи, когда в более богатых учреждениях жалование на низших должностях оказывалось выше, чем жалование квалифицированных специалистов в учреждениях победнее. Так, в губземуправлении

заведующий подотделом животноводства в декабре 1922 г. получал 14 тыс. руб. сознаками, в то время как в других управлениях даже курьерам выплачивали 20 тыс. руб. В итоге служащим губземуправления приходилось продавать вещи на местной барахолке, чтобы хотя бы минимально обеспечить себя и свою семью⁴.

Казалось бы, что проблему можно решить, перейдя в более «зажиточное» учреждение. Однако существовали многочисленные ограничения на такой переход. Так, в информационной сводке Новониколаевского губотдела ГПУ за 29 июля – 5 августа 1922 г. отмечалось: «Управление СибРКИ на заявление одного из служащих об уходе заявило: “Уходить можете, но мы примем все меры к тому, чтобы вы не могли поступить в другое учреждение”. То же самое происходит в губздраве, администрация губздрава, служащие которого жалуются на плохое материальное положение, заявляет: “Не нравится служба, можете уволиться”. Служащие милиции находят не в лучших условиях <...> среди милиционеров города наблюдается дезертирство»⁵.

Тем не менее, заработная плата в первые годы нэпа в Новониколаевске была для служащих сопоставима с заработной платой рабочих. Так, в промкомбинате при Новониколаевском губсовнархозе в 1922 г. ситуация выглядела следующим образом⁶ (Таблица 1).

Однако к середине 1920-х гг. ситуация стала меняться для служащих в лучшую сторону. Уже в 1923 г. служащие уездного отдела народного образования получали от 10 до 13 тыс. руб. сознаками, в то время

1 Лихолет О.В. Материальное положение ИТР и служащих на государственных предприятиях Нижнего Поволжья в 1920-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 1 (18). С. 63–68.

2 Каюмова Л.К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.

3 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-13, оп. 1, д. 47, л. 237–239.

4 Там же. Д. 1376, л. 20.

5 Информационная сводка Новониколаевского губотдела ГПУ за 29 июля – 5 августа 1922 г. // Там же. Ф. Р-13, оп. 1, д. 483, л. 38.

6 Отчёт Новониколаевского промышленного комбината за октябрь – декабрь 1922 г. // Там же. Ф. Р-1120, оп. 1, д. 595, л. 16.

как школьный персонал получал от 800 до 1 тыс. руб., то есть в 10 – 15 раз меньше⁷. В 1925 г. в Закаменском районе Новониколаевска средний заработок рабочего на предприятиях составлял 38 руб., а в советских учреждениях – и того меньше: около 30 руб. В то же время средний заработок служащего на предприятиях был в полтора раза выше – 56 руб., примерно столько же служащие получали в учреждениях – 55 руб. Для сравнения, наиболее высокой заработной платой были обеспечены рабочие типографии Сибкрайсоюза – 60 руб., Совсиббюро – 50 руб., завод «Труд» – 45 руб. и госстрой – 47 руб., а наименьшую заработную плату получали милиционеры – 22 руб., рабочие Алтдепо – 25 руб. и винзавода – 30 руб. Однако необходимо учитывать то, что из-за роста цен на предметы первой необходимости при номинально неизменной заработной плате положение как рабочих, так и служащих ухудшалось⁸.

Разрыв между зарплатой рабочего и жалованием служащего сохранялся и в последующие годы. В Вокзальном районе Новосибирска в начале 1926 г. чернорабочие получали 36 руб., зарплата квалифицированных рабочих колебалась от 26 до 102 руб., составляя в среднем 66 руб., зарплата служащих – от 31 до 160 руб., правда, средняя зарплата служащих была ниже средней зарплаты квалифицированных рабочих, и составляла 51 руб.⁹.

Заработная плата росла и в последующие годы, что в итоге приводило к тому, что оплата на содержание управленческого аппарата иногда превышала оплату труда рабочих на отдельных предприятиях. Так, в пищевой промышленности Новосибирского округа затраты на содержание счётного аппарата в 1927 г. превышали затраты на содержание рабочих¹⁰.

В итоге к концу нэпа положение служащих в городе стало не только вполне сносным, но и оказалось лучше, чем положение рабочих.

Безработица, которая была би-

чом для рабочих весь период нэпа, не обошла стороной и служащих. Проблема возникла ещё в годы революций и Гражданской войны, когда огромные потоки беженцев переселялись из центральной части страны на восток. Среди переселенцев было очень много служащих, которые менее, чем рабочие могли примириться с Советской властью и потому пытались уехать из центральной части страны на территории, не подконтрольные большевикам¹¹.

В связи с переездом сибучреждений из Омска в Новониколаевск проблема безработицы среди служащих была временно снята, но уже в 1923 г. после того, как началось сокращение штатов учреждений и свёртывание некоторых из них, а также в связи с наплывом желающих получить место службы в «столице Сибири», безработица среди служащих вновь стала характерным явлением. Так, в январе 1924 г. из 6 тыс. безработных, зарегистрированных на бирже труда, 2 тыс. (то есть треть) составляли советские служащие¹². В январе 1925 г. из 4,5 тыс. безработных пятая часть – 928 человек – относились к совслужащим.

Поскольку большинство служащих в годы нэпа были служащими¹³ ещё в царское время, когда они пользовались большими льготами и имели более высокий социальный статус, а также изменившееся отношение к служащим в советское время, когда на первое место стали выдвигать рабочих, то становится понятным их отношение к Советской власти в годы нэпа. Так, в отчёте о работе Вокзального райкома РКП(б) за 29 мая – 10 сентября 1922 г. отмечалось: «Отношение совслужащих к партии неудовлетворительное, на партию смотрят с затаённой злобой и как на засилье. Такое отношение к партии ярко видно в последнем, где большинство служащих – интеллигенция буржуазного помёта и бывшие колчаковские беженцы с Поволжья и Приуралья. Среди них есть крупные работни-

ки социалисты-революционеры и меньшевики»¹⁴.

Следует отметить, что, действительно, в Новониколаевске в советских учреждениях оказалось очень много эсеров и меньшевиков и тех, кто служил в эсеровских правительствах и колчаковских министерствах. Наиболее яркий пример такого рода – главнокомандующий войск Уфимской Директории генерал В.Г. Болдырев, служивший в Сибплане и одно время возглавлявший конъюнктурное бюро.

В сводке Новониколаевского губотдела ГПУ за 1 – 15 января 1925 г. сообщается: «Настроение бывших совслужащих, уволенных по чистке соваппарата, открыто враждебное. Они заявляют: “Когда же настанет всему конец, неужели Европа не обратит на это внимания, которой несомненно всё известно, ибо нет ни с одной стороны признания. Хотя коммунисты ещё мечтают о займах, да какой же дурак будет восстанавливать своего врага, никогда не поверим, наоборот Англия готовит для Советской власти экономическую разруху, от которой ей не избежать”»¹⁵.

По мере того, как нэп приближался к завершению, а репрессии в отношении некоторых категорий населения (священников, бывших царских служащих и т.п.) начинали разворачиваться, сводки фиксируют ухудшение отношения служащих к власти. Так, в отчёте Закаменского райкома за 1 июня – 1 декабря 1928 г. отмечалось: «В связи с Шахтинским процессом среди отдельных групп служащих (особенно специалистов) были разговоры о том, что “сначала шахтинцев осудят, а потом и за нас возьмутся”. Нервное настроение имело место у служащих Крайсельбанка в связи с финансовым разрывом. В ряде учреждений (Сибсельсклад, Крайсельбанк, Союз союзов, Обсоюз и др.) имело недовольство служащих в связи с окоммунизацией аппарата, когда беспартийные специалисты старались доказать, что выдвинутые ничего не пони-

мают и не хотели их учить»¹⁶.

Не всегда недовольство выливалось наружу, однако сводки фиксировали также и скрытое недовольство служащих. Так, в только что процитированном отчёте сообщалось: «Большая часть служащих, как в учреждениях, так и предприятиях, отнеслись к займу индустриализации, как к чему-то неизбежному и подписывались на заём из-за боязни потерять своё служебное положение быть уволенным “за несочувствие проводимым мероприятиям Советской власти”, а потому на всех собраниях, посвящённых вопросу займа, открытых выступлений против почти не наблюдалось, между тем, в частных беседах между собой, значительная часть служащих высказывала недовольство, считая заём вынужденной мерой к укреплению якобы пошатнувшейся экономики СССР»¹⁷.

Состав служащих в годы новой экономической политики в Новониколаевске-Новосибирске оказался довольно пёстрым. Об этом можно судить, например, по характеристикам на ответственных работников Новониколаевского губсовнархоза (членов ВКП(б)), составленных в январе 1924 г. Воспроизведём их.

Назаров состоял в должности предгубсовнархоза в 1920 г., по социальному происхождению рабочий металлист, по склонностям – бюрократ, карьерист, по природе человек неглубокий и чрезвычайно ленивый, большой интриган, как работник – был без инициативы и административных способностей, слабохарактерным и поэтому легко поддавшийся под влиянием иногда недобрых работников. Мог работать в условиях регламентации, когда каждый шаг определялся приказом. При изменении же курса экономической политики, когда потребовалась собственная инициатива, оказался весьма слабым работником.

Шварц – член президиума губсовнархоза в 1920 г. Недалёкий человек с психологией полунинтеллигента; карьерист, с склонностями бюрократа; большой любитель представлять, делом интересовался очень поверхностно и как работник был слаб.

Швабрин – член президиума губсовнархоза в 1920 г., по социальному положению рабочий, весьма способный от природы человек с большой инициативой и административными способностями; быстро усваивал суть дела и ориентировался в разных вопросах, к которым проявлял живой интерес; был всесторонне начитан. Всё это вместе взятое даёт основание видеть в Швабрине хорошего работника в будущем.

Семенюк – член президиума губсовнархоза в 1920 г., интеллигент, с офицерским званием. Бюрократ до мозга костей. Опыта в области хозяйственной и производственной работы не имел и относился к делу по военному, зная его крайне поверхностно. Резко проявлял склонности к шкурничеству, как человек был пустой и бессодержательный, занятый всецело своей внешностью, имел и другие недостатки.

Слугин – председатель губсовнархоза в период 1921 г., студент 4 курса, с психологией твёрдой-рабочей, с непосредственно целевой открытой душой, искроу-чисто-честный, происходивший из бедной крестьянской семьи Сара-товской губернии; обладал большими способностями и быстро ориентировался во всех вопросах <...> Был весьма работоспособным. Единственный недостаток, которым страдал Слугин, было влечение к алкоголю, наследственное или под влиянием среды, в которой вращался Слугин, но, по-видимому, причиной являлось последнее, так как по имеющимся сведениям Слугин ныне совершенно не пьёт.

Звездов – председатель губсовнархоза в 1921 г., рабочий с военной инициативой, как хозяйственник был слаб, не обладал необходимым опытом. Во всей его деятельности отражалась прежняя военная жилка, любил быстроту в работе, но будучи поспешным, поступал иногда необдуманно, впадая в ошибки. Был хорошим администратором, относившимся к работе серьёзно, к другим был требовательным, но справедливым. Имел слабость к вину.

Федотов – председатель губсовнархоза в 1921 г., полунинтеллигент с бюрократическими склонностями,

ограниченный и односторонний человек, с большим самомнением, интриган. В хозяйственных вопросах разбирался плохо и поверхностно. Следил преимущественно за внешней стороной дела, любил облекать все свои распоряжения в форму приказов, с которых и начал свою деятельность, проявляя этим большие претензии на администратора, но как таковой оказался весьма слаб.

Хлебников – председатель губсовнархоза с сентября 1922 г. Рабочий-металлист из бедной крестьянской семьи, с образованием ремесленного училища. С большими способностями и задатками крупного работника-администратора. Быстро и легко ориентируется во всех хозяйственно-экономических вопросах. К делу относится серьёзно, требовательный, имеет железную силу воли и необыкновенно настойчив. Умеет подбирать сотрудников и влиять на них, умело отмечая достойных¹⁸.

Как видим, даже рабочее происхождение не было гарантией того, что служащий будет добросовестно относиться к своим обязанностям и не будет иметь вредных привычек. Что уж говорить о тех, кто вышел не из рабоче-крестьянской среды и при царской власти вкусил все прелести жизни служащего!

Если обратиться к проблеме эффективности работы служащих в городе, то следует указать на наличие того негативного явления, которое всегда было присуще этой категории населения. Речь идёт о различного рода злоупотреблениях.

В октябре 1922 г. ревизия в финансово-хозяйственном отделе Ново-ни-ко-лаев-ского губздрави выявила крупные злоупотребления: казённые суммы раздавались разным служащим под предлогом похорон, лечения, займы и даже для разъездов по личным делам. Громадная по тем временам сумма в 9 млрд 300 млн руб. была затрачена на приобретение 11 легковых выездов и 1 легкового автомобиля для личных разъездов высокопоставленных чиновников губздрави, в то время как транспорт для перевозки больных находился в катастрофическом положении, а жалование служащим и эпидемиче-

7 Там же. Ф. Р-793, оп. 1, д. 15, л. 37.

8 Отчёт Закаменского райкома ВКП(б) за апрель – июнь 1925 г. // Там же. Ф. П-76, оп. 1, д. 117, л. 28, 29.

9 Отчёт секретаря Вокзального райкома ВКП(б) Новосибирска Баранкина на 1 районной конференции Вокзального райкома ВКП(б) // Там же. Ф. П-36, оп. 1, д. 517, л. 3.

10 Обзор Новосибирского окрестного ОГПУ о политико-экономическом состоянии округа за 10 – 25 декабря 1927 г. // Там же. Ф. Р-1228, оп. 3, д. 9, л. 1.

11 См.: Кокулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 186–193.

12 Советская Сибирь (Новониколаевск). 1924. 8 февр.

13 Там же. 1925. 14 янв.

14 ГАНО. Ф. П-36, оп. 1, д. 178а, л. 135.

15 Там же. Ф. П-13, оп. 1, д. 1027, л. 10.

16 Там же. Ф. П-76, оп. 1, д. 254, л. 36.

17 Там же. Л. 36, 37.

18 Там же. Ф. Р-793, оп. 1, д. 33, л. 10.

скому персоналу не платилось по 4 месяца. С про-дуктами для диетпитания больных детей также обращались весьма вольно, раздавая их нужным людям. Например, из 48 пудов какао детям досталось только 8 пудов 22 фунта, а из 81 пуда сахара — 24 пуда¹⁹.

На складе коммунального отдела в декабре 1922 г. была выявлена недостача талонных книг на сумму около 60 тыс. руб.²⁰.

В 1923 г. заведующий уездным отделом народного образования Алфёров распределял продукты и мануфактуру, предназначенные для детей в детдомах, среди сотрудников управленческого аппарата по спискам, записывая себя во главе каждого списка. Ответственные работники других учреждений пользовались за счёт учреждения квартирами, дровами, освещением бесплатно. Так, в губфинотделе за лето было израсходовано 9,5 кубических сажень дров, хотя помещения не отапливались. Понятно, что их просто раздали сотрудникам отдела, в то время как этого количества дров могло бы хватить на весь зимний период для отопления отдела. За счёт учреждений производился ремонт квартир. Некоторые учреждения содержали рысаков, причём не для разъездов по служебным (или, хотя бы, по личным надобностям), а для бегов на ипподроме. При этом ещё содержали и наездников и фураж также за счёт учреждения²¹.

В 1924 г. в «Советской Сибири» стали публиковаться заметки, раскрывающие некоторые схемы злоупотреблений служащих. Покажем два наиболее характерных случая.

«В мае 1923 г. Сибпромбюро заключило договор с неким Воробьёвым на заготовку каменного кирпича для

Яшкинского цементного завода. Воробьёв, взяв эту работу и получив вдобавок ещё аванс, постарался найти себе малоопытных каменотёсов, которые и работают по 10 коп. за кирпич. Сам же Воробьёв получает под договором с Сибпромбюро по 50 коп. за кирпич. Вот какую прибыль получает Воробьёв от каждого кирпича. Сибпромбюро, заключив такой договор с Воробьёвым, сделало крупную ошибку и вот почему: на бирже труда имеется группа безработных рабочих-каменотёсов. Эта группа старых и опытных каменотёсов общим коллективом с успехом могла бы взять на себя работы по изготовке кирпичей для Яшкинского завода до 30 коп. за штуку, с доставкой его до станции Кривошёрково и арендой карьера у уземтдела. Сопоставляя цены, которые платит Сибпромбюро Воробьёву и которые бы оно платило коллективу каменотёсов, получается разница в 20 коп. за кирпич. Предположив, что Сибпромбюро потребует этого кирпича от 3 до 5 тыс., получится разница в 600—1 000 руб., которые Сибпромбюро положит задаром в карман Воробьёву. Кроме того, указанная цифра излишнего расхода ложится бременем на изделия Яшкинского цементного завода»²².

«Ненормальное творится в службе сторожей винсклада № 6. Например, сторожа, отстояв свою смену, посылаются на другую работу. Отказываться нельзя, а то расчёт. Для того, чтобы спастись от второй работы, выдумали такую штуку: как сменяется с дежурства — приходят домой, так сейчас же лезут на полаты, чтобы администрация их не нашла, а домашним наказывают.

если меня будут спрашивать, скажите, что ушёл на базар. За выполняемую помимо своих обязанностей работу сторожам не платят, говорят, что всё это идёт в пользу государства. Защитить рабочих винсклада некому. В местком сидят «свои люди», а такому месткому, действительно, трудно отстаивать права рабочего»²³.

В 1926 г. на III партийной конференции Вокзального района ВКП(б) была озвучена история о том, как жена одного ответственного работника, проведя лето на даче, приехала обратно в квартиру, в которой за лето сделали ремонт. И её вдруг не понравилось, что «печь стоит не на месте». Она заставила её разобрать, переставить и вновь выкрасить пол. Эта прихоть обошлась учреждению в 300 руб.²⁴.

К числу злоупотреблений следует отнести также устройство банкетов за счёт учреждения. О некоторых подобных случаях рассказывали выступавшие на партийных конференциях²⁵.

В качестве средства «лечения» злоупотреблений применялось такое специфическое средство, которое называлось «чистка». Однако место «вычищенных» служащих занимали такие же, как и были.

Таким образом, хотя благосостояние служащих в годы нэпа непрерывно росло, эффективность их работы оставалась чрезвычайно низкой, а разного рода злоупотребления ответственных работников попросту разлагали государственный аппарат и подрывали доверие населения к Советской власти и коммунистической партии в целом. Служащие так и не смогли до окончания нэпа стать надёжной опорой правящего режима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Каюмова Л.К. Служащие в структуре городского населения ТАССР в 1920-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
2. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибирь в военно-революционные годы (июль 1914 — март 1921 г.). Новосибирск, 2013.
3. Лихолет О.В. Материальное положение ИТР и служащих на государственных предприятиях Нижнего Поволжья в 1920-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 1 (18). С. 63—68.

REFERENCES

1. Kayumova L.K. Sluzhashchie v strukture gorodskogo naseleniya TASSR v 1920-e gody: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 2008.
2. Kokoulin V.G. Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibir' v voenno-revolucionnyye gody (iyulya 1914 — mart 1921 g.). Novosibirsk, 2013.
3. Liholet O.V. Material'noe polozhenie ITR i sluzhashchih na gosudarstvennyh predpriyatiyah Nizhnego Povolzh'ya v 1920-e gg. // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2009. № 1 (18). S. 63—68.

ЭНТУЗИАСТ ВОДОМЕТНОГО СУДОСТРОЕНИЯ.
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИНЖЕНЕРА-КОНСТРУКТОРА М.Д. ХРЕННИКОВА

AN ENTHUSIAST OF WATER-JET SHIPBUILDING. TO THE 120TH ANNIVERSARY OF THE ENGINEER-CONSTRUCTOR M. D. KHRENNIKOV

Светлана Васильевна Кухта – ведущий архивист КГКУ «Государственный архив Красноярского края»
e-mail: svetla-90@mail.ru
РФ, 660021, г. Красноярск, ул. Робеспьера, 4.

Svetlana V. Kukhta – lead archivist, Krasnoyarsk regional state archive,
e-mail: svetla-90@mail.ru Krasnoyarsk regional state archive,
Robespera str., 4, Krasnoyarsk, 660021, Russia

В начале 2019 г. была ликвидирована Красноярская судовой верфь (АО «Енисей-Реновация») — одно из старейших промышленных предприятий Красноярска, построенное за 90 лет своего существования несколько тысяч речных судов различного назначения. Значимым этапом в истории предприятия стали 1950-1960-е гг. — период бурного развития водометного судостроения, неразрывно связанный с именем его основоположника — талантливого инженера Михаила Дмитриевича Хренникова.

Будущий судостроитель родился 12 декабря 1902 г. в Орле. Его отец был представителем известного купеческо-мещанского рода Хренниковых из г. Ельца, служил в армии, в 1906 г. ушел в отставку в чине поручика, работал в Орловском губернском присутствии заведующим пенсионным отделом, после революции — в разных учреждениях Орла. Мать была дочерью орловского купца Подшивалова. В семье, кроме Михаила, воспитывались две его сестры.

В 1918 г. Михаил окончил шесть классов Орловской гимназии, после чего начал свою трудовую деятельность учеником слесаря. В 1922 г. поступил в Орловский механический техникум, но в связи с тяжелым материальным положением семьи учебу оставил и устроился техником на чугунолитейный завод в Орле. В 1924 г. некоторое время был научно-техническим сотрудником Урало-Сибирского коммунистического университета в

Инженер-конструктор Михаил Дмитриевич Хренников (1902-1956). КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336. Оп.5. Д.2. Л.40

Свердловске.

В августе 1925 г. М.Д. Хренников переехал в Красноярск, где занимал должности заместителя главного механика обувной фабрики «Спартак», конструктора и технического руководителя механического завода. В 1931 г. поступил в Красноярский лесотехнический институт, получил право сдачи зачетов без посещения лекций, но в связи с загруженностью на производстве сдать зачеты так и не смог. С апреля 1933 г. по июль 1934 г. работал начальником технического отдела и техническим директором Красноярской судовой верфи, с июля 1934 г. по май 1938 г. — начальником конструкторского бюро завода «Красмаш», где делал свои первые шаги в судостроении¹.

В середине 1938 г. Михаил

Аннотация. В статье на основе документов Государственного архива Красноярского края восстановлена биография и анализируется профессиональная деятельность талантливого изобретателя Михаила Дмитриевича Хренникова, оценивается его вклад в развитие отечественного судостроения. М. Д. Хренников — инженер треста «Енисейзолото» и Красноярской судовой верфи, который первым в стране разработал проект металлического цельносварного катера с водометным двигателем. По замыслу конструктора, такие суда предназначались для эксплуатации в условиях малых и мелководных водоемов, что было особенно актуально для транспортного освоения отдаленных районов Красноярского края. Первый серийный катер Хренникова сошел со ступеней верфи в 1950 г. Опираясь на опыт первых водометных судов, спроектированных силами красноярских специалистов, на верфях страны стали строиться водометные теплоходы различных типов для работы на малых реках СССР.

Ключевые слова: судоходство, судостроение, речной транспорт, водомет, водометный двигатель, реактивная тяга, водометный катер, Красноярская судовой верфь, Красноярск, река Енисей, малые реки.

Abstract. The article is based on the archival documents of the Krasnoyarsk regional state archive and describes the biography and the professional activity of the talented inventor Mikhail Dmitrievich Khrennikov, evaluates his contribution to the development of the soviet shipbuilding. M. D. Khrennikov was an engineer of the Yeniseizoloto Trust and the Krasnoyarsk shipyard, who was the first in the country to develop a project of an all-welded metal boat with a water-jet propulsion. According to the inventor's plan, such vessels were intended for operation in conditions of small and shallow reservoirs, which was especially important for the transport development of remote areas of the Krasnoyarsk Territory. The first serial Khrennikov boat was lowered from the shipyard's slipways in 1950. Based on the experience of the first water-jet vessels designed and built by Krasnoyarsk specialists, water-jet ships were widely designed and used on shallow rivers of the USSR.

Keywords: shipping, shipbuilding, river transport, water-jet propulsion, pump-jet propulsion, water-jet boat, speedboat, Krasnoyarsk shipyard, Krasnoyarsk, Yenisei river, small rivers.

Дмитриевич принял предложение занять пост начальника проектного бюро треста «Енисейзолото», руководство которого возложило на конструктора-самоучку амбициозную задачу — повысить транспортную доступность отдаленных районов Красноярского края. Дело в том, что в эти годы трест начал строить прииски и поселки в глухой тайге, куда проехать было затруднительно из-за отсутствия дорог и мелководности северных рек. Привезенное на пароходах продовольствие и оборудование грузили на лодки-илимки, к бечеве подпрягали лошадей и тащили вверх по рекам Вельмо, Тея и Пит в течение многих дней. В тресте решили, что нужно построить катера, которые могли бы водить илимки вместо лошадей, при этом использовались бы не только в период «большой воды» весной, но и в другие времена года.

Вскоре Михаил Дмитриевич поделился своими соображениями по этому поводу с начальником треста. В тот момент он был увлечен идеей реактивного движения К. Э. Циолковского, прочитал всю доступную в красноярских библиотеках литературу по этой теме. Хренников решил, что лучшим решением стало бы судно без обычных винта и руля, эти самые уязвимые места должен был заменить пропеллерный насос, заключенный в трубу. Сила, движущая судно, создавалась бы выталкиваемой из него струей воды (реактивной тягой). Начальнику треста такая идея понравилась, однако большинство специалистов считали,

Главный конструктор водометных судов М.Д. Хренников (справа) и ведущий конструктор по водометному судостроению Г.А. Потылицын за разработкой нового типа водометного катера, 1951 г. КГКУ «ГАКК». Ф.П-7835. Оп.8. Д.126. Л.16

что третий тип (помимо винтовых и колесных) судов уже невозможно изобрести, и эта идея — не более чем плод фантазии инженера. Реки нужно было осваивать прямо сейчас, не тратя время на «прожектерство», к тому же невероятной казалась сама возможность успеха такого новаторского изобретения в далеком от научных центров Красноярске².

Однако летом 1940 г. на р. Каче в Красноярске появилась моторная лодка с насосом вместо гребного винта, которая очень медленно двигалась по мелководью, управляемая М. Д. Хренниковым. Несмотря на слабую тягу, первый образец не разочаровал конструктора. Он твердо решил продолжать творческий поиск и ответить на ключевые вопросы: как увеличить тяговые усилия? как

получить водяную струю? где лучше выбрасывать струю — над водой или под водой? какими должны быть корпус и руль?

С началом Великой Отечественной войны трест вместе с сотрудниками переехал в г. Енисейск, где М. Д. Хренников возобновил исследования. Ночами он работал в своей «домашней лаборатории», создавая на ручном токарном станке, установленном в кухне, детали миниатюрного водомета. В углу под потолком конструктор прикрепил бак с водой, там же делал чертежи. Зимой 1942 г. по собственной просьбе был командирован трестом «Енисейзолото» на Северо-Енисейские прииски для строительства и освоения мелкоосидящего катера. Базой для создания нового образца стал Елизаветинский прииск, где работали механические мастерские и Хренникову смогли выделить двух слесарей. Спуск катера на воду из-за отсутствия необходимых материалов затянулся, постройку осложнила также нехватка бензина, заставившая изобретателей установить газогенератор. В августе 1942 г. второе опытное деревянное судно М. Д. Хренникова было спущено на воду р. Енашимо и прошло с двумя илимками на Тею. Катер успешно преодолевал мелководье, однако технической комиссией был раскритикован за слишком малую тягу³. Кроме того, образец был неуклюжим внешне, вызывал много

Главный конструктор водометных судов М.Д. Хренников (справа) и ведущий конструктор по водометному судостроению Г.А. Потылицын за разработкой нового типа водометного катера, 1951 г. КГКУ «ГАКК». Ф.П-7835. Оп.8. Д.126. Л.16

2 КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336. Оп.1. Д.397. Л.1-3.
3 КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336. Оп.1. Д.397. Л.5-12.

насмешек и получил прозвище «крокодил»: «На солнечном берегу Тея / Земноводный лежал крокодил — / Плод сумасбродной идеи / И небо, и землю коптил»⁴. Плавание по таежным рекам показало слабые места изобретения, и М. Д. Хренников начал заново делать расчеты, создавая конструкцию более мощного насоса.

С окончанием войны начались интенсивные работы по транспортному освоению малых рек страны, для чего требовалось серьезное пополнение плавсредств. С этой целью при Совете Министров РСФСР было создано Главное управление по транспортному освоению малых рек, в ведение которого была передана Красноярская судовой верфь⁵. Михаил Дмитриевич стал ее главным инженером с сохранением должности постоянного консультанта проектного бюро треста «Енисейзолото». На верфи у него появились соратники и друзья — начальник механического цеха Г. А. Потылицын и мастер монтажных работ В. И. Витковский. Г. А. Потылицын отвечал за все механическое оборудование, а В. И. Витковский руководил монтажом и хорошо понимал, каким судно будет в плавании, что очень помогало Хренникову в поиске конструктивных решений. В результате, очередной образец катера с водометным движителем вскоре сошел со стапелей затона

Буксирный катер МВКХ-5 с водометным движителем мощностью 90 л.с., освоен серийным производством в 1952 г., построено 212 единиц. КГКУ «ГАКК». Ф.П-7835. Оп.8. Д.126. Л.18

в с. Кононово под Красноярском, в отличие от предыдущих он был без руля — особое приспособление изменяло направление струи. Это же приспособление заставляло воду бить в обратном направлении, и тогда катер начинал пятиться кормой. Однако рулевое устройство было еще несовершенно и требовало дальнейшей доработки.

В 1946 г. М. Д. Хренников вновь был принят в лесотехнический институт на экстернат. В качестве дипломной работы в 1948 г. инженер представил проект катера усовершенствованного образца, за который получил диплом с отличием и одобрение коллег. Важную роль в дальнейшей разработке водомета сыграло и то, что осенью 1947 г. директором верфи стал Василий Никитич Козьмин — энергичный

организатор, ставший на всю жизнь энтузиастом водометного судостроения. В. Н. Козьмин предугадал большое будущее этого типа судов и оказывал всемерную поддержку его создателям.

Весной 1949 г. опытный катер прошел по р. Енисей и отправился в первый рейс по р. Чуне до д. Чуняева под руководством М. Д. Хренникова. На одном из порогов катер затонул, но после откачки воды экспедиция продолжила маршрут. Главным выводом, который сделал конструктор, была необходимость замены деревянного неустойчивого корпуса на металлический обтекаемый. Но на верфи не было сварщиков, металла и специального цеха для строительства подобного рода изделий. После командировки в Главречтранс Михаилу Дмитриевичу

Инициаторы водометного судостроения в период испытания нового буксира типа УМВК-1аХ, освоенного серийным строительством в 1954 г., построено 67 единиц. КГКУ «ГАКК». Ф.П-7835. Оп.8. Д.126. Л.19

4 КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336. Оп.5. Д.2. Л.37.
5 КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336. Оп.5. Д.2. Л.31.

удалось получить разрешение на строительство пробных металлических катеров, и вскоре он возглавил новый цех металлического судостроения. Кабинет у конструктора на верфи был скромный и включал в себя только чертежную доску, стол и кушетку, где можно было заночевать.

В 1950 г. из цехов верфи вышли три водометных судна с металлическим цельносварным корпусом МБКХ-4 (мелкосидящий буксирный катер Хренникова — четвертая модель). На испытаниях катер заходил в мелководную Ладейскую протоку на р. Енисей, кроме того, опасности для него не представлял ни распространённый в тот период молевой сплав леса, ни рыболовные сети. Один из первых катеров отправили в Ачинск на р. Чулым, второй — на р. Чуну, а третий — в Забайкалье⁶.

Через два года был спроектирован, построен и принят комиссией МБКХ-5 — улучшенная модель предыдущего катера. Он был утверждён для серийного выпуска с двигателем КДМ-46 мощностью 80-90 л. с.⁷ Речники всей страны делились мнением о новых судах, направляли на верфь замечания и рационализаторские предложения по исправлению тех или иных недостатков.

Вскоре Михаил Дмитриевич принял предложение перейти на работу в Каширскую судостроительную верфь, которая также решила строить водометы. Осенью 1952 г. М. Д. Хренников представил МБКХ-5 учёным и руководителям речного флота страны на Москве-реке возле Успенского моста и получил

МБКХ-5 на постаменте у входа на Красноярскую судостроительную верфь, 2003 г. КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336.Оп.6.Д.16

множество хвалебных отзывов на свое изобретение. На Красноярскую судостроительную верфь пришла телеграмма за подписью начальника Главречтранса при Совете Министров РСФСР: «Поздравляю коллектив с успешным проведением испытаний катера с водометным движителем у стен Кремля в столице нашей Родины Москве»⁸. В этом же году инженер был награждён знаком «Отличник Главречтранса»⁹.

Умер Михаил Дмитриевич Хренников в 1956 г.¹⁰ Он прожил небольшую, но интересную жизнь, полную научных поисков, постоянного самообразования, напряжённого творческого труда.

После успеха первой серии судов у руководителей верфи возникла идея строительства новых разновидностей водометов — меньшей мощности, с газогенераторным двигателем, пассажирских, барж и т. п. МБКХ послужил основой для создания в последующие годы целой плеяды мелкосидящих водометных судов. Претерпевая модернизацию и унификацию, судно

совершенствовалось: снижалась его осадка на воде, повышались тяговые усилия, увеличивалась скорость. Так была разработана новая конструкция мелкосидящего водометного судна — УМВК-1дХ — с улучшенными технико-эксплуатационными характеристиками¹¹.

В последующие тридцать лет со стапелей верфи сошли 1446 единиц водометных судов различного назначения. В 1959 г. спущен на воду первый водометный пассажирский теплоход, в 1961 г. — водометный плавмагистраль, в 1966 г. — водометный нефтеналивной танкер¹². Водометное судостроение на верфях страны в 1960-е гг. достигло небывалых размеров¹³.

24 августа 1979 г. катер МБКХ-5 был установлен на пьедестале у входа на Красноярскую судостроительную верфь¹⁴.

Можно сказать, что водомет Хренникова открыл новую эпоху в развитии судостроения в нашей стране, произведя своего рода революцию в речном транспорте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф. П-17.Оп.2.Д.2418.	4. КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336.Оп.5.Д.1.
2. КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336.Оп.1.Д.8.	5. КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336.Оп.5.Д.2.
3. КГКУ «ГАКК». Ф.Р-336.Оп.1.Д.397.	6. Газета «Красноярский рабочий», 3 июля 1964 г.

REFERENCES

1. Krasnoyarsk regional state archive (KGKU «GAKK»). F. P-17.Op.2.D.2418.	4. KGKU «GAKK». F.R-336.Op.5.D.1.
2. KGKU «GAKK». F.R-336.Op.1.D.8.	5. KGKU «GAKK». F.R-336.Op.5.D.2.
3. KGKU «GAKK». F.R-336.Op.1.D.397.	6. Newspaper «Krasnoyarskii rabochii», July 3, 1964.

К ВОПРОСУ КАТАЛОГИЗАЦИИ БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ СИБИРСКОГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО (1918-1919 ГГ.)

ON THE ISSUE OF CATALOGING PAPER MONEY OF SIBERIAN PROVISIONAL GOVERNMENT AND GOVERNMENT OF THE RUSSIAN STATE (1918-1919)

Дмитрий Сергеевич Матусевич – старший преподаватель кафедры математических методов и цифровых технологий, Байкальский государственный университет, e-mail: mds@bgu.ru
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

D.S. Matusевич – senior lecturer of chair mathematical methods and digital technologies, Baikal State University, e-mail: mds@bgu.ru

Владимир Александрович Изместьев – студент, Байкальский государственный университет, e-mail: izm02@ya.ru
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

V.A. Izmeisterov – student, Baikal State University, e-mail: izm02@ya.ru 11 Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia

Распад Российской империи в начале XX века породил на её территории огромное количество «республик», «директорий», «эмиратов», независимых городов, выпускавших собственные денежные знаки. В Сибири и на Дальнем Востоке крупнейшим государственным образованием было Сибирское временное правительство, позднее названное Правительством Государства Российского.

Наряду с денежными знаками бывшей Российской империи, данное государственное образование выпускало свои собственные, как временное дополнение, и как средство замещения «плохих денег». Денежные знаки выпускались в разных городах Сибири, зачастую на непригодном оборудовании, что привело к появлению большого количества разновидностей внутри одного и того же номинала /1/.

Данные денежные знаки с разной степенью детализации описаны в каталогах, поэтому актуальна задача сопоставления описаний между каталогами, а также с сохранившимися денежными знаками, с целью их актуализации и подтверждения достоверности.

Первыми советскими каталогами денежных знаков считаются

каталоги Ф.Г. Чучина, назначенного Уполномоченным Центральной Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол) по филателии и бонам. Ответственный за сбор коллекционного материала (в который превратились денежные знаки предшествующих государственных образований) с целью их реализации отечественным и зарубежным коллекционерам, Чучин очень кратко описывает денежные знаки в разделе «Сибирь» /2, с. 31/.

Выпущенный в 1953 г. в Берлине русско-немецкий каталог Н. Кардакова, делает попытку обобщить все сведения на тот момент по интересующим денежным знакам в разделе «XI. Сибирь и Аляска» /3, с. 218-222/. Примечательным здесь является обширная каталогизация будущих (на тот момент) государственных кредитных билетов (ГКБ) образца 1919 г., которые «планировались» к выпуску, но в фактически в обращение не поступили и их существование сомнительно по мнению авторов статьи /3, с. 221-222/.

Среди зарубежных каталогов наиболее известным является каталог «Standard Catalog of World Paper Money», составленный издательством Krause в США, где данные

Аннотация. В статье предпринимается попытка обобщить данные каталогов о бумажных денежных знаках Сибирского временного правительства, позднее – Правительства Государства Российского, существовавшего на территории Сибири и Дальнего Востока в 1918-19 гг. Для анализа и сопоставления рассматриваемых денежных знаков и их каталожных номеров между собой использованы данные из четырех каталогов: «Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, краин и образований» под редакцией Ф.Г. Чучина, изданный в 1926-27 гг.; «Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769-1950», изданный Н. Кардаковым в Берлине в 1954 г.; известный зарубежный «Standard Catalog of World Paper Money», издаваемый Krause Publications; каталог «Боны России: Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769-2000 гг.)», изданный в Киеве в 1991 г. Исходя из доступного коллекционного материала и сводных данных можно сказать, что имеющиеся российские и зарубежные каталоги достаточно полно описывают сохранившиеся денежные знаки.

Ключевые слова: бонистика, бумажные денежные знаки, каталоги бумажных денежных знаков, Сибирское временное правительство, Правительства Государства Российского, Гражданская война в России, Чучин Ф.Г., Кардаков Н., Рябенко П.Ф.

денежные знаки описаны отдельным томом «Specialized Issues» в разделе «Urals & Siberia» /4, с. 1002-1006/. Учитывая мировой охват материала, данный каталог дает очень неплохую детализацию разновидностей коллекционного материала. Спорным является вопрос классификации обязательств Государственного казначейства с погашением 1 октября 1920 г., которые готовились для Правительства Государства Российского, но фактически достались и использовались Дальневосточной республикой. Данный каталог относит их именно к денежным знакам Правительства Государства Российского, российские каталоги

придерживаются второй точки зрения. Также здесь упоминаются невыпущенные ГКБ образца 1919 г., включая денежный знак 5000 рублей 1919 г., который в других каталогах не описан.

Современное издание /5, с. 177-180/, составленное в 1999 году П.Ф. Рябченко и В.И. Бутко в Киеве на основе ксерокопий и сканов коллекционного материала, присланного коллекционе-

рами, дает лучшую детализацию изучаемых денежных знаков, но иногда вызывает сомнение в плане реальности отдельных позиций. В частности, это касается выпусков ГКБ образца 1919 г., где авторы вероятно повторили данные из /3/.

В табл. 1 предпринята попытка обобщить данных четырех вышеперечисленных каталогов. Для каждого номинала денежного знака указаны их каталожные номера,

при наличии разновидностей денежного знака указано несколько каталожных номеров. Сложность каталогизации добавляет многообразие видов денежных знаков (билеты, обязательства), наличие разновидностей, поэтому единого подхода к систематизации не наблюдается. Здесь авторы статьи ориентировались на подход к систематизации из /5/, как наиболее полного и современного.

Таблица 1 – Сопоставление каталожных номеров бумажных денежных знаков Сибирского временного правительства и Правительства Государства Российского в каталогах

Денежный знак	Каталог*			
	1	2	3	4
1	2	3	4	5
Билет 50 копеек без года**	10004	XI.3.3	S828	4834p
Казначейский знак 1 рубль 1918 г.	10005	XI.2.1	S816	4821p
Казначейский знак 5 рублей 1918 г.	10006	XI.2.2	S817	4822p-4823p
Казначейский знак 10 рублей 1918 г.	10007	XI.2.3- XI.2.3a	S818	4824p-4825p
Казначейский знак 300 рублей 1918 г.	10008	XI.3.1	S826	4832p
Казначейский знак 3 рубля 1919 г.	10009	XI.3.2	S827	4833p
500 рублей 1918 г. 5% краткосрочное обязательство государственного казначейства (КОГК) Сибири	10010	XI.2.4, XI.2.7- XI.2.7a	S831, S824	4826p, 4829p-4830p
1000 рублей 1918 г. 5% КОГК Сибири	10011	XI.2.5	S832	4827p
5000 рублей 1918 г. 5% КОГК Сибири	10012	XI.2.6, XI.2.8	S833, S825	4828p, 4831p
500 рублей 1918 г. 5% КОГК сроком до 01.12.1919	10013	XI.3.4	S831	4878p
1000 рублей 1918 г. 5% КОГК сроком до 01.12.1919	10014	XI.3.5	S832	4891p
5000 рублей 1918 г. 5% КОГК сроком до 01.12.1919	10015	XI.3.6- XI.3.6a	S833	4899p-4900p
25 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.01.1920	10018	XI.3.7- XI.3.7b	S834	4835p-4837p
25 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.02.1920	10018	XI.3.13- XI.3.13a	S840	4838p-4839p
25 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.03.1920	10018	XI.3.19	S846	4840p
25 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.04.1920	10018	XI.3.24	S851	4841p
25 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.05.1920	10018	XI.3.28- XI.3.28a	S855	4842p-4843p
25 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.06.1920	10018	XI.3.32- XI.3.32a	S859	4844p-4847p
25 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.07.1920	10018	XI.3.37	S864	4848p
50 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.01.1920	10019	XI.3.8- XI.3.8b	S835	4849p-4851p
50 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.02.1920	10019	XI.3.14- XI.3.14a	S841	4852p-4853p
50 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.03.1920	10019	XI.3.20	S847	4854p
50 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.04.1920	10019	XI.3.25	S852	4855p-4856p
50 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.05.1920	10019	XI.3.29- XI.3.29a	S856	4857p-4858p
50 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.06.1920	10019	XI.3.33	S860	4859p-4861p
50 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.07.1920	10019	XI.3.38- XI.3.38a	S865	4862p-4863p
100 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.01.1920	10017	XI.3.9a	S836	4864p
250 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.01.1920	10020	XI.3.10	S837	4865p
250 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.02.1920	10020	XI.3.15	S842	4866p
250 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.03.1920	10020	XI.3.26	S849	4867p-4868p
250 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.04.1920	10020	XI.3.26	S853	4869p
250 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.05.1920	10020	XI.3.30	S857	4870p
250 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.06.1920	10020	XI.3.34	S861	4871p
250 рублей 1919 г. КОГК сроком до 01.07.1920	10020	XI.3.39- XI.3.39a	S866	4872p-4874p

100 рублей 1919 г. 5% КОГК	10015	XI.3.9	S836	4875p-4877p
500 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.01.1920	10021	XI.3.11	S838	4879p
500 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.02.1920	10021	XI.3.16	S843	4880p
500 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.03.1920	10021	XI.3.22- XI.3.22a	S849	4881p-4883p
500 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.04.1920	10021	XI.3.27- XI.3.27a	S854	4884p-4885p
500 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.05.1920	10021	XI.3.31	S858	4886p-4888p
500 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.06.1920	10021	XI.3.35	S862	4889p
500 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.07.1920	10021	XI.3.40	S867	4890p
1000 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.01.1920	10022	XI.3.12	S839	4892p
1000 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.02.1920	10022	XI.3.17	S844	4893p-4894p
1000 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.03.1920	10022	XI.3.23- XI.3.23a	S850	4895p-4897p
1000 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.06.1920	10022	XI.3.36	S863	4898p
5000 рублей 1919 г. 5% КОГК сроком до 01.02.1920	10023	XI.3.18	S845	4901p
5000 рублей 1920 г. 5% КОГК***	X	XI.3.41	S870A	4902p
Билет (с купонами) Государственного внутреннего 4,5% выигрышного займа 1917 г. 1 разряда**	10024	XI.3.42	S885-S886	4903p-4907p
Билет (с купонами) Государственного внутреннего 4,5% выигрышного займа 1917 г. 2 разряда**	10025	XI.3.43- XI.3.43a	S889-S890	4908p-4911p
Билет (с купонами) Государственного внутреннего 4,5% выигрышного займа 1917 г. 3 разряда**	10026	XI.3.44- XI.3.44a	S881-S882	4912p-4914p
Купон(ы) билета Государственного внутреннего 4,5% выигрышного займа 1917 г. 1 разряда**	10027	XI.3.45- XI.3.45a	S887-S888	4915p-4916p
Купоны билета Государственного внутреннего 4,5% выигрышного займа 1917 г. 2 разряда**	10028	XI.3.46- XI.3.46a	S891-S892	4917p-4918p
Купоны билета Государственного внутреннего 4,5% выигрышного займа 1917 г. 3 разряда**	10029	XI.3.47- XI.3.77a	S883-S884	4919p-4920p
ГКБ 1 рубль 1919 г.***	X	XI.3.48- XI.3.48c	S871	4921p-4924p
ГКБ 3 рубля 1919 г.***	X	XI.3.49- XI.3.49b	S872	4925p-4927p
ГКБ 5 рублей 1919 г.***	X	XI.3.50- XI.3.50c	S873	4928p-4931p
ГКБ 10 рублей 1919 г.***	X	XI.3.54- XI.3.54b	S874	4932p-4934p
ГКБ 25 рублей 1919 г.***	X	XI.3.51	S875	4935p
ГКБ 100 рублей 1919 г.***	X	XI.3.52	S876	4936p
ГКБ 1000 рублей 1919 г.***	X	XI.3.53	S877	4937p
ГКБ 5000 рублей 1919 г.***	X	X	S878	X

*Используемые каталоги:

1 – «Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований» под редакцией Ф.Г. Чучина /2/;

2 – Кардаков Н. «Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769-1950» /3/;

3 – «Standard Catalog of World

Paper Money. Specialized Issues» /4/;

4 – Рябченко П.Ф. «Боны России: Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769-2000 гг.)» /5/.

** выпущен американской экспедицией ABNC.

***не выпущен в обращение.

Исходя из доступного коллекционного материала и данных Табл. 1 можно сказать, что имеющиеся российские и зарубежные каталоги достаточно полно каталогизируют сохранившиеся денежные знаки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алямкин, А. В. Денежное обращение в контексте политической и социально-экономической жизни Зауралья в 1914-1924 гг. : Дис... канд. ист. наук 07.00.02 / А. В. Алямкин ; Курганский государственный университет. Челябинск, 2006. – 203 с. – Текст (визуальный) : непосредственный.
2. Каталог бон и дензнаков : России, РСФСР, СССР, окраин и образований / Под ред. Ф. Г. Чучина. 3-е изд. – Москва : Изд. Советской филателистическ. ассоциации при комиссии ВЦИК Фонда имени В.И.Ленина помощи беспризорным детям, 1927. – с. 171 – Текст (визуальный) : непосредственный.
3. Кардаков, Н. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769-1950 / Н. Кардаков. – Berlin : N. KARDAKOFF, 1953. – 444 с. – Текст (визуальный) : непосредственный.
4. Standard Catalog of World Paper Money: Specialized Issues / George S. Cuhaj. – 12th Edition. – Iola: Krause Publications, 2013. – 1296 p. – Текст (визуальный) : непосредственный.
5. Рябченко, П. Ф. Боны России : полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769-2000 гг.) / П. Ф. Рябченко, В. И. Бутко. – 3-е переизд. доп. и перераб. – Киев: Логос. – 1999. – Текст (визуальный) : непосредственный.

REFERENCES

1. Alyamkin A.V. Money circulation in the context of the political and socio-economic life of the Trans-Urals at 1914-1924. PhD thesis. Chelyabinsk, 2006. 203 p. (In Russ).
2. Catalog of Bonds and Paper Money of Russia: the RSFSR, the USSR, outskirts and formations. Edited by F.G. Chuchin, 3rd edition. Moscow, Publ. Sovetskoy filatelichesk. assotchiatchii pri komissii VTchIK imeni V.I.Lenina pomotshi besprizornym detyam, 1927. 171 p. (In Russ).
3. Kardakov N. Catalogue of Banknotes of Russia and the Baltic States 1769-1950. Berlin, 1954. 444 p. (in Russ)
4. Standard Catalog of World Paper Money. Specialized Issues. 12th edition. Iola, 2013. 1296 p. (in Eng)
5. Ryabchenko P.F. Bonds of Russia: A complete catalog of paper money and bonds of Russia, the USSR, the CIS countries (1769-2000). 3rd edition. Kiev, 1999. vol. 1. Russian Bonds. 688 p. (in Russ)

УДК 93

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОМАНДНОГО СОСТАВА ЯПОНСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖАЛОВАНИЙ

EVERYDAY LIFE OF THE COMMAND STAFF OF THE IMPERIAL JAPANESE ARMY AND THE WORKERS 'AND PEASANTS' RED ARMY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF SALARIES

В начале статьи стоит указать, каково было материальное положение офицеров Генерального штаба до 1917 года. Генштабисты являлись элитой старой армии, однако их доходы варьировались в зависимости от званий и должностей. Так, годовое жалованье генералов на 1 июня 1907 года составляло 2100 рублей, генерал-лейтенантов – 1800 рублей, генерал-майоров – 1500 рублей, полковников – 1200 рублей, подполковников – 1080 рублей, капитанов – 900 рублей, штабс-капитанов – 780 рублей. Годовое жалованье даже штабс-капитанов примерно вдвое превышало годовой оклад учителей начальных школ. Помимо этого, офицерам полагались дополнительные выплаты и пособия, прежде всего – столовые и квартирные. Практиковались и иные выплаты. Так, на обзаведение

Сергей Сергеевич Наумов - студент 4 курс бакалавриата, e-mail: naumov.qwe@yandex.ru
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки РФ, г. Москва, ул. Моховая, д.11.

Sergei Naumov – Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies Russia, Moscow, Mokhovaya 11

лошадью со всей сбруей в начале 20 века выдавалось 300 рублей, а некоторые офицеры получали средства на прислугу размере 10 рублей в месяц. Для сравнения, месячная зарплата квалифицированного рабочего составляла в среднем 90 рублей, служащего – 85,5 рублей¹.

Что могли позволить себе генштабисты на получаемые выплаты? Питаться месяц, ни в чем себе не отказывая, можно было в пределах 55-60 рублей (завтрак в 1912

году мог стоить 50 копеек). Снять комнату можно было за 25 рублей, пуд пшеничной муки стоил 2,5 рублей, мешок картофеля 1 рубль, фунт мяса 10-12 копеек, бутылка водки – 30 копеек, бутылка коньяка – 1,5 рублей, а пара ботинок от 5 до 8 рублей².

Б. М. Шапошников вспоминал, что молодым офицером он получал 67 рублей жалованья, 9 рублей квартирных и по 30 копеек в сутки на караулы. Тратил он на

Аннотация. Целью данной работы является составление сопоставительного анализа повседневной жизни командного состава японской императорской армии и рабоче-крестьянской армии на примере получаемых военнослужащими жалований. Исследование, проведенное на основе ряда японских и советских источников, прежде не истребованных отечественным японоведением, представляется весьма значительным, поскольку создаёт необходимые условия для получения ответов на важные вопросы, касающиеся развития японского и советского государств в 20-ые годы предыдущего столетия, а в частности – формирования военной организации и системы профессиональной подготовки. Обстановка, в которой приходилось трудиться красноармейцам, была намного суровее той, в которой служили японцы, что обуславливалось прежде всего различающимися экономическими положениями в обеих странах. Япония вышла победительницей из Первой Мировой войны, в то время как Россия в 20-е годы переживала восстановление после тяжелейших последствий Гражданской войны. Подобранные источники позволили показать, что после сопоставления жалования командного состава рабоче-крестьянской красной армии с ценами того времени на товары в Советской России и жалования командного состава японской императорской армии с ценами в стране восходящего солнца, возможно прийти к выводу о том, что реальная покупательная способность сильно отличалась. Так, японские военные могли на свой доход приобрести большее количество вещей и услуг, а также позволить себе более комфортные условия проживания и питания. В свою очередь, это приводило к росту престижа армейской службы в японском обществе, и, как следствие, к усилению национально-патриотических настроений.

Ключевые слова: РККА, японская императорская армия, командный состав, сопоставление жалований, повседневная жизнь военнослужащих, двадцатые годы двадцатого века, Россия после гражданской войны

обеды и ужины в месяц 12 рублей, на квартиру – 15 рублей, на чай, сахар, табак и стирку – 10 рублей, на обмундирование – 10 рублей, на вычеты в батальон от 10 до 15 рублей, после чего оставалось от 11

до 16 рублей, а с прибавкой летних лагерных денег – до 20 рублей. По его воспоминаниям, жизнь была достаточно скромной³.

Генштабисты РККА с 20 сентября 1918 года, когда был издан приказ РВСР, содержащий данные о новых окладах, стали получать следующие жалования: командующий армией – 2500 рублей, начальник штаба армии – 2000 рублей, начальник снабжений и начальник военных сообщений по 1700 рублей. Командиры полков по 1500 рублей, командиры батальонов по 1200 рублей, а командиры отделений по 600 рублей⁴.

Эти оклады намного превышали жалования ответственных гражданских работников и специалистов. В то время максимальный оклад ответственных руководителей составлял 1000 рублей, максимальный оклад служащего со специальными знаниями и опытом – 830 рублей. Но нельзя сказать, чтобы генштабисты особо выделялись по доходам среди специалистов, к тому же, военные моряки получали схожие жалования⁵.

В августе 1919 года были введены прибавки к вознаграждению генштабистов. С 1 сентября 1919 года выплачивалось единовременное вознаграждение, а также каждые два месяца надбавки. Высшие должностные лица и начальники управлений получали единовременно 4000 рублей, регулярно – 2500 рублей. Помощники начальников управлений – 3000 и 1700 рублей соответственно, начальники отделений – 2500 и 1500 рублей. Генштабист-начальник отделения в тыловых учреждениях получал 2400 рублей, 400 рублей надбавки за переработку и ещё 400 рублей за праздничную работу, итого – 3200 руб. Кроме того, не исключалась возможность дополнительного дохода от преподавания или работы в журналах. В итоге, военспец мог получать от 6 до 10 тысяч рублей за месяц⁶.

Однако к концу гражданской войны Советская Россия испытывала тяжелейший финансовый кризис. К 1921 году рубль обесценился относительно рубля 1914 года в 50000

Annotation. The purpose of this work is to compile a comparative analysis of the daily life of the command staff of the Imperial Japanese Army and the Workers 'and Peasants' Army on the example of salaries received by military personnel. The study, carried out on the basis of a number of Japanese and Soviet sources, previously not demanded by domestic Japanese studies, seems to be very significant, since it creates the necessary conditions for obtaining answers to important questions regarding the development of the Japanese and Soviet states in the 20s of the previous century, and in particular – the formation of a military organization and a system of professional training. The situation in which the Red Army men had to work was much more severe than that in which the Japanese served, which was primarily due to the differing economic conditions in both countries. Japan emerged victorious from the First World War, while Russia in the 1920s was recovering from the dire consequences of the Civil War. The selected sources allowed us to show that after comparing the salaries of the command personnel of the workers 'and peasants' red army with the prices of that time for goods in Soviet Russia and the salaries of the command personnel of the Japanese imperial army with prices in the land of the rising sun, it is possible to come to the conclusion that the real purchasing power was very different. So, the Japanese military could use their income to purchase a larger number of things and services, as well as afford more comfortable living and food conditions. In turn, this led to an increase in the prestige of military service in Japanese society, and, as a result, to an increase in national-patriotic sentiments.

Keywords: Red Army, Imperial Japanese Army, command staff, salary comparison, daily life of military personnel, twenties of the twentieth century, Russia after the civil war

раз. Так, в уездах Томской губернии коробка спичек стоила 10 000 рублей, бутылка керосина – 90 000 рублей. К концу 1922 года сапоги в Томске можно было купить за 250 000 рублей, ведро картофеля – за 8000 рублей. На фоне галопирующей инфляции повышались оклады командного состава. 8 декабря 1921 года РВСР были установлены новые размеры жалования. Члены РВС фронтов теперь получали 200 000 рублей в месяц, члены РВС

1 Малинко В. И., Голосов В. П. Справочная книжка для офицеров. Часть 1, М. 1902. С. 87-96.

2 Ганин А. В., Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. С. 511.

3 Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М. 1982. С. 100.

4 Ганин А. В., Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. С. 520.

5 К.Б. Назаренко. Флот, революция и власть в России: 1917-1921. – Москва: Квадрица: Русская панорама, 2011. С. 171-176.

6 Ганин А. В., Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. С. 525.

армий и начальники управлений — 185 000 рублей, начальники отделов — 173 000 рублей, начальники частей канцелярий — 160 000 рублей. Очевидно, что даже такие оклады не поспевали за ростом цен, и нормализовать ситуацию удалось лишь в ходе последовавших финансовых реформ⁷.

Если же обратить взор на Японию, то годовое жалование высшего командного состава японской императорской армии в начале 20 века после подписания императором Мэйдзи указа №186 о пересмотре приказа об окладах в армии, стало следующим: 大将 (генерал) — 3000 иен; 大佐 (полковник) — 1236 иен; 大佐 (лейтенант) — 180 иен. Ежемесячная зарплата губернатора Тайваня в то время составляла 500 иен, а жалование офицера полиции — 12 иен. Для примера, 10 килограмм риса было возможно приобрести по цене в 1 иену и 19 сен (100 сен = 1 иена). Одна порция карри в среднем обходилась от 5 до 7 сен, а бутылка пива — 19 сен⁸.

К середине 20-ых годов жалование командного состава было значительно увеличено. Так, 大将 (генерал) уже получал 6600 иен; 中將 (генерал-подполковник) — 5800 иен; 少將 (генерал-майор) — 5000 иен; 大佐 (полковник) — 4150 иен; 中佐 (подполковник) — 3220 иен; 少佐 (майор) — 2330 иен; 大尉 (капитан) — 1900 иен; 少尉 (лейтенант) — 850 иен⁹.

Рост цен также имел место быть, однако инфляция оказалась не столь значительной: 10 кг риса обходилась уже в 2 иены, одна порция лапши “Соба” и кружка кофе стоили по 10 сен каждая. Один номер журнала 文藝春秋 (Бунгэйсюндзю) — примерно 50 сен. Цена за один билет в кинотеатр составляла от 50 сен до 2 иен. Ежемесячная квартплата в зависимости от расположения, района и обустройства помещения могла стоить от 15 до 50 иен¹⁰.

Таким образом, сопоставив жалования командного состава рабоче-крестьянской красной армии с ценами того времени на товары в

Советской России и жалования командного состава японской императорской армии с ценами в стране восходящего солнца, возможно прийти к выводу о том, что реальная покупательная способность сильно отличалась. Так, японские военные могли на свой доход приобрести большее количество вещей и услуг, а также позволить себе более комфортные условия проживания и питания. В свою очередь, это приводило к росту престижа армейской службы в японском обществе, и, как следствие, к усилению национально-патриотических настроений. Тем не менее обстановка, в которой приходилось трудиться красноармейцам, была намного суровее той, в которой служили японцы. Это обуславливалось, прежде всего, экономическими положениями в обеих странах. Япония вышла победительницей из Первой Мировой войны, в то время как Советская Россия в 20-е годы переживала восстановление после тяжелейших последствий Гражданской войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ганин А. В., Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. — 680 с.
2. Малинко В. И., Голосов В. П. Справочная книжка для офицеров. Часть 1, М. 1902.
3. К.В. Назаренко. Флот, революция и власть в России: 1917-1921, — Москва: Квадрига; Русская панорама, 2011. — 488 с.

4. Подустов Ф. Н. Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919—1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (История). 2006. Вып. 1 (52). С. 43.
5. Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М. 1982. — 558 с.

6. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jacar.go.jp/nichiro/keyword05.htm> (дата обращения: 20.03.2022).
7. [Электронный ресурс]. URL: <https://oplern.hatenablog.com/entry/2019/03/10/133536> (дата обращения: 20.03.2022).
8. [Электронный ресурс]. URL: <https://oplern.hatenablog.com/entry/2019/02/24/020012> (дата обращения: 20.03.2022).

REFERENCES

1. Ganin A.V., Everyday life of the General Staff under Lenin and Trotsky. M.: Kuchkovo field, 2016. — 680 p.
2. Malinko V.I., Golosov V.P. Reference book for officers. Part 1, M. 1902.
3. K.B. Nazarenko. Fleet, revolution and power in Russia: 1917-1921, — Moscow: Quadriga; Russian panorama, 2011. — 488 p.
4. Podustov FN Number, financial

4. Podustov F. N. Number, financial situation and working conditions of teachers of military educational institutions of the Siberian military district in 1919-1921 // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. Series: Humanities (History). 2006. Issue. 1 (52).
5. Shaposhnikov B. M. Memoirs. Military scientific works. M. 1982. — 558 p.
6. [Electronic resource]. URL: <https://www.jacar.go.jp/nichiro/keyword05.htm> (accessed 20/03/2022).

7. [Electronic resource]. URL: <https://oplern.hatenablog.com/entry/2019/03/10/133536> (accessed 20/03/2022).
8. [Electronic resource]. URL: <https://oplern.hatenablog.com/entry/2019/02/24/020012> (accessed 20/03/2022).

У ИСТОКОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ (О РОЛИ ПРОФЕССОРА ГАГУ НИНЫ НИКОЛАЕВНЫ СУРАЗАКОВОЙ)

AT THE ORIGINS OF ETHNOCULTURAL EDUCATION IN THE ALTAI REPUBLIC (ON THE ROLE OF NINA NIKOLAEVNA SURAZAKOVA, PROFESSOR OF THE STATE ACADEMY OF STATE UNIVERSITY)

Надежда Алексеевна Тадина – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и археологии, Горно-Алтайский государственный университет, e-mail: ntadina@yandex.ru
РФ, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

N.A. Tadina – candidate of historical sciences, Associate Professor, Department of History and Archeology, Gorno-Altai State University, e-mail: ntadina@yandex.ru
Russian Federation, 649000, Gorno-Altai, st. Lenkina, 1

С развитием цивилизационных процессов уходят из быта этнокультурные традиции, произведения фольклора, даже язык, особенно малочисленных народов. В разных регионах нашей страны проектирование системы этнокультурного образования имеет свои отличия. Педагогические подходы к данной проблематике характеризуются тем, что в их основе лежит идея изучения и сохранения национально-культурного достояния своего народа в образовательном процессе. Ядром этнокультурного образования является этнокультура, её важнейшие элементы — язык, традиционные ценности, обряды, экологические воззрения и прочие аспекты жизнедеятельности народа. В ней важна позиция знания и понимания этнокультуры своего народа, взаимосвязей с соседними этносами.

Этническая карта Республики Алтай представлена следующими особенностями. Русские, как этническое большинство региона, расселены в основном в северной, предгорной части. Алтайцы, титульный этнос Республики Алтай, составляют треть населения региона. В этнический состав входят южные алтайцы, живущие в горной части и состоящие из двух этнотерриториальных групп — алтай-кижи и теленгитов, и северные алтайцы предгорья — тубалары, кумандинцы и челканцы. Казахи представляют крупную диаспору

Республики Алтай в приграничном с Монголией Кош-Агачском р-не, сформировавшуюся из переселенцев Северо-Восточного Казахстана, прибывших во второй половине XIX века в Чуйскую степь.

Процесс модернизации традиционного общества неизбежно приводит к этнической и языковой ассимиляции части алтайцев, особенно северных локальных групп и тех, кто из крупных смешанных сёл и города Горно-Алтайска. Алтайцы, живущие в русскоязычной среде, чаще не владеют родным языком, либо понимают, но не говорят, либо говорят на разговорном уровне. Следует отметить, что среди обрусевших алтайцев встречаются «пассивно ассимилированные», стремящиеся овладеть родным языком и сохранить этническую принадлежность. В последние годы северным алтайцам введено преподавание алтайского языка с учетом диалектных особенностей. Лишь малая доля их пассивно владеет родным языком: понимают, о чем говорят, но отвечают по-русски. Немногие из северных алтайцев используют родной язык в повседневной жизни — лишь лица старше 50 лет. В основном это те, кто в конце прошлого века учился в г. Горно-Алтайске, когда в ходу были книги с произведениями алтайских писателей¹.

В советский период началось изменение языкового сознания

Аннотация. В основе проектирования системы этнокультурного образования лежит идея изучения и сохранения национально-культурного достояния своего народа в образовательном процессе. Алтайцы, титульный этнос Республики Алтай, составляют треть населения региона, в котором этническое большинство составляют русские. Процесс модернизации традиционного общества приводит к этнической ассимиляции алтайцев. В советский период началось изменение языкового сознания. После реформы 1958 года преподавание было переведено с национального языка на русский. В современных учебниках по алтайскому языку усложнена грамматика, введены неизвестные слова, что вызвало решение проблемы в городском суде в 2020 году. Актуализировалось значение учебников профессора ГАГУ Н.Н. Суразаковой, основателя методики преподавания алтайского языка, стоявшей у истоков этнокультурного образования в Республике Алтай. Её видение развития высшего образования по преподаванию родного языка, местной истории и этнографии воплощается в жизнь.

Ключевые слова: этнокультурное образование, республика, алтайцы, родной язык, методика преподавания, этнокультура, профессор

алтайцев. Диалект алтай-кижи был положен в основу литературного алтайского языка, хотя просветительство под эгидой Духовной миссии начиналось с телеутского и тубаларского диалектов. В 1958 году была введена реформа школы, к которой у алтайцев остаётся неоднозначное отношение. Старшее поколение помнит о том, что в 1960-х годах в школах алтайских сёл преподавание предметов начальных классов велось на алтайском языке. После реформы повсеместно преподавание было официально переведено с национального языка на русский, кроме алтайского языка и литературы. В смешанных сёлах билингвизм алтайцев стал заменяться русскоязычием².

1 Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. «Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. №1 (130). С. 25.

2 Тадина Н.А. О трёх этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 91.

Профессор ГАГУ Нина Николаевна Суразакова (1925-1998 г.), основатель этнокультурного образования в Республике Алтай

Школьники, изучающие алтайский язык по сегодняшним учебникам, и их родители говорят о том, что современные грамматика и синтаксис усложнены. К примеру, читая газету «Алтайдын чолмонь», половину текста можно не понять, так как введены неизвестные слова. Одни утверждают о том, что чужие понятия были введены сторонниками распространения буддизма среди алтайцев, лоббируемыми местными чиновниками. В 2020 году Ассоциацией учителей алтайского языка и литературы было подано обращение в городской суд с заявлением о признании учебников алтайского языка недействительными. В нём было сказано: «в учебниках содержатся определения и понятия, которые не существуют в алтайском языке, они приводят к фальсификации истории алтайцев, умышленно искажает традиционные ценности и верования алтайского народа»³.

Старшее поколение, изучавшее алтайский язык в советской школе, с благодарностью вспоминает учебники той поры, в которых изложение материала было простым, а уяснение его качественным. Автором этих учебников является Нина Николаевна Суразакова, основатель методики преподавания алтайского языка и литературы.

В Историко-архивном путеводителе по Горному Алтаю сказано, что Н.Н. Суразакова родилась 15 марта 1925 года в с. Бешпельтир Эликманарского района в семье крестьян. Отец – участник Великой Отечественной войны. Окончив Бешпельтирскую семилетнюю школу, Нина Суразакова поступила на краткосрочные курсы по подготовке учителей русского и алтайского языков. В начале войны в г. Ойрот-Тура был эвакуирован Московский государственный педагогический институт имени К. Либкнехта. Именно тогда был решен вопрос об открытии отделения по подготовке кадров из числа алтайского населения и Нину Николаевну зачислили на подготовительные курсы, а в октябре 1942 года приняли на первый курс историко-филологического факультета. В 1943 году институт был эвакуирован в Москву. После окончания института в 1946 году Н.Н. Суразакова вернулась на родину, где работала до 1949 года в Каракольской семилетней и Онгудайской средней школах⁴.

Новой страницей трудовой биографии Н.Н. Суразаковой стала работа в областной национальной средней школе в г. Горно-Алтайске. Молодая и энергичная учительница принимает активное участие в общественной деятельности не только школы, но и города. От коллектива национальной школы стала делегатом IV съезда профсоюзов РСФСР в 1951 году, выдвинута кандидатом в депутаты городского Совета. После окончания аспирантуры НИИ национальных школ Академии педагогических наук РСФСР и успешной защиты кандидатской диссертации Нина Николаевна в течение 42 лет проработала на кафедре алтайского языка и литературы Горно-Алтайского пединститута (ныне Горно-Алтайский государственный университет). Двенадцать лет заведовала кафедрой, одновременно Нина Николаевна трудилась в качестве старшего научного сотрудника НИИ национальных школ для подготовки новых и переработке

Annotation. The design of ethno-cultural educational system is based on the idea of studying and preserving the national-cultural heritage of one's own people in the educational process. Altaians, the titular ethnic group of the Altai Republic, make up a third of the regional population, where the ethnic majority is Russian. The process of modernization in the traditional society leads to the Altaians' ethnic assimilation. Even in the Soviet period, their linguistic consciousness began to change. After the 1958 reform, teaching was transferred from the national language to Russian. Complicated grammar, unknown words in modern Altai language textbooks caused the issue to be resolved in the city court in 2020. The value of the textbooks by Professor N.N. Surazakova became actual. She was the founder of the Altai language teaching method, and stood at the origins of ethno-cultural education in the Altai Republic. Her vision for the development of higher education in the native language teaching, local history and ethnography is being brought to life.

Keywords: ethnocultural education, republic, Altaians, native language, teaching methods, ethnoculture, professor

действующих учебных книг и методических пособий. Избиралась деканом историко-филологического факультета, занимала должность проректора по научной работе. Руководила авторским коллективом, проводила проверку программ и учебников. Как ученый-лингвист она осуществляла редактирование многих трудов Горно-Алтайского НИИ ИЯЛ таких, как «Орфография алтайского литературного языка» (1958 г.), «Орфографический словарь алтайского языка» (1960, 1983 гг.). Читала курс сопроводительной грамматики, методики преподавания русского языка в алтайской школе и современного алтайского языка. На протяжении длительного времени она являлась членом Ученого Совета института, без её участия не обходилось ни одно обсуждение исследовательских тем по алтайской лингвистике⁵.

В 1990 году Н. Н. Суразаковой было присвоено звание профес-

сора (без защиты докторской диссертации) по совокупности выполненной работы. Её педагогический труд оценен по достоинству: награждена значком «Отличник Народного просвещения», медалью «За трудовое отличие», орденом «Знак Почета», многочисленными грамотами. Умерла 31 августа 1998 года. Постановлением Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай в 2000 году на малой родине в с. Бешпельтир общеобразовательной средней школе присвоено имя Н. Н. Суразаковой. В 2001 году на доме, где жила Нина Николаевна по проспекту Коммунистическому 27, установлена мемориальная доска, на которой написано: «В этом доме жила с 1962 по 1998 гг. видный деятель народного образования, профессор Нина Николаевна Суразакова».

В этот дом в гости к Нине Николаевне я впервые пришла летом 1982 года, будучи студентом исторического факультета Алтайского госуниверситета в г. Барнауле. Они с мужем Константином Васильевичем Трояковым (филолог, родом из Хакасии) с добротой относились ко мне. Во время написания своей дипломной работы приезжала к ним и оставалась на некоторое время. Нина Николаевна интересовалась не только моей темой исследования, но и моей жизнью, советовала мне, как

поступить в трудные жизненные ситуации. Ее человеческое отношение и мудрые советы помнятся мне до сих пор. В опубликованных воспоминаниях внука Темира Троякова о своей бабушке есть упоминание о книжных полках в коридоре и зале квартиры⁶. В основном эта была литература по методике преподавания языков в национальных школах, по филологии и педагогике.

Нина Николаевна поддерживала моё становление как этнографа, помогала в переводе свадебного фольклора, собранного мною для первой монографии «Алтайская свадебная обрядность». В это время я впервые услышала старинные слова в фольклорном тексте, обратила внимание на красноречивые обороты и их место в обряде. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации при поддержке Н.Н. Суразаковой я начала преподавательскую деятельность со спецкурсов «История Горного Алтая», «этнография Горного Алтая» студентам разных факультетов Горно-Алтайского педагогического института. В 1993 году единственный вуз в Республике Алтай был преобразован в Горно-Алтайский государственный университет, появилась возможность внести в учебный план новые курсы, среди них дисциплина «Этнология», которую я преподаю историкам-сту-

дентам. К сведению, при кафедре истории и археологии аспирантура по специальности «этнография, этнология и антропология», сейчас как везде происходит её реформирование.

Н.Н. Суразакова стояла у истоков этнокультурного образования в Республике Алтай, ее труды по методике преподавания родного языка до сих пор актуальны. Её видение развития системы высшего образования по направлению преподавания родного языка, местной истории и этнографии воплощается в жизнь. В ГАГУ открыт и активно развивается факультет алтаистики и тюркологии. Историки с этнографической специализацией необходимы учреждениям Республики Алтай, таким как комитеты по национальной политике и связям с общественностью, а также развитию туризма и архивного дела, музеям народной культуры и быта и др. В учителях-историках с этнографической специализацией нуждаются райцентры и сёла для организации региональных музеев и возрождения народных промыслов⁷. Необходимо передавать опыт этнокультурных традиций, актуализировать его в современных социокультурных условиях, формировать многоуровневую идентичность личности и чувство толерантности к представителям других этнических культур.

⁶ Трояков Т.А. Донор человеческой души // Звезда Алтая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zvezdaaltaya.ru/2015/03/donor-chelovecheskoj-dushi/> (дата обращения 08.04.2022 г.).

⁷ Тадина Н.А. О роли Научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета в изучении Республики Алтай и сопредельных регионов // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр. Омск: Издат. дом «Наука», 2021. Ч. 1. С. 310.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. «Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. №1 (130). С. 23–27.
2. Тадина Н.А. О трёх этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 88–97.
3. Дело №2-1149/2020 // Судебные решения РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://судебные.решения.рф/51489582> (дата обращения 08.04.2022)
4. Суразакова Нина Николаевна // Историко-архивный путеводитель по Горному Алтаю [Электронный ресурс]. URL: <https://visit-altairepublic.ru/o-respublike-altay/istoriya-v-litsakh/n-n-surazakova/> (дата обращения 08.04.2022)
5. Трояков Т.А. Донор человеческой души // Звезда Алтая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zvezdaaltaya.ru/2015/03/donor-chelovecheskoj-dushi/> (дата обращения 08.04.2022)
6. Тадина Н.А. О роли Научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета в изучении Республики Алтай и сопредельных регионов // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр. Омск: Издат. дом «Наука», 2021. Ч. 1. С. 309–315.

³ Дело №2-1149/2020 // Судебные решения РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://судебные.решения.рф/51489582> (дата обращения 08.04.2022 г.).

⁴ Суразакова Нина Николаевна // Историко-архивный путеводитель по Горному Алтаю [Электронный ресурс]. URL: <https://visit-altairepublic.ru/o-respublike-altay/istoriya-v-litsakh/n-n-surazakova/> (дата обращения 08.04.2022 г.).

⁵ Там же.

гаев, И.И. Молов, М.П. Ильин, Н.А. Диамидова, В.М. Родионов, Д.Б. Дашиев, К.Е. Ильин, К.Т. Мункоев, Р.Р. Игнатев, Н.С. Вахрушев, Р.П. Пилданов, К.Л. Барьядаев, Б.И. Николаев, А.Г. Дубровская, Ф.Я. Дудникова, В.Б. Бохив, А.М. Емельянов, Л.К. Емельянова, Ц.Б. Галданов, Э.Г. Сократова, С.П. Ваулина, Т.И. Воронина, Г.М. Захарова, И.А. Новоселова, Н.П. Михайлов, И.И. Соколов, И.Ф. Воробьев, Ц.Д. Цырендоржиев, В.И. Осипов, А.П. Батудаев, Т.П. Лапухин, А.В. Муруев, Ю.М. Нагаев, В.Ц. Будажапов, О.Ж. Гармаев, Б.И. Кривогорницын, Г.П. Колмаков, А.Н. Стрелков, М.Н. Башинов, В.П. Сальников, Н.М. Урбазев, Г.Д. Дубовикова, Ю.М. Овчинникова, Б.Б. Батоев, Г.А. Денисенко, Л.И. Бобылева, Е.Д. Петрова, В.А. Парфенова, В.Е. Поломошных, В.Д. Бадмаев, В.А. Тайшин, С.Г. Лумбунов, В.С. Потаев, К.А. Арбаков, Б.Ц. Ширипнибуева, Н.К. Гусева, Г.Т. Киргизова, Н.Т. Мяханова и др.

В Бурятском НИИСХ всегда много внимания уделялось и уделяется подготовке кадров. За это время по материалам научных исследований, проведенных в соответствии с утвержденными планами НИР, защищено более 100 кандидатских и 20 докторских диссертаций.

Приоритетным в работе института, всегда являлась селекция сельскохозяйственных культур. В создании новых сортов в республике неопределима роль Всероссийского научно-исследовательского института растениеводства им. Н.И. Вавилова, мировой коллекцией сельскохозяйственных растений которого активно пользовались наши селекционеры в создании гибридного материала с последующими отборами лучших номеров.

В Бурятском НИИСХ истоки селекционной работы по зерновым культурам стоял выдающийся селекционер Крам Кирилл Мартынович, — автор многих сортов зерновых культур и многолетних трав, в том числе пшеницы Онохойская 4,

признанной эталоном засухоустойчивости в мировой коллекции ВИР. К.М. Крам уже в 1938 году на основании проведенного сортоиспытания предложил проект районирования зерновых культур в Бурятии. Он является основоположником научно обоснованной системы сортосмены и сортообновления в Бурятии. Некоторые его сорта не потеряли своей ценности и остаются в реестре селекционных достижений и в настоящее время.

Достойным учеником К.М. Крама и крупным селекционером стала Заслуженный агроном России, кавалер ордена Ленина и ордена «Знак Почета» Дубровская А.Г. Успехи в селекции яровой пшеницы по праву разделяют ее соратники — Дудникова Ф.Я., Денисенко Г.А., Овчинникова Ю.М., Кривогорницын Б.М., Петрова Е.Д., Батоев Б.Б., Бобылева Л.И., Парфенова В.А. и другие. Значительный вклад в создание новых сортов вложил ветеран селекции, заслуженный агроном РСФСР Останин А.М.

Первый районированный сортимент плодовых и ягодных культур был принят в 1958 г. и включал интродуцированные сорта. Основы селекционной работы на плодово-ягодной станции заложили научные сотрудники Л.И. Дубровская, М.Р. Куклина, Ю.С. Болотский, Б.Г. Жигульский, С.П. Ваулина. Продолжили их работу И.А. Новоселова, Т.И. Воронина, Г.М. Захарова, Э.Г. Сократова, Н.К. Гусева, Г.Т. Киргизова, Н.Т. Мяханова и др.

Всего селекционерами Бурятского НИИСХ выведен 31 сорт яровых зерновых культур, 10 сортов многолетних бобовых и злаковых трав, 59 сортов плодовых и ягодных культур площадь распространения которых, занимает от Красноярского края до Приморья с рекомендациями по практическому размножению для жестких эколого-почвенных условий Забайкалья.

Научно-исследовательские работы в области земледелия впервые в республике начаты в 1932 году в отделе полеводства Бурят-Монгольской сельскохо-

зяйственной опытной станции под руководством Дрямова Г.А. Вопросами применения удобрений под сельскохозяйственные культуры в те годы в лаборатории агрохимии занималась будущий доктор сельскохозяйственных наук, профессор Кузнецова А.И.

Более обстоятельные и глубокие исследования по земледелию были развернуты после объединения в 1956 году опытных станций сельскохозяйственного профиля в единую Бурятскую государственную сельскохозяйственную опытную станцию. На изучение и разработку тогда была поставлена проблема «Создание прочной кормовой базы в условиях Бурятской АССР». В рамках названной проблемы разрабатывалась тема «Разработка системы земледелия по природно-климатическим зонам Бурятской АССР».

Этапным в развитии научно-исследовательских работ по вопросам земледелия является закладка длительных стационаров. В 1967 г. был заложен стационар по системе удобрений, включенный в реестр географической сети опытов в длительных стационарах ВИУА (№ аттестата 100). Разработку и закладку стационаров провели зав. лабораторией агрохимии, к.с.-х.н. Колмаков Г.П. В последующем под руководством д.с.-х.н. В.Б. Бохива были заложены стационары по системе обработки почвы (1972 г.), по системе севооборотов (1981 г.) и характеру использования пашни (1984). Результаты исследований явились базой зональных, адаптивно-ландшафтных систем земледелия и ведения агропромышленного комплекса Республики Бурятия. Агрохимический стационар функционирует в настоящее время и является особой интеллектуальной собственностью института поскольку является единственным в мире для аридных условий сухой степи с обширной базой данной по дальнейшей цифровизации земледелия республики. Активное участие в разработке методологических основ закладки и полувекowego методического ру-

ководства за проведением длительного стационарного опыта с удобрениями на каштановых почвах Забайкалья принимает участие академик Г.П. Гамзиков.

Важным и перспективным направлением научных исследований в Республике Бурятия, с ее животноводческим направлением сельскохозяйственного производства, являются способы комплексного управления продукционными и средообразующими процессами перспективных агроэкосистем, обеспечивающими эффективное использование биологических и антропогенных ресурсов для увеличения производства высококачественных кормов и сохранения окружающей среды. По вопросам эффективного использования орошаемых сенокосов, их поверхностному и коренному улучшению плодотворно трудились на Онохойской мелиоративной опытной станции Хребтов Н.С., по вопросам технологии выращивания овощей и их семеноводства — Корнеев И.Д. В дальнейшем кандидаты наук Соболев П.Г., Башинов М.Н. совместно с сотрудниками лаборатории лугопастбищного хозяйства разработали технологию использования естественных кормовых угодий в системе их коренного и поверхностного улучшения, использования под ДКП для КРС и овец, улучшения суходольных овечьих пастбищ и другие технологические приемы. Практические приемы повышения продуктивности пашни в полевом кормопроизводстве по результатам многолетних исследований разработаны и обобщены д.с.-х.н. А.М. Емельяновым.

Серьезный научный задел в вопросах совершенствования ведения мясного скотоводства и табунного коневодства, по дальнейшему увеличению производства экологически чистой говядины на основе разведения животных специализированных мясных пород, по технологии производства говядины в молочном скотоводстве, позволяющей получать в опытно-производственном хозяйстве «Байкаль-

ское» животных в возрасте 16-18 месяцев живой массой 450-500 кг проведен Николаевым Б.И., Цырендоржиевым Ц.Д., и др.

К выдающимся, отвечающим мировому уровню, относится разработка сотрудников лаборатории ветеринарии под руководством д.с.-х.н. Муруева А.В. по биотехнологическому методу трансплантации эмбрионов с ценным генотипом в овцеводстве. Эта разработка позволяет успешно проводить селекционную работу и размножение нужного генотипа и в тонкорунном, и в грубошерстном, и в любом другом породном овцеводстве.

Известность и широкое практическое применение в республике получила запатентованная система машин для малых животноводческих ферм, разработанная сотрудниками лаборатории механизации и электрификации сельского хозяйства, включающая комплекс машин для механизации тяжелого ручного труда в овцеводстве.

Организатором и первым директором Бурятского научно-исследовательского института сельского хозяйства был выдающийся общественный, политический и государственный деятель республики, организатор науки и сельскохозяйственного производства, кандидат ветеринарных наук, заслуженный ветеринарный врач республики Бурятия Барьядаев К.Л. Его работа директором Бурятской ГСХОС и руководителем Бурятского КНИО СибНИПТИЖ, а затем и Бурятского НИИСХ СО ВАСХНИЛ (1967-1983 гг.), организованного его усилиями на базе двух названных НИУ, оставила глубокий след в аграрной науке республики. Ее лучшие годы, ознаменованные становлением и развитием науки и производства, укреплением материально-технической базы, успехи в научно-исследовательской работе, закладка длительных мониторинговых стационаров по земледелию и агрохимии, расцвет селекции новых сортов зерновых культур и многолетних трав — все это неразрывно связано с именем

первого руководителя института — Константина Лаврентьевича Барьядаева.

С 1984 г. по 2003 г. институтом руководил доктор сельскохозяйственных наук, профессор Николаев Базыр Иннокентьевич, заслуженный зоотехник Российской Федерации и Республики Бурятия, заслуженный деятель науки Республики Бурятия.

С 2004 г. по 2013 г. директором института был доктор ветеринарных наук, профессор, заслуженный ветеринарный врач Республики Бурятия Санданов Чимитдоржи Мункуевич.

С декабря 2013 года и по настоящее время институт возглавляет член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Бурятия Будажапов Лубсан-Зонды Владимирович. Им за этот небольшой промежуток времени реализована серия научных и финансовых проектов, сформирован новый и перспективный коллектив единомышленников, ученых и практиков, определены ключевые приоритеты развития и совершенствования аграрной науки Бурятии в тесном взаимодействии с научными и правительственными организациями как на межрегиональном и федеральном уровне, так и международном.

Сегодня, коллектив Бурятского НИИСХ встречает свой 90-летний юбилей с осознанием немеркнущего величия славной истории старшего поколения ученых-аграрников и большой степени ответственности за будущие свершения бурятской сельскохозяйственной науки!!!

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗА М.Н. ТУХАЧЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНО

MYTHOLOGIZATION OF THE IMAGE M.N. TUKHACHEVSKY IN MODERN DOCUMENTARY DOMESTIC FILMS

Ирина Владимировна Федотова – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, e-mail: ivputintseva@mail.ru. Исторический архив Омской области РФ, 644043, г. Омск, ул. Красный Путь, 153/4.

Irina Vladimirovna Fedotova – leading archivist of the Center for the Study History of the Civil War of the Historical Archive of the Omsk Region, e-mail: ivputintseva@mail.ru. Historical archive of the Omsk region RF, 644043, Omsk, st. Red Way, 153/4

Личность видного советского военного деятеля Михаила Николаевича Тухачевского вызывает огромный интерес и дискуссионные оценки у отечественных и зарубежных историков, публицистов, писателей [10; 18, 24]. При этом образ Тухачевского в «публичном пространстве» трансформируется в зависимости от политической обстановки (объявление «врагом народа» в 1937 г., реабилитация в 1957 г.), смены идеологии и парадигм в историческом знании. Мы согласимся с мнением В.И. Маркова, что именно образ, а не научный портрет исторического деятеля играет реальную роль в культурной системе, т.к. образ личностей, эмоционален и воздействует на бессознательную сферу ментальности. Поэтому образ, кроме научного уровня (отметим, что наука также создает определенный образ в исторической памяти), трансформируется в публицистику и в художественную деятельность. Язык образности более понятен, метафоричен, ярок и может запоминаться на всю жизнь [16, с. 60]. Ярким примером сказанного является то, что в постсоветское время сложился некий весьма далекий от реальности образ Тухачевского, основанный на наборе мифологем, которые широко внедрились в массовое культурно-историческое сознание россиян. Некоторые клишированные представления о «красном маршале» пришли в современную российскую культуру

из эмигрантской среды, в которой бытовали с 1920-х гг. Цель настоящего исследования – рассмотреть, как данные мифы отражаются в некоторых современных документальных фильмах о Тухачевском и как они конструируют его образ в данный исторический момент. Уточним, что за последние два десятилетия вышло множество фильмов, в которых полностью или частично воссоздается биография М.Н. Тухачевского. Поэтому обратимся лишь к самым характерным лентам, анализируя их в порядке выхода на экраны.

«1921 год. Михаил Тухачевский» из цикла документальных передач «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» (Канал «Россия», 2004). В первую очередь, надо отметить, что закадровый текст содержит много информации, взятой из воспоминаний эмигранта, бывшего офицера белой армии В.Н. Посторонкина [22, с. 88–90]. Данные мемуары, как содержащие ошибки и неточности, нельзя использовать при реконструкции событий из биографии Тухачевского. Посторонкин называет датой пленения Тухачевского ночь с 20 на 21 февраля 1915 г., хотя оно произошло 19 февраля, или пишет, что Тухачевский служил в 6 роте Семёновского полка под командованием Ф.А. Веселаго, но он до пленения служил в 7 роте этого полка [17, с. 467]. Посторонкин упоминает о ранении Тухачевско-

Аннотация. В настоящей работе содержится эмпирическое исследование совокупности современных представлений о личности видного советского военного деятеля М.Н. Тухачевского в массовой исторической памяти. Данное исследование выполнено на анализе материалов из подборки отечественных художественно-документальных фильмов, вышедших на телевизионные экраны страны в 2000-е – 2010-е гг. С помощью источниковедческого и сравнительно-исторических методов проведено выявление ошибок и неточностей, допущенных сценаристами при реконструкции событий биографии «красного маршала» как в закадрово-текстовой, так и в игровой составляющих данных лент, а также в интервью со специалистами, приглашенными для участия в фильмах. Актуальность проведенного исследования связана с мифологизацией образа М.Н. Тухачевского, начавшейся с момента его появления в историческом пространстве и активно продолжающейся в наши дни. Автором предлагаемой статьи выделены наиболее «популярные» при конструировании его исторического образа мифы, часть из которых возникла еще во время жизни маршала. При помощи документальных источников и исследований историков доказывается, что многие мифы о М.Н. Тухачевском оказываются весьма далеки от реальной исторической действительности. Но в итоге именно они, а не исторически правдивая информация, формируют образ полководца. На примере биографии Тухачевского показывается, как с помощью телевидения – одного из видов массовой информации – происходит управление исторической памятью общества. Выявленные мифологемы подтверждают важность борьбы с фальсификациями в истории, спекуляцией знаниями о прошлом, что является важной задачей, стоящей перед российской исторической наукой на современном этапе.

Ключевые слова: М.Н. Тухачевский, исторические мифы, массовое сознание, историческая память, коллективная память, документальное кино, российское телевидение.

го 5 ноября 1914 г. Но тот ранен не был, о чем и писал в анкете¹. Трудно определить, кто скрывался за фамилией «Посторонкин». С.С. Войтиков высказал предположение, что это был некий В.Н. Пасторкин, автор биографии М.А. Муравьева, командующего войсками Восточного фронта, который поднял антибольшевистский мятеж в Симбирске 10-11 июля 1918 г. [5, с. 545]. В ходе мятежа М.Н. Тухачевский был арестован, М.А. Муравьев собирался его расстрелять.

В фильме Сванидзе повторяется миф о Тухачевском как о «нарушителе офицерского слова» при побеге из плена, родившийся еще в белоэмигрантской среде [9, с. 61] Говорится о якобы осуждении этого поступка Ш. де Голлем. Не вспоминаются удачные военные операции Тухачевского в 1918–1919 гг., что помогает конструировать миф о «бездарном полководце». В искаженном виде предстает и подавление «антоновщины» в 1921 г. «Тухачевский указывал, что при проведении химических операций необходимо озаботиться спасением скота, находящегося в зоне действия газа». Информация подается так, что больше заботились о скоте, чем о крестьянах. Не озвучивается, что приказ о применении газов был направлен против повстанцев, а не мирных жителей, которых планировалось оповещать об использовании газов заранее [2, с. 401, 406]. В фильме поясняется, что химические атаки не привели к человеческим жертвам. Однако, при этом у зрителя может сложиться впечатление, что «советская власть была установлена повсеместно» благодаря применению именно химического оружия. Сванидзе подчеркивает, что «подавление крестьянского восстания в Тамбовской губернии — наивысшая (выделено нами — И.Ф.) и последняя точка практической военной деятельности талантливого и образованного военачальника Тухачевского», таким образом, не затрагивая всю военно-административную и военно-научную

деятельность Тухачевского после Гражданской войны. Демонстрируются кадры из фильма 1920-х гг., атрибутируемые как учения частей РККА в связи с предстоящим использованием отравляющих газов при подавлении крестьянских восстаний, хотя это кадры из учебного фильма более позднего времени, посвященного противохимической обороне. В ленте присутствует ряд условностей, не имевших места при реальных газобалонных атаках [30, с. 384], которых и не было на Тамбовщине. Повторяется ставшее распространенным представление, что участие в подавлении антисоветских восстаний являлось своеобразной «реабилитацией» Тухачевского за поражение в Советско-польской войне. В свете сказанного выше, становится понятным, почему Н.К. Сванидзе выбрал в качестве «человека 1921 года» именно Тухачевского.

«Самарские судьбы» (Телерадиокомпания «РИО», 2006 г., руководитель проекта — В. Добрусин, режиссер А. Пекер). Фильм рисует Тухачевского исключительно в «черном» цвете: «безжалостный организатор расправы с плохо вооруженными тамбовскими мужиками», «женщин и детей травил газом, впервые в мировой истории», «организовал массовое убийство пленных кронштадтских матросов», и даже якобы «санкционировал расстрел Колчака» (из интервью А. Завивального, главы Самарской областной библиотеки). Зрителю показывают фотографию 1933 г. со встречи М.Н. Тухачевского, А.М. Горького и А.С. Бубнова с посетителями выставки «Художники РСФСР за 15 лет» [32, с. 229], выдавая ее за фото якобы «из зала суда» во время «процесса военных» 11 июня 1937 г., подобная ошибка встречается и в литературе [25, б/стр., ил. во вкладке].

«Первая скрипка армии [маршал Тухачевский]» (ТВЦ), из серии «ЖЗЛ», «Генералы», 2007 г. Режиссер В. Демаков, сценарий В. Самсонова и Л. Якунина. Этот фильм, наверное, удерживает

Annotation. This work contains an empirical study of the totality of modern ideas about the personality of the prominent Soviet military leader M.N. Tukhachevsky in mass historical memory. This study was carried out on the analysis of materials from a selection of some documentary films that were released on television screens in the country in the 2000s – 2010s. With the help of source research and comparative historical methods, errors and inaccuracies made by the scriptwriters were identified during the reconstruction of the events of the biography of the «red marshal» both in the voiceover and in the game components of these tapes, as well as in interviews with specialists invited to participate in the films. The relevance of the study is associated with the mythologization of the image of M.N. Tukhachevsky, which began from the moment of his appearance in the historical space and is actively continuing today. The author of this article singles out the most «popular» myths when constructing his historical image, some of which arose during the life of the marshal. With the help of documentary sources and research by historians, it is proved that many myths about M.N. Tukhachevsky are very far from real historical reality. But in the end, it is they, and not historically true information, that form the image of the commander. Using the biography of Tukhachevsky as an example, it is shown how the historical memory of society is managed with the help of television, one of the types of mass media. The revealed mythologemes confirm the importance of combating falsifications in history, speculation with knowledge about the past, which is an important task facing Russian historical science at the present stage.

Keywords: M.N. Tukhachevsky, historical myths, mass consciousness, historical memory, collective memory, documentary films, Russian television.

«пальму первенства» по количеству допущенных фактических ошибок, что превращает его в далекие от реальности «вариации на тему» биографии Тухачевского. Много внимания уделено его побегу из крепости Ингольштадт в 1917 г. При этом вся приведенная информация довольно фантастична:

1. после его побега «в наказание» расстреляно шесть человек, «как всегда практиковалось в лагере»;

2. во время побега выдавал себя за Ш. де Голля;

¹ Анкета Командующего войсками Запфронта М.Н. Тухачевского. 1921. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 13.

3. не стал встречаться с русским послом во Франции А.А. Игнатьевым, после того как тот, якобы, заподозрил неладное в обстоятельствах побега. Хотя хорошо известна записка А.А. Игнатьева от 12 октября 1917 г. своему коллеге в Великобритании Н.С. Ермолову с просьбой оказать Тухачевскому содействие в возвращении на Родину [8, с. 16].

Факты искажены и в других эпизодах. Например, известно, что встреча с М.Н. Тухачевского с другом детства Н.Н. Кулябко, рекомендовавшего Тухачевского в ВКП(б), произошла весной 1918 г., после долгой разлуки [14, с. 28]. Создатели фильма почему-то переносят эту встречу на октябрь 1917 г. (якобы патруль солдат под руководством Кулябко арестовал Тухачевского, приехавшего в Петроград). После побега из плена Тухачевский провел короткий отпуск не в имении Александровском (Смоленская губерния), которое уже не принадлежало его семье, а во Вражском (Пензенская губерния). Авторы путают членов семьи Тухачевских: младшая сестра Ольга Николаевна названа старшей сестрой, хотя старшей сестрой являлась Надежда Николаевна Тухачевская, умершая в 1914 г. М.Н. Тухачевский назван «креатурой» Л.Д. Троцкого, хотя известно, что последний хотел снять Тухачевского весной 1919 г. с поста командующего 5-й Армией из-за конфликта с командующим Восточным фронтом И.И. Вацетисом. У Тухачевского и Троцкого наблюдались и другие столкновения, связанные с различными взглядами на строительство Красной Армии после Гражданской войны [17, с. 333]. Допускаются высказывания: «Взятие Симбирска было проведено случайно», «Троцкий просил выступить Тухачевского с докладом «Стратегия национальная и классовая» (на самом деле, предложение исходило от В.И. Ленина). Историк Н. Елисеева утверждает, что «громких побед за ним, конечно, не было», не вспоминая о Златоустовской, Челябинской, Омской

и других операциях. Подавление Кронштадтского восстания и «антоновщины» опять же, рассматривается, как реабилитация за Советско-польскую войну. Тухачевский назван «профессиональным карателем», снова вспоминается об «отравляющих газах» и о «спасении скота вместо людей» при этом.

Есть неточности и в более мелких деталях. Например, сказано, что Тухачевский «летом 1923 г. впервые за пять лет получил отпуск», или же заявляется, «что в доме (на даче) Тухачевских действовало правило — «не говорить о политике, реформе Красной армии, международных делах», что противоречит мемуарным свидетельствам [6, 1979; 12, с. 71]. В фильме допущена грубая ошибка — 1926 г. упоминается как год смерти М.В. Фрунзе, с комментарием: «В 1926 г. революционная власть впервые отказала Тухачевскому в доверии». Поясним, что здесь описывается назначение К.Е. Ворошилова народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР. На это место, по мнению авторов фильма, претендовал Тухачевский, хотя он предлагал назначить на освободившийся пост Г.К. Орджоникидзе [26, с. 170]. Мотивом, побуждающим Тухачевского предлагать реформирование РККА, авторы фильма считают желание «обратить на себя внимание», итогом чего стали «завиральные» идеи. Таким образом, зрителю предложен распространённый миф о производстве «ста тысяч танков в год в мирное время» (впервые он встречается в одной из статей в эпоху Перестройки [23, с. 49]; опровержение данного мифа можно найти в работе Н.И. Шило и А.В. Глушко [30, с. 30]). Отмечается, что Тухачевский позиционировал Польшу как наиболее вероятного противника СССР в будущей войне, хотя он считал таковой гитлеровскую Германию [28; 12, с. 76] (в 1935 г. — Германию в союзе с Польшей²). Весьма «оригинальной» представляется версия, согласно

которой Сталин предложил Тухачевскому в мае 1937 г. провести чистку среди генералитета, и, когда тот отказался, решил его судьбу. Утверждается, что в 1960-е гг. и позднее в биографии Тухачевского замалчивалась неудачная Советско-Польская война и участие в подавлении антисоветских восстаний 1921 г., что не соответствует действительности [8; 11, 19, 21, 27].

Авторы фильма приходят к выводу, что создан (правда, непонятно, когда и кем) «миф о великом полководце, который не смог реализовать себя вне власти». В целом, Тухачевский предстает в крайне негативном образе, как карьерист, палач, воевавший против собственного народа, бездарный полководец, прожектер.

«Михаил Тухачевский» из серии «Гении и злодеи уходящей эпохи» (Первый канал, 2009, автор сценария Т. Сухоцкая, режиссер Ю. Маврина, руководитель — Л. Николаев). В начале фильма сразу же постулируется, что Тухачевский «был злодеем, а гением не был». Преувеличивается его «карательная» роль в подавлении восстаний 1921 г. Допускаются неточности в изложении событий из биографии. Например, выступлениям Тухачевского 1921 г. приписываются высказывания из выступлений более поздних лет (причем на фоне кадров из кинохроники 1930-х гг.), неправильно указана дата смерти первой жены М.В. Игнатьевой. К достоинствам фильма можно отнести его интересные «игровые» моменты. Показана роль Тухачевского в строительстве РККА. Внимание зрителей акцентируется на том, что именно в Ленинградском военном округе в бытность командования им Тухачевским (1928–1931 гг.) были проведены тактические учения с применением воздушного десанта. Приводится информация, что Тухачевский поддержал начинания авиационного конструктора А.М. Черёмухина, создавшего первый советский вертолет. «План поражения», написанный маршалом

на Лубянке, рассматривается как его своеобразное предсмертное предупреждение и руководство, как надо действовать в будущей войне с Германией. Вывод фильма: расстрел М.Н. Тухачевского привел «к обезглавливанию самой мощной армии».

«Советские биографии. Михаил Тухачевский» (НТВ, 2009 г., автор сценария Д. Воронцов, режиссер С. Краус). Цель фильма была заявлена как объективный показ биографии маршала. Фильм содержит интервью Ю.З. Кантор, Т.Н. Осиной и других историков. Выдвинута идея, что «пока Тухачевский служил законной и гуманной власти, его поступки оставались безупречными». В целом, дореволюционная биография представлена без грубых искажений. Фильм в этой части базируется на работах биографа «красного маршала» Ю.З. Кантор. Но имеются намеки на «туманные обстоятельства» побега из германского плена. Я.И. Листов утверждает, что «стремительный взлет М.Н. Тухачевского [после революции] трудно объяснить». Зрителей исподволь подводят к мнению, что «те же силы, которые помогли осуществить побег, способствовали и быстрой военной карьере командарма», т.е. возникают отсылки к различным «теориям заговора». Говорится, что Тухачевский перешел на службу к «царевубийцам и мировой революции», «был толстокожим», безжалостным, «креатурой» Троцкого, «прапорщиком», ставший маршалом, вот и все». Видеоряд подобран так, что рассказ о событиях 1918 г. сопровождается кадрами с учений 1936 г. Достоинствами ленты можно считать упоминание Златоустовской операции июня 1919 г., разработанной Тухачевским, и достаточно объективное освещение причин поражения советской армии в войне против Польши в 1920 г. Естественно, упоминается приказ о применении газов против «антоновцев». Также Я.И. Листов считает Тухачевского автором дела «Весна», обвиняя его в уничтожении старого офицерства. Не рассматривается подробно «дело Тухачевского» 1937 г.

«Красный Бонапарт: Тайная война маршала Тухачевского» (ЗАО ИД «Комсомольская правда», 2012 г. Автор сценария и продюсер Д. Генкин). Часть фильма отведена интервью Е.А. Прудниковой, категорично утверждающей, что показания перед процессом военных в 1937 г. не были выбиты под пытками (называет «враньем Хрущёва», игнорируя материалы экспертизы начала 2000-х гг., подтверждающие, что показания получены путем «физического воздействия» [13, с. 375–388]), и А.И. Колпакиди. Основной постулат фильма — «Заговор был!» повторяет версию, изложенную в многочисленных книгах названных публицистов. Высказано мнение, что в СССР с 1932 г. сложился «клубок заговоров» с целью смены руководства страны — налицо «неосталинская» версия оправдания репрессий 1930-х гг., распространившаяся в 2000-е гг.

«Ворошилов против Тухачевского. Маршал на заклинание» (TV Center, ООО «ЦЛ Кириллица», 2015 г., автор сценария В. Карпова, режиссер Р. Корниенко). Содержит интервью Н.А. Тухачевского, внучатого племянника маршала, а также Ю.З. Кантор, Б.В. Соколова, И.С. Ратьковского, Я.И. Листова. Б.В. Соколов традиционно рассуждает о «наполеоновских амбициях» М.Н. Тухачевского. Вновь неверно описаны события, произошедшие с Тухачевским в плену: на сей раз говорится, что он помог бежать Ш. де Голлю (на самом деле — Г. де Мейзеру [3, с. 23–24]). Есть ошибки и в «игровых» моментах фильма — показано, как Тухачевский пишет свою знаменитую работу «Поход за Вислу» в маршальской форме, хотя эта книга была напечатана в 1923 г., за 12 лет до введения звания Маршала Советского Союза. Создатели фильма не обошли вниманием и подавление восстания на Тамбовщине, вводя знакомый мотив реванша за Советско-польскую войну. В ленту включено интервью режиссера художественного фильма «Жила-была одна баба» А.С. Смирнова, рассуждающего о жестокостях во время подавления

«антоновщины». Но был приглашен и писатель В.Л. Гончаров, отметивший, что приказы о применении газов являлись не более чем пропагандистским ходом, «газы использовались как информационное оружие». В фильме имеются неточности: в описании событий 1928 г. Тухачевский назван заместителем народного комиссара по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилова, но он был в то время начальником штаба РККА. Б.В. Соколов вновь рассказывает о якобы «прожектах» иметь 100 тысяч танков-тракторов и 40 тысяч самолетов в мирное время. К достоверным моментам в фильме можно отнести рассказ о методах давления, «физического воздействия» на маршала во время следствия, информацию о роли Ворошилова в репрессиях против высшего командного состава РККА. Авторы фильма резюмируют: «Человеку с умом и талантом обыграть диктатуру невозможно, как не старайся...».

Демонизация образа Тухачевского, начатая еще Сталиным [17, с. 115–117] нашла отражение в фильме «Исторический поединок. «Демон» в Кремле: заговор Тухачевского против Сталина» (телеканал «Царьград», 2018 г.). Показательны фильмы с «говорящими» названиями-мифологемами: Н.В. Старикова «Тухачевский-предатель» и А.И. Колпакиди «Заговор Тухачевского».

Образ М.Н. Тухачевского становится центральным и в фильме о судьбе его дочери «Светлана Тухачевская. Дочь Красного Бонапарта» из цикла «Кремлевские дети». (НТВ, автор О. Дёмина, режиссер-постановщик С. Краус, 2008 г.). Данная работа содержит множество «мифологичного» контента. А.Б. Широкоград утверждает, что Тухачевский приписал себе награды, на самом деле реально полученные им в боях 1914 г. [29, с. 91–92]. Я.И. Листов полунамеками конструирует миф о вербовке Тухачевского во время одной из попыток побега. Журналист и телеведущий С.Л. Ломакин рассказывает, как Тухачевский якобы «с умением и рвением умел подавлять народные волнения и возмущения... и подавлял беспо-

2 Докладная записка заместителя наркома обороны СССР М.Н. Тухачевского наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову о стратегическом плане войны на Западе. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 400. Л. 227. URL: <https://www.prlib.ru/item/1297270> (дата обращения — 23.12.2021).

щадно, варварскими способами, отравляющими газами...». А.Б. Широкоград отмечает, что при этом жертв не было, но ставит данное обстоятельство в вину Тухачевскому, обвиняя его в неумении пользоваться химическим оружием. Также Широкоград повторяет тезисы из своих книг о негативном влиянии Тухачевского на развитие отечественного вооружения в 1930-е гг. [31]. Ю.Н. Жуков говорит, что Тухачевский предлагал создавать воздушно-десантные войска, когда у нас еще не было авиации, что не соответствует действительности [1]. Авторы фильма сочувственно относятся к негативным отзывам о Тухачевском, вероятно, считая их объективной оценкой деятельности. Мифологизируется и биография Светланы Михайловны Тухачевской — описан эпизод, когда к ней подошла некая женщина и сообщила, будто несчастья, постигшие ее семью — расплата за подавление отцом восстания на Тамбовщине.

Перечислим фильмы, которые дают более объективную оценку деятельности М.Н. Тухачевского. В фильме «Штурман» (автор сценария и режиссер Б. Моргунов, 2006 г., ЗАО «Народное кино») рассказывается о создателе советской радиолокации академике А.И. Берге, которому оказывал содействие Тухачевский. Опровергается миф о том, что Тухачевский поддерживал авантюрные проекты «недоучек» и «дилетантов». Фильм «Тухачевский — Ворошилов» из цикла «Всемирная история предательств» (ТВ-центр, 2008 г., режиссеры-постановщики — Е. Григорьев, С. Борисенко, ведущий — И. Петренко) посвящен взглядам Тухачевского на строительство Красной Армии, при этом отмечается, что он «смотрел намного дальше, чем Ворошилов...». Попытки непредвзятого рассмотрения причин поражения под Варшавой в 1920 г. присутствуют в фильме «Чудо на Висле, или Тухачевский против Пилсудского» (TV Center, 2010 г., автор — Л. Млечин, режиссер-постановщик И. Максимчук). Лента «Мы отточим им клинки. Драма военспецов» (Fresh Film, 2011 г., автор сценария А. Чупов, режиссеры К. Игнатов, В. Кильчевская, А. Чернов) содержит

интервью историков А.В. Ганина, А.А. Здановича, С.С. Войтикова. «Дело Тухачевского» представлено как один из актов репрессий против военных специалистов в 1930-е гг.

Таким образом, в современных документальных фильмах Тухачевский предстает как «безжалостный карьерист»; распространяется миф о «добровольной сдаче в плен» и туманных обстоятельствах побега из него; первые успехи Тухачевского связываются с именем Троцкого. Тухачевский изображается как «бездарный полководец»; «каратель, палач кронштадтских матросов и тамбовских крестьян». При этом прочно укоренилось представление о «массовом применении газов против мирного населения при подавлении «антоновщины». Также Тухачевского рисуют «губителем» офицеров-генштабистов. Распространен миф об идее производства «ста тысяч танков в год в мирное время», якобы предложенной Тухачевским, о «разбазаривании государственных денег на сомнительные проекты», о его «пронемецкой позиции», организации заговора, шпионажа — т.е. налицо возвращение к обвинениям, предъявленным ему в 1937 г.

Обратная сторона подобного мифотворчества заключается в том, чтобы не показывать роль Тухачевского в техническом перевооружении РККА, развитии новых видов и родов войск, в создании первого в мире Реактивного научно-исследовательского института [7, с. 154]. Наблюдается и пренебрежительное отношение к военно-научному наследию М.Н. Тухачевского, ему приписывается «шапкозакидательство», непризнание роли обороны, не учитывается эволюция взглядов автора. Все положительное, написанное о М.Н. Тухачевском после реабилитации, объявляется «хрущёвскими (или перестроечными) сказками». Несмотря на то, что в фильмах зачастую приглашаются биографы М.Н. Тухачевского, допускаются грубые ошибки и искажение информации. Отметим, что такая ситуация вполне характерна для современного мифотворчества о Тухачевском и дополняет его. Используются как старые «мифы»,

сложившиеся еще в 1920-е гг., так и новые, появившиеся в постсоветский период. Все они становятся востребованными из-за не критического восприятия множества лиц, далеких от исторической науки.

По мнению Л.Н. Мазур, средства массовой информации, и особенно кинематограф (сочетающий как черты искусства, так и СМИ), обладают кодирующим эффектом, что дает возможность манипулирования исторической памятью. В XX в., отмечает исследовательница, естественные механизмы формирования исторической памяти постепенно замещаются искусственными, что позволяет рассматривать ее как объект управления [15, 248–249]. Эти тенденции перешли и в XXI в. Но далеко не каждый образ прошлого способен превратиться в «исторический миф». Чтобы подняться на уровень мифа, он должен соотноситься с имеющимися в общественном сознании архетипами [15, 249–250]. Образ Тухачевского соотносится с архетипами, имеющими «отрицательный знак», например, как его деятельность в подавлении «антоновщины» выступает нарративным маркером красного террора [4, с. 37]. Возникает ситуация, на наш взгляд, обратная современному мифотворчеству о другом видном деятеле российской истории XX в. А.В. Колчаке, представление о котором сегодня в общественном сознании идеализированное и упрощенное, полностью противоположное его негативному образу, сложившемуся в советские годы [20, с. 10]. Тенденция «ухода в крайности» характерна и для современного конструирования образа Тухачевского. Представление о нем в массовом сознании также упрощается, но создается негативный, написанный «черными красками» образ, противоположный несколько идеализированному образу советского периода. Выявленные в исследовании мифологемы и их отрицательная роль в показе реальных исторических событий подтверждают важность борьбы с фальсификациями в истории, что составляет важную задачу, стоящую перед российской исторической наукой на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алёхин Р.В. Воздушно-десантные войска: история российского десанта М.: Эксмо, 2009. 416 с.
2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания, Тамбов: Государственный архив Тамбовской области и др., 2007, 800 с.
3. Благодатов А.В. Плен и побег // Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965. С. 22–25.
4. Бубнов А.Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. №6. С.29–43.
5. Войтиков С.С. Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М.: Центрполиграф, 2016. 784 с.
6. Волков С.М. Свидетельство. Воспоминания Дмитрия Шостаковича. 1979. URL: https://royallib.com/read/volkov_solomon/svidetelstvo_vospominaniya_dmitriya_shostakovicha.html#538913 (дата обращения: 15.12.2021).
7. Глушко А.В. «Неизвестный Лангемак. Конструктор «Катюш» [к 115-летию со дня рождения Г.Э. Лангемака]. М.: Яуза, Эксмо, 2012. 512 с.
8. Горелик Я.М. Маршал М.Н. Тухачевский. Саратов: приволжское книжное издательство (Пензенское отделение). 1986. 104 с.
9. Гуль Р.Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. Венков А.В. Буденный. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 384 с.
10. Дороничев В.А. М.Н. Тухачевский: историографический очерк // Проблемы источниковедения и историографии: Сборник научных трудов. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта. 2006. Вып. 4. С. 85–94.
11. Иванов В.М. Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1990. 320 с.
12. Иссерсон Г.С. Записки современника о М.Н. Тухачевском. Военно-исторический журнал. 1963. №4. С. 64–78.
13. Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издательский дом «Огонек»; Время, 2005. 576 с.
14. Кулябко Н.Н. Я рекомендовал его в партию // Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965. С. 26–30.
15. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
16. Марков В.И. Формирование образа исторического деятеля в культуре: методологические заметки // Вестник культуры и искусств. 2016. № 4 (48). С. 59–64.
17. Минаков С.Т. Заговор «красных маршалов»: Тухачевский против Сталина. М.: Алгоритм, 2016. 526 с.
18. Назаренко К.Б. Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой // Новейшая история России. СПб. 2015. № 3. С. 55–68.
19. Никулин Л.В. Тухачевский: Биограф. Очерк. М.: Воениздат, 1963. 198 с.
20. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.
21. Попов А.С. Труд, талант, доблесть (О М.Н. Тухачевском). М.: Политиздат, 1972. 111 с.
22. Посторонкин В.Н. Тухачевский

- Издательство РГУ им. И. Канта. 2006. Вып. 4. С. 85–94.
- Иванов В.М. Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1990. 320 с.
- Иссерсон Г.С. Записки современника о М.Н. Тухачевском. Военно-исторический журнал. 1963. №4. С. 64–78.
- Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издательский дом «Огонек»; Время, 2005. 576 с.
- Кулябко Н.Н. Я рекомендовал его в партию // Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965. С. 26–30.
- Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
- Марков В.И. Формирование образа исторического деятеля в культуре: методологические заметки // Вестник культуры и искусств. 2016. № 4 (48). С. 59–64.
- Минаков С.Т. Заговор «красных маршалов»: Тухачевский против Сталина. М.: Алгоритм, 2016. 526 с.
- Назаренко К.Б. Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой // Новейшая история России. СПб. 2015. № 3. С. 55–68.
- Никулин Л.В. Тухачевский: Биограф. Очерк. М.: Воениздат, 1963. 198 с.
- Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.
- Попов А.С. Труд, талант, доблесть (О М.Н. Тухачевском). М.: Политиздат, 1972. 111 с.
- Посторонкин В.Н. Тухачевский

REFERENCES

1. Alyohin R.V. *Vozdushno-desantnye vojska: istoriya rossijskogo desanta* M.: Eksmo, 2009. 416 s.
2. «Antonovshchina». *Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoj oblasti v 1920–1921 gg.: Dokumenty, materialy, vospominaniya*, Tambov: Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti i dr., 2007, 800 s.
3. Blagodatov A.V. *Plen i pobeg // Marshal Tuhachevskij. Vospominaniya druzej i soratnikov*. M.: Voenizdat, 1965. S. 22–25.
4. Bubnov A.Yu. «Grazhdanskaya vojna pamyati»: konstruirovaniye narrativov o grazhdanskoj vojne v Rossii v onlajn-diskussii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2019. №6. С.29–43.
5. Vojtikov S.S. *Armija i vlast'. Kornilov, Vacetis, Tuhachevskij. 1905–1937*. M.: Centrpoligraf, 2016. 784 s.
6. Volkov S.M. *Svidetel'stvo. Vospominaniya Dmitriya Shostakovicha*. 1979. URL: https://royallib.com/read/volkov_solomon/svidetelstvo_vospominaniya_dmitriya_shostakovicha.html#538913 (data obrashcheniya: 15.12.2021).
7. Glushko A.V. «Neizvestnyj Langemak. Konstruktor «Katyush» [k 115-letiyu so dnya rozhdeniya G.E. Langemaka]. M.: YAuza, Eksmo, 2012. 512 s.
8. Gorelik Ya.M. *Marshal M.N. Tuhachevskij. Saratov: privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo (Penzenskoe otdelenie)*. 1986. 104 s.
9. Gul' R.B. *Krasnye marshaly: Tuhachevskij, Voroshilov, Blukher, Kotsovskij. Venkov A.V. Budennyj. Rostov n/D: Feniks, 1998. 384 s.*
10. Doronichev V.A. *M.N. Tuhachevskij: istoriograficheskiy ocherk // Problemy istochnikovedeniya i istoriografii: Sbornik nauchnykh trudov*. Kaliningrad: Izdatel'stvo RGU im. I. Kanta. 2006. Vyp. 4. S. 85–94.
11. Ivanov V.M. *Marshal M.N. Tuhachevskij. 2-e izd., ispr. i dop.* M.: Voenizdat, 1990. 320 s.
12. Isserson G.S. *Zapiski sovremennika o M.N. Tuhachevskom*. *Voенно-исторический журнал*. 1963. №4. С. 64–78.
13. Kantor Yu.Z. *Voina i mir Mikhaila Tuhachevskogo*. M.: Izdatel'skiy dom «Ogonek»; Vremya, 2005. 576 s.
14. Kulyabko N.N. *Ya rekomendoval ego v partiю // Marshal Tuhachevskij. Vospominaniya druzej i soratnikov*. M.: Voenizdat, 1965. S. 26–30.
15. Mazur L.N. *Obraz proshlogo: formirovaniye istoricheskoy pamyati // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
16. Markov V.I. *Formirovaniye obraza istoricheskogo deyat'el'ya v kul'ture: metodologicheskiye zametki // Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2016. № 4 (48). С. 59–64.
17. Minaikov S.T. *Zagovor «krasnykh marshalov»: Tuhachevskiy protiv Stalina*. M.: Algoritm, 2016. 526 s.
18. Nazarenko K.B. *Mikhail Nikolaevich Tuhachevskiy: mezhdu mifami i istoricheskoy naukoj // Novейshaya istoriya Rossii*. SPb. 2015. № 3. С. 55–68.
19. Nikulin L.V. *Tuhachevskiy: Biograf. Oчерk*. M.: Voenizdat, 1963. 198 s.
20. Petin D.I., Stelmak M.M. *Pedagogika v arhive na sluzhbe preodoleniya sovremennykh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoj vojne v Rossii // Om'skiy nauchnyy vestnik. Ser. Obщество. Istoriya. Sovremennost'*. 2018. № 3. С. 9–15.
21. Popov A.S. *Trud, talant, dobl'est' (O M.N. Tuhachevskom)*. M.: Politizdat, 1972. 111 s.
22. Postoronkin V.N. *Tuhachevskiy*

9. Gul' R.B. Krasnye marshaly: Tuhachevskij, Voroshilov, Blyuher, Kotovskij. Venkov A.V. Budennyj. Rostov n/D: Feniks, 1998. 384 s.
10. Doronichev V.A. M.N. Tuhachevskij: istoriograficheskiy ocherk // Problemy istochnikovedeniya i istoriografii: Sbornik nauchnyh trudov. Kaliningrad: Izdatel'stvo RGU im. I. Kanta. 2006. Vyp. 4. S. 85–94.
11. Ivanov V.M. Marshal M.N. Tuhachevskij. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Voenizdat, 1990. 320 s.
12. Isserson G.S. Zapiski sovremennika o M.N. Tuhachevskom. Voenno-istoricheskij zhurnal. 1963. №4. S. 64–78.
13. Kantor Yu.Z. Vojna i mir Mihaila Tuhachevskogo. M.: Izdatel'skij dom «Ogonek»; Vremya, 2005. 576 s.
14. Kulyabko N.N. YA rekomendoval ego v partiyu // Marshal Tuhachevskij. Vospominaniya družej i soratnikov. M.: Voenizdat, 1965. S. 26–30.
15. Mazur L.N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2013. № 3 (117). S. 243–256.
16. Markov V.I. Formirovanie obraza istoricheskogo deyatelya v kul'ture: metodologicheskie zametki // Vestnik kul'tury i iskusstv. 2016. № 4 (48). S. 59–64.
17. Minakov S.T. Zagovor «krasnyh marshalov»: Tuhachevskij protiv Stalina. M.: Algoritm, 2016. 526 s.
18. Nazarenko K.B. Mihail Nikolaevich Tuhachevskij: mezhdru mifami i istoricheskoy naukoj // Novejshaya istoriya Rossii. SPb. 2015. № 3. S. 55–68.
19. Nikulin L.V. Tuhachevskij: Biogr. Ocherk. M.: Voenizdat, 1963. 198 s.
20. Petin D.I., Stel'mak M.M. Pedagogika v arhive na sluzhbe preodoleniya sovremennyh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoj vojne v Rossii // Omskij nauchnyj vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2018. № 3. S. 9–15.
21. Popov A.S. Trud, talant, doblest' (O M.N. Tuhachevskom). M.: Politizdat, 1972. 111 s.
22. Postoronkin V.N. Tuhachevskij [Neizvestnoe o Tuhachevskom] // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1990. № 12. S. 88–90.
23. Serebryannikov V.V., Karnouhov V.A. Vospityvat' istorie // Voenno-istoricheskij zhurnal». 1989. № 7. S. 41–49.
24. Sinyakov A.P. I snova o Tuhachevskom. Kto zhe Vy, Krasnyj Bonapart? // Voenno-istoricheskij arhiv. 2009. №5 (113). S. 43–71; №6 (114). S. 4–65; №7 (115). S. 77–96; №8 (116). S. 56–75; №9 (117). S. 157–168.
25. Sokolov B.V., Tuhachevskij. M.: Molodaya gvardiya, 2008. 447 str. (ZHizn' zamechatel'nyh lyudej: ser. biogr.; vyp. 1304 (1104).
26. Telyatnikov I.A. Vnikaya vo vse // Marshal Tuhachevskij. Vospominaniya družej i soratnikov. M.: Voenizdat, 1965. S.162–175.
27. Todorskiy A.I. Marshal Tuhachevskij. M.: Politizdat, 1964. 93 s.
28. Tuhachevskij M.N. Voennye plany Gitlera (Rukopis' stat'i M.N. Tuhachevskogo «Voennye plany Gitlera» s pravkoj I.V. Stalina. 29 marta 1935 g.). Izvestiya CK KPSS. 1990. №1 (300). S. 161–169.
29. Shabanov V.M. V svoj polk iz plena cherez shest' granic // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1996. №5. S.90–92.
30. Shilo N.I., Glushko A.V. Marshal Tuhachevskij. Mozaika razbitogo zerkala. M.: Centrpoligraf, 2014. 716 s.
31. Shirokorad A.B. «Bol'shoj blef» Tuhachevskogo: kak perevooruzhalas' Krasnaya armiya. M.: Veche, 2014. 369 s.
32. Shchetinov Yu.V., Starkov B.A. Krasnyj marshal: istoricheskij portret Mihaila Tuhachevskogo. M.: Molodaya Gvardiya, 1990. 303 s.

УДК 94 (57)

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ?¹

IS THERE AN OFFICIAL VERSION OF THE ANNEXATION OF SIBERIA TO THE RUSSIAN STATE?

Фиксация официальных дискурсов о системообразующих событиях социально-политической истории – одна из ключевых составляющих коммуникативного оформления формальной «правительственной» историографии и ретроспективного конструирования стройной исторической линии развития существующего политического режима. Ключевые события истории непременно вписываются в общий ряд великих побед и героических завоеваний государства, его правителей и обобщенного «народа» в целом, формируя внутренне непротиворечивую «летопись» жизни того или иного политического союза. В этой «летописи» событий особо упоминаются и специфически интерпретируются одни факты и целенаправленно «за-

Сергей Андреевич Чернышов – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет, e-mail: 1502911@mail.ru РФ, 634050, г. Томск, ул. Ленина, 34.

Sergei A. Chernyshov – candidate of historical sciences, senior researcher, National Research Tomsk State University, e-mail: 1502911@mail.ru. 34 Lenina str., Tomsk, 634050, Russian Federation

бываются» другие – это непреложный закон любой официальной реконструкции исторических процессов. Исходя из этого, ключевые события отечественной истории, вписанные в общенациональный пантеон, непременно должны быть комплексно описаны и ин-

терпретированы в официальной правительственной историографии: как и почему случилось это событие, каковы его основные герои, как оно повлияло на общий ход исторического развития государства – эти и другие аналогичные вопросы являются непреложными

реквизитами подобных событий.

Хорошим примером здесь является покорение Казанского ханства русским царем Иваном Грозным. Это могло бы остаться рядовым историческим событием отечественной истории середины XVI в., однако официальные коммуникативные практики довольно скоро превратили его в один из ключевых эпизодов, имеющих для Русского государства едва ли не цивилизационное значение. Интерпретация и легитимизация присоединения Казанского ханства появляется «для широкого пользования» буквально сразу же после случившегося, в речи митрополита Макария, встречающего Ивана Грозного из похода на Волгу: «великому князю Владимиру, просветившему Рускую землю святым крещением, и многих иноплемennых победить, достохвальному же великому князю Димитрию на Дону варвары победить, и святому Александру Невскому Латынь победить. Но тебе же ... превзыде свыше Божия благодать: царствующий град Казанский со всеми окрестными тебе дарова»². Таким образом, взятие Казани вписывается в один ряд с ключевыми победами Русского государства. Более того, завоевание татарского ханства мыслится как эквивалент взятия Царьграда, что является (в логике современников) де-факто подтверждением овладения «царственной силой» – по аналогии с приобретением таковой князем Владимиром после взятия греческого Корсуня³.

Казалось бы, присоединение Сибири к Русскому государству, начатое в конце XVI в. с завоевания Сибирского ханства, должно стать для официальной реконструкции отечественной истории не менее важным эпизодом, чем взятие Казани. Сложно переоценить, какую роль Сибирь сыграла не только в экономической жизни страны (скажем, в первой половине XVII в. доходы от сибирской пушнины формировали в некоторые периоды до трети всех доходов государственной казны), но и в ее «самоощущении» как огромной евразийской державы.

Однако в реальности в офици-

альной переписке присоединение Сибири появляется не как героический эпизод, а в контексте печально знаменитого «опального» письма Ивана Грозного в вотчины Строгановых в 1582 году: «а не вышлете из острогов своих в Пермь волжских казаков, Атамана Ермака Тимофеева... Намъ въ томъ на вась опала своя положить большая»⁴. Это обстоятельство неизбежно ставит перед нами вопрос: существовала ли официальная версия присоединения Сибири к Русскому государству? И если существует, то как она интерпретирует это присоединение?

Первые попытки комплексной интерпретации «Сибирского взятия» в официальных коммуникативных практиках мы встречаем в дипломатических сношениях московского правительства и европейских государств. Например, уже в августе 1585 года (заметим особо – всего через три года после «опальной грамоты» Ивана Грозного Строгановым), в инструкции русским послам в Швецию, формируется следующая официальная позиция относительно событий в Зауралье (приведем здесь пространную цитату, поскольку в ней содержится максимально полная и логически стройная интерпретация событий:

«имъ в розговорахъ про Сибирь гоорити, что на Сибирскомъ царстве цари сидели ихъ рукъ государей нашихъ прежнихъ и дань давали государямъ нашимъ, а последней Сибирской Кучюмъ царь посаженикъ был на Сибири изъ рукъ государя нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и поворовалъ, и не почаль был государевы дани платити (...) и государь нашъ (...) позволить на Сибирь иди казакъ, и казаки государевы, исх Перми шодъ, Сибирское царство взяли, и Сибирский царь Кучюмъ убежал в поле, и ныне государь на него послать рать свою; а племянник Кучюмовъ Маметкуль царевич собрався съ людбми приходилъ въ Сибирь (...) и государевы люди (...) больше десяти тысець побили. (...) А царство Сибирское великое по Оби

Аннотация. В настоящем исследовании проводится анализ попыток официальной интерпретации присоединения Сибири к Русскому государству в коммуникативных практиках московского правительства. Делается вывод, что только в дипломатической переписке и отдельных грамотах официальная Москва формулирует интерпретации некоторых аспектов «Сибирского взятия», тогда как стройная реконструкция событий так и не появляется. В результате присоединения Сибири остается одним из немногих системообразующих эпизодов отечественной истории, не вписанных в пантеон ретроспективного конструирования стройной исторической линии развития российской государственности, и не имеющих системного официального коммуникативного оформления.

Ключевые слова: присоединение Сибири, Иван Грозный, взятие Казани, историческая память, Строгановы

Abstract. The study analyzes attempts to officially interpret the annexation of Siberia to the Russian state in the communication practices of the Moscow government. It is concluded that official Moscow formulates interpretations of some aspects of the “Siberian capture” only in diplomatic correspondence and individual letters, while a harmonious reconstruction of events does not appear. As a result, the annexation of Siberia remains one of the few backbone episodes of Russian history that are not inscribed in the pantheon of retrospective construction of a coherent historical line of development of Russian statehood, and do not have a systemic official communicative design.

Keywords: annexation of Siberia, Ivan the Terrible, capture of Kazan, historical memory, Stroganovs

реке верст на две тысячи и болши, а городов в ней до семидесяти; и ныне Сибирское царство в государевой воле»⁵.

Аналогичные инструкции (с незначительно отличающимися интерпретациями) появляются в 1600 году для постов в Англию⁶, и далее в фактически неизменном виде появляются в дипломатических сношениях с другими странами. Итак, для европейских послов московское правительство формирует следующую стройную версию присоединения Сибири. Сибирское ханство – это с давних времен зависимое

² Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. С. 226.

³ Вирролайн М.Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб.: Амфора, 2007. С. 171.

⁴ Кузнецов Е.В. Библиография Ермака. Тобольск, 1891. С. 5.

⁵ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Ч. 1: 1556 - 1586 гг. СПб.: [Б. и.], 1910. С. 414.

⁶ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией с 1581 по 1604 год. СПб.: Тип. В. С. Базилева, 1883. С. 296.

от Москвы политическое образование, власть ханов в котором имеет единственный источник легитимности — волю русского царя. Один из ханов (Кучум) решил нарушить прежние договоренности, за что и был наказан русским воинством с полного позволения московского царя, и с тех пор Сибирское ханство — вновь полностью зависимая от Москвы территория.

Эта версия действительно довольно стройная, однако есть два важных замечания. Во-первых, она предназначена для «внешнего пользования» и решает очевидно совершенно специфические задачи московской дипломатии, анализ которых не является задачей настоящего исследования. Во-вторых, даже если предположить, что аналогичные идеи использовались и для «внутреннего пользования», такая интерпретация имеет «тактический» характер, объясняя легитимность конкретной военной операции, однако в ней совершенно отсутствует объяснение ключевых вопросов о целях и значении «Сибирского взятия». К тому же детали этой версии еще и не являются стабильными. Скажем, уже в 1598 году, в «Повести о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича», написанной в январе 1598 года (автор — патриарх Иов), лавры присоединения Сибири приписываются уже преемнику Грозного, а не ему самому: «Сибирскую страну всю и живущих в ней злочестивых сыродцев себе рабы сотвори и всею землею их облада...»⁷.

Первой сколько-нибудь системной попыткой интерпретировать присоединение Сибири к Русскому государству в контексте «большой» национальной истории следует признать деятельность сибирского архиепископа Киприана по созданию локального церковного сонма Ермака и его дружины. Так, уже в 1636 году общегосударственное прославление

казаков утверждается царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом, и в том же году составляется Есиповская летопись, где казаки, в том числе, прославляются за подвиг приведения «бессурманской» Сибири к христианству. Казаки в повести — «избранники Бога, исполнители его воли, верные слуги царя»⁸. Таким образом, Церковь первой сформулировала стройную интерпретирующую концепцию похода Ермака как русской версии «крестового похода» против «неверных» — хотя бы и через полвека после начала присоединения Сибири.

Еще почти через полвека в деле присоединения Сибири наконец официально признаются заслуги рода Строгановых, которым конечно же нет места в «церковно-государственной» версии случившегося. Роль Строгановых в «Сибирском взятии» впервые фиксируется как позитивная в 1673 году, в грамоте царя Алексея Михайловича Григорию Дмитриевичу Строганову: «да прадед его Григория (Семен Аникеевич), служа и радея предкам нашим, призвал с Волги атаманов и казаков Ермака с товарищи в свои вотчины и на помощь ему ратных многих людей наймовал и все войску помощь чинил, и деньги, и платье, и боевое ружье... И того прадеда его радением и посылкой Сибирское государство взяли и Татар и Остяков и Вогулич под нашу высокую руку привели»⁹. Практически в таком же виде этот концепт попал и в грамоту Петра I, датированную 25 июля 1692 года.

Только к середине XVIII века относятся первые попытки академического изучения Сибири и, как следствие, попытки сформулировать официальную «научную» версию присоединения территорий за Уралом. Интересная дискуссия на эту тему произошла на эту тему произошла 3 и 6 июня 1748 года в историческом собрании Ака-

демии наук, в протоколах которого упомянуто следующее: «господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху того раде, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть применены, лучше их выкинуть»¹⁰. Таким образом, следует зафиксировать, что к середине XVIII в. присоединение Сибири мыслится как государственное деяние, однако мотивы этого деяния все также остаются нераскрытыми.

Примечательно, что такое удивительное невнимание к присоединению Сибири характерно не только для столиц, но и для локальной историографии и исторической памяти даже на тех территориях, которые, казалось бы, должны мыслить поход Ермака как системообразующий факт собственной истории. Так, в материалах архивов Чердыни, Соликамска, Кунгура, даже Перми и Екатеринбурга за XVIII — XIX вв. начитывается всего около десятка тематических записей. Это обстоятельство с некоторым прискорбием фиксирует управляющий пермскими именьями Строгановых Ф.А. Волегов в 1830-е годы, отправляя десятки запросов в уральские города и заводы о Строгановых и Ермаке, на которые ему традиционно отвечают, что никаких сведений об этом нет¹¹.

Еще один характерный эпизод того же времени. В 1833 году в письме управляющему Пермским имением Строгановых Ф.А. Волегову князь Василий Голицын упоминает о готовящемся историческом романе «Ермак» и просит прислать сведения об описываемых событиях. Аргументация автора письма характерна для того времени, он пишет: «я думаю вам известно, что одно из самых темных мест в

Русской истории есть завоевание Сибири»¹². Действительно, через 250 лет после произошедших событий, и через столетие после начала академического изучения Сибири ответов на ключевые вопросы так и не было. В дальнейшем за интерпретацию покорения Сибири особенно активно берется локальная историческая память, реконструируя, прежде всего, героический образ Ермака и его дружины, а также «народный» характер присоединения Сибири — во-многом успех подобных

реконструкций связан как раз с отсутствием официальной версии присоединения Сибири, оставляющим значительное пространство для творчества¹³.

Таким образом, эпизод присоединения Сибири, с точки зрения коммуникационного оформления, не похож ни на один из других эпизодов продвижения Русского государства на восток, а также ни на одну из других официальных реконструкций ключевых для отечественной истории эпизодов. Московское правительство

так нигде и не зафиксировало официальную версию «для внутреннего потребления» (стройная легенда, решающая тактические задачи, присутствует только в дипломатической переписке). В результате покорение Сибири системно не связывается напрямую с каким-либо царем или знатным полководцем, не имеет стройного официального коммуникационного оформления и не вписано в пантеон героических событий отечественной истории.

¹² ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.
¹³ Чернышов С.А. Конструирование образа Ермака в конце XVI—XVII веках: официальная, церковная и народная практики // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 40–46.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16. Л. 16. М.: Кучково поле, 2017. 654 с.
2. Введенский А.А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. №2. С. 5-44.
3. Виrolainen M.N. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб.: Амфора, 2007. 495 с.
4. Волегов Ф.А. Родословная господ Строгановых. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1895. 24 с.
5. Кузнецов Е.В. Библиография Ермака. Tobolsk, 1891. 34 с.
6. Морозова Л.Е. Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, 2017. 654 с.
7. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 532 с.
8. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 36, ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 381 с.
9. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556 - 1586 гг. СПб.: [Б. и.], 1910. 585 с.
10. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией с 1581 по 1604 год. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 493 с.
11. Чернышов С.А. Конструирование образа Ермака в конце XVI—XVII веках: официальная, церковная и народная практики // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 40–46.

REFERENCES

1. GAPK [State Archive of Perm region]. Stock 672. List 1. Dos. 16 (In Russ.)
2. Vvedensky A.A. Stroganovs, Ermak and the conquest of Siberia // Istoricheskiy sbornik Kiyevskogo gosudarstvennogo universiteta. 1949. No. 2. pp. 5-44. (In Russ.)
3. Virolainen M.N. Historical metamorphoses of Russian literature. St. Petersburg: Amphora, 2007. 495 p. (In Russ.)
4. Volegov F.A. Pedigree of the Stroganovs. Perm: Printing house P.F. Kamensky, 1895. 24 p. (In Russ.)
5. Kuznetsov E.V. Bibliography of Yermak. Tobolsk, 1891. 34 p. (In Russ.)
6. Morozova L.E. Troubles at the beginning of the 17th century in the writings of contemporaries. M.: Kuchkovo Pole, 2017. 654 p. (In Russ.)
7. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. Vol. 13. Chronicle collection, called the patriarchal or Nikon chronicle. SPb.: Type. I. N. Skorokhodova, 1904. 532 p. (In Russ.)
8. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. T. 36, part 1. Siberian Chronicles. Group of the Esipov Chronicle. M.: Nauka, 1987. 381 p. (In Russ.)
9. Collection of the Imperial Russian Historical Society. V 148 v. T. 129: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers: Monuments of diplomatic relations of the Muscovite state with the Swedish state: Part 1: 1556 - 1586. SPb.: [B. and.], 1910. 585 p. (In Russ.)
10. Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 vols. Vol. 38. Monuments of diplomatic relations between ancient Russia and foreign powers. Vol. 2: Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with England from 1581 to 1604. SPb.: Type. V. S. Balasheva, 1883. 493 p. (In Russ.)
11. Chernyshov S.A. Construction of the image of Yermak at the end of the 16th–17th centuries: official, church and folk practices // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost. 2021. V. 6, No. 4. pp. 40–46. (In Russ.)

⁷ Морозова Л.Е. Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, 2017. С. 34

⁸ Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 36, ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 50.

⁹ Волегов Ф.А. Родословная господ Строгановых. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1895. С. 6.

¹⁰ Введенский А.А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. №2. С. 44.

¹¹ ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 16. Л. 16

ОТМЕТИВ ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ: ОБЗОР НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОМСКЕ К 10-ЛЕТИЮ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

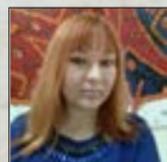
CELEBRATED THE FIRST ANNIVERSARY: REVIEW OF SCIENTIFIC EVENTS IN OMSK ON THE 10TH ANNIVERSARY OF THE CENTER FOR THE STUDY HISTORY OF THE CIVIL WAR

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор официальных научных и просветительских мероприятий, реализованных Историческим архивом Омской области, состоявшихся в период с сентября 2021 г. по январь 2022 г. и приуроченных к юбилейной дате – 10-летию работы Центра изучения истории Гражданской войны. Теоретической основой для создания публикации выступили антропологический и системный подходы, а также проблемный и структурный методы. Эта методологическая совокупность позволила обозначить ключевые особенности указанных событий, рассматриваемых как часть научной жизни российской исторической науки и архивного дела.

Ключевые слова: историческая наука, культурная антропология, архивное дело, Русская Революция, Гражданская война, А.В. Колчак, Батюшкины, Омск.

Annotation. The article is an analytical review of official scientific and educational events implemented by the Historical Archive of the Omsk Region, held from September 2021 to January 2022 and dedicated to the anniversary date – the 10th anniversary of the Center for the Study History of the Civil War. The theoretical basis for the creation of the publication was anthropological and systemic approaches, as well as problematic and structural methods. This methodological set made it possible to identify the key features of these events, considered as part of the scientific life of Russian historical science and archiving.

Keywords: historical science, cultural anthropology, archives, Russian Revolution, Civil War, A.V. Kolchak, Batyushkin's family, Omsk.

Ирина Владимировна Федотова – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, e-mail: ivputintseva@mail.ru. Исторический архив Омской области РФ, 644043, г. Омск, ул. Красный Путь, 153/4.

Irina Vladimirovna Fedotova – leading archivist of the Center for the Study History of the Civil War of the Historical Archive of the Omsk Region, e-mail: ivputintseva@mail.ru. Historical archive of the Omsk region RF, 644043, Omsk, st. Red Way, 153/4.

Перед российскими архивными учреждениями в текущее десятилетие встает все большее количество задач, реализуемых в целях обеспечения информационных потребностей государства и общества. Тенденцией динамичной современности становятся инновационные формы работы архивистов, в число ключевых направлений которых, входит деятельность в рамках площадок публичной истории, научно-исследовательские и издательские, просветительские и популяризаторские проекты, взаимодействие со средствами массовой информации, учреждениями науки, культуры, искусства, общественными организациями и многое другое. Ряд подобных мероприятий нацелен не только на пропаганду знаний о прошлом нашей страны сквозь призму российского документального наследия, но также ориентирован на противодействие фальсификациям отечественной истории, развенчание заблуждений, сложившихся в широкой публике. Тезис о содружестве на ниве науки и просветительства профессиональных историков и архивистов озвучивает в одном из своих интервью известный российский публицист, доктор исторических наук Ю.З. Кантор. Данный специалист подчеркивает и показательный опыт Омска, где в структуре регионального

государственного архива уже в течение 10 лет действует научно-просветительская и выставочная площадка – Центр изучения истории Гражданской войны¹.

Распад СССР, смена общественно-политической конъюнктуры в нашей стране три десятилетия назад заставили иначе взглянуть на события Русской Революции. Советское прошлое стало подвергаться подчас резкой критике. Историки демократической России начали активное изучение антибольшевистского движения и русской эмиграции. Столь резкое колебание ситуации в государстве и обществе закономерно вызвало перекосы в массовом сознании, породившие многочисленные неверные, далекие от академизма оценки, граничащие с ненаучной апологетикой и мифами.

Для архивного дела данный период характеризовался переводом на общее хранение значительных по объему документальных комплексов, ранее имевших ограничения в доступе. Это создало весьма благоприятную почву для исследователей, способствуя введению в научный оборот массы новых исторических источников.

События Гражданской войны определили Омску особую роль ключевого административного

и военно-политического центра на востоке России. Здесь с июня 1918 г. по ноябрь 1919 г. находилось мощное ядро антибольшевизма (во многом связываемого с фигурой адмирала А.В. Колчака²), а с ноября 1919 г. по лето 1921 г. располагался Сибирский революционный комитет. Часть территории Омского Прииртышья в 1921 г. была охвачена Западно-Сибирским крестьянским восстанием.

Такие исторические предпосылки в значительной степени обусловили то, что именно в Омске весной 2011 г. архивисты в лице тогдашнего начальника архивного управления Министерства государственно-правового развития Омской области Г.Ю. Бородиной обратились к властям региона с инициативой создания на базе Исторического архива Омской области пилотного проекта – Центра изучения истории Гражданской войны. За время работы эта площадка по оценкам специалистов по туризму стала одним из ключевых брендов Омской области, вместе с тем получив заслуженный авторитет и в академических кругах, став излюбленным местом проведения конференций и круглых столов. Сотрудниками (в том числе, во взаимодействии с учеными извне) проводятся научные исследования, становящиеся основой для разнообразных просветительских акций (экскурсий, лекций, кинолекториев и др.), оборудована большая экспозиция, рассказывающая о событиях 1917–1922 гг. на востоке России, а также пребывании в Омске А.В. Колчака и других аспектах истории данного периода³.

Место для размещения Центра не является случайным: здесь в комфортабельном особняке, некогда принадлежавшем семье Батюшкиных, с середины декабря 1918 г. по середину ноября 1919 г. размещалась Личная резиденция Верховного правителя, которая была для адмирала служебной квартирой. Подчеркнем,

что даже спустя столетие, жизнь и деятельность этого знаменитого исторического персонажа в Омске находится в фокусе научных и общественных споров. В то же время сотрудники Центра стремятся максимально взвешенно, доказательно и объективно представлять широкой публике информацию об одном из самых неоднозначных и противоречивых периодов российской истории⁴.

Для начального этапа существования интеллектуальной площадки омских архивистов имеют значение две даты. Первая – 26 сентября 2011 г., когда руководителем Исторического архива Омской области О.Д. Пугачевой был подписан приказ о создании в учреждении нового структурного подразделения. Вторая – 13 января 2012 г., когда состоялось официальное открытие Центра изучения истории Гражданской войны. В связи с этим Министерством культуры Омской области и администрацией Исторического архива Ом-

Президиум IV-й международной научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие»: А.В. Сушко, Д.И. Петин, С.Д. Бакулина. 20 октября 2021 г. Фото М.М. Стельмака

Д.И. Петин выступает с лекцией. 24 сентября 2021 г. Из фондов ГИАОО

что даже спустя столетие, жизнь и деятельность этого знаменитого исторического персонажа в Омске находится в фокусе научных и общественных споров. В то же время сотрудники Центра стремятся максимально взвешенно, доказательно и объективно представлять широкой публике информацию об одном из самых неоднозначных и противоречивых периодов российской истории⁴.

Для начального этапа существования интеллектуальной площадки омских архивистов имеют значение две даты. Первая – 26 сентября 2011 г., когда руководителем Исторического архива Омской области О.Д. Пугачевой был подписан приказ о создании в учреждении нового структурного подразделения. Вторая – 13 января 2012 г., когда состоялось официальное открытие Центра изучения истории Гражданской войны. В связи с этим Министерством культуры Омской области и администрацией Исторического архива Ом-

ской области было принято провести осенью-зимой 2021–2022 гг. цикл тематических мероприятий, приуроченных 10-летию работы Центра, а вместе с тем – Году науки и технологий в Российской Федерации. Ниже, отметив ключевые особенности, представим аналитический обзор данных событий.

24–26 сентября 2021 г. в Омске прошел Всероссийский фестиваль «Русское зарубежье: города и лица», посвященный истории и судьбам российской эмиграции (организатор – Фонд наследия русского зарубежья), поддержанный в рамках Омской области учреждениями культуры и вузами.

В числе первых событий фе-

Обложка сборника материалов конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие». 2021 г.

² Об этом см. напр.: Новиков С.В. Адмирал Колчак в Омске: к истории Гражданской войны в России и геополитического передела Европы после Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 31–41.
³ См. подр.: Чекалина Л.А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.
⁴ См. об этом, напр.: Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17.

ствала, а вместе с тем и первым научным мероприятием юбилейного цикла стала публичная лекция «Николай Батюшкин: зигзаги судьбы харбинского белоэмигранта», прочитанная 24 сентября 2021 г. в Центре изучения истории Гражданской войны его руководителем кандидатом исторических наук, доцентом Дмитрием Игоревичем Петиным.

Внимание более чем 50 слушателей докладчик представил непростою жизненный путь участника Первой мировой и Гражданской войн (1895 – [после 1944 г.]), ротмистра Николая Капитоновича Батюшкина – одного из сыновей Капитона Алексеевича и Елизаветы Георгиевны Батюшкиных, являвшихся первыми хозяевами особняка, занимаемого сегодня Центром изучения истории Гражданской войны.

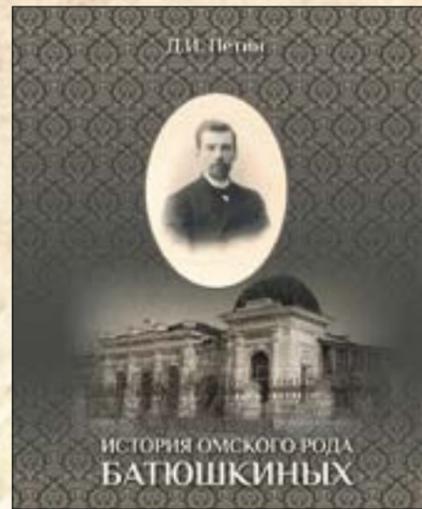
Основой выступления стала опубликованная ранее наработка лектора⁵, содержательно дополненная им благодаря использованию ряда неопубликованных источников, а также обобщений из новейших исследований по общественной жизни эмигрантского Харбина⁶. В выводах по лекции Д.И. Петин подчеркнул дискуссионные аспекты. Так, герой повествования в период Гражданской войны проявил военно-политическую активность и преданность антибольшевистской идее, участвуя

в белом подполье, омском государственном перевороте 18 ноября 1918 г., за полтора года выслужив четыре чина в белой армии и получив два боевых ордена. Но в период жизни в Маньчжурии Н.К. Батюшкин отличался аполитичностью, при этом финал его биографии пока остался неясен.

20–21 октября 2021 г. в Центре изучения истории Гражданской войны в очередной раз принял увлеченное сообщество ученых – омичей и гостей города (всего 79 человек), собравшихся в рамках IV–й международной научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие». Ее традиционными организаторами выступили Министерство культуры Омской области, Исторический архив Омской области, Омский государственный технический университет и Омский автобронетанковый инженерный институт⁷.

Ко дню начала работы конференции вышел в свет и был проиндексирован в РИНЦ сборник из 45 материалов, полученных организационным комитетом от 52 академических специалистов и представителя общественности. Они являются жителями 16 регионов России, а также Израиля, Казахстана, Узбекистана, Украины, Уругвая, Чехии и др.

Признанные российские учёные

Обложка монографии Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных». 2021 г.

выступили в дни конференции с трибуны, поделившись своими исследовательскими находками, задав колоритный дискуссионный тон работы форума. Это доктор исторических наук, профессор Анатолий Алексеевич Штырбул (ОмГПУ)⁸, доктор исторических наук Александр Сергеевич Пученков (СПбГУ)⁹, доктор исторических наук Руслан Григорьевич Гагкуев (Институт истории РАН, РИО)¹⁰, доктор исторических наук, доцент Владислав Геннадьевич Кокоулин (журнал «Сибирский архив», СибУПК)¹¹, доктор исторических наук, профессор Алексей Владимирович Сушко (ОАБИИ, ОмГТУ)¹².

Очередную, пятую по счету кон-

Артист Д. Черноков читает стихотворение омского поэта Ю. Сопова «Призыв». 21 декабря 2021 г. Фото А. Кутузова (Министерство культуры Омской области)

Выступления ансамбля скрипачей ДШИ №10. 21 декабря 2021 г. Фото А. Кутузова (Министерство культуры Омской области)

5 Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
6 См., напр.: Крюкова М.В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 2. С. 64–71.
7 Обзор предыдущих конференций с резолюцией: Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2. № 1. С. 57–64; Петин Д.И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4. № 2. С. 131–142; Машгарин М.И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 1. С. 70–74.
8 Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Международ. науч.-практ. конф. посвящ. 100-летию Золотой-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Россия, Омск, 20–21 окт. 2021 г.) // М-во культуры Омск обл., Исторический архив Омск обл. [и др.]; редкол.: Д.И. Петин (отв. ред.) [и др.]. Омск: ОмГТУ, 2021. 344 с.
9 Штырбул А.А. Новейшее исследование о российском анархизме // Российская история. 2020. № 3. С. 226–228; Штырбул А.А. Сибирская правда 1921 года: восстание, которого могло не быть // Национальные приоритеты России. 2021. № 1. С. 19–27.
10 Пученков А.С., Калинин В.В. Духовный фронт России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб: Владимир Даль, 2020. 407 с.; Пученков А.С. «Кочковский режим основывался на главной идеологической составляющей — антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политическими программами...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9.
11 Гагкуев Р.Г. Ротмистр генерал М. Жанена об итогах работы французской военной миссии в Сибири // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 1051–1070; Гагкуев Р.Г., Шилова С.Г. «Побывавшие на войне офицеры получили большой личный опыт, и было бы очень опасно не воспользоваться этим». Циркуляр военного министерства Франции за декабрь 1919 г. о сборе наблюдений и мемуаров о службе в Сибири // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 3. С. 51–57.
12 Кокоулин В.Г. Продолжительная политика и сибирская деревня в годы «военного коммунизма» (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2020. 300 с.; Кокоулин В.Г. Новые подходы в изучении Гражданской войны в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2. С. 113–121.
13 Сушко А.В., Стельмак М.М. «...Ереństwo Сибири и Урала с трезвой ждет ответа»: докладная записка М.А. Новомейского Российскому правительству А.В. Кочка (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 555–567; Сушко А.В. «Поповский митрополит»: к вопросу об антибольшевистских волнениях в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 4. С. 62–70; Сушко А.В., Петин Д.И. Процесс обращения в православие военнопленных в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ГИИ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98.

Выступление Г.Ю. Бородиной. 21 декабря 2021 г. Фото А. Кутузова (Министерство культуры Омской области)

Министр культуры Омской области Ю.В. Трофимов награждает Д.И. Петина Почетной грамотой Правительства Омской области. 21 декабря 2021 г. Фото А. Кутузова (Министерство культуры Омской области)

ференцию запланировали провести осенью 2023 г. приурочив форум к двум памятным датам – 130-летию со дня рождения советского военного деятеля Михаила Николаевича Тухачевского и 100-летию антибольшевистского Якутского мятежа¹⁴.

Важным научным и популяризаторским итогом 10-летней работы Центра изучения истории Гражданской войны стал выход в свет в середине декабря 2021 г. монографии «История омского рода Батюшкиных», подготовленной кандидатом исторических наук, доцентом Д.И. Петиным¹⁵.

Издание, охватывая полтора столетия омской истории, повествует о происхождении и жизни семьи, являвшейся первыми владельцами особняка, занимаемого с 2012 г. Центром изучения истории Гражданской войны, а также о многочисленных перипетиях XX в., повлиявших на бытование здания.

Автор работал над книгой порядка 8 лет: с 2013 по 2021 г. Им была проделана значительная архивно-поисковая работа; ее промежуточные результаты, сообщения об очередных находках и колоритных сюжетах, впоследствии включенных в книгу, периодически представлялись публике и фиксировались в формате публикаций¹⁶.

Основу для оригинального осмысления сюжетов прошлого составили документы и фотографии из фондов

11-ти государственных (федеральных и региональных), 4-х ведомственных, а также 2-х личных архивов. Монография хорошо проиллюстрирована, при этом ряд изображений с уточненной атрибуцией приводится впервые, что имеет, подчас, особую важность для локальной истории.

Особенность издания – его изначальная ориентированность на весьма широкую читательскую аудиторию: историков, архивистов, генеалогов-практиков, музейных работников, культурологов, краеведов. В то же время легкий для восприятия текст позволит сделать монографию интересной даже для неподготовленного читателя, любителя знаний о прошлом.

В научных журналах опубликованы критические обзоры издания, подготовленные его официальными рецензентами – доктором исторических наук, профессором Анатолием Алексеевичем Штырбулом (ОмГПУ) и кандидатом исторических наук Ольгой Валерьевной Блиновой (ОГИКМ)¹⁷.

Эта книга стала символическим подарком 79 участникам торжественной встречи, прошедшей в Центре изучения истории Гражданской войны 21 декабря 2021 г. Мероприятие приветственным словом открыл министр культуры Омской области, кандидат исторических наук Юрий Викторович Трофимов. После этого состоялась церемония вручения на-

град и мер поощрения региональных органов государственной власти и Федерального архивного агентства 19 сотрудникам Исторического архива Омской области, ученым и представителям общественности.

Накануне по случаю торжества в адрес омских архивистов поступили приветственно-поздравительные письма из Санкт-Петербургского института истории Российской Академии Наук, Российского исторического общества, Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

В рамках торжественной встречи заместитель начальника отдела изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации, кандидат исторических наук Ольга Владимировна Лавинская презентовала в библиотеку Центра изучения истории Гражданской войны фундаментальное археографическое издание «А.В. Колчак. 1874–1920»¹⁸. Также перед публикой выступили ветеран труда Галина Юрьевна Бородина и председатель «Общества коренных омичей» Владимир Иванович Селюк. Творческое сопровождение и художественную атмосферу встречи обеспечили солисты и творческие коллективы города.

26 января 2022 г. особняк на берегу Иртыша вновь собрал гостей, поводом стала совмещенная с пресс-конференцией презентация упомянутой выше книги Д.И. Петина. Открытие

14 Обзор работы и резолюция конференции 2021 г.: Петин Д.И., Тишкина К.А. Вспоминая трагические дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 1 (33). С. 231–239.
15 Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Сиббланкадарт»), 2021. 140 с.
16 Петин Д.И., Коновалова Н.А. Капитан Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат.-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125; Петин Д.И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат.-лы II всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 263–271; Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15; Петин Д.И. Советский служащий Алексей Капитонович Батюшкин: сценарий социальной адаптации представителя семьи «бывших людей» // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат.-лы III всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления Совет. власти в Сибири. Омск: ОмГТУ, 2019. С. 178–183.; Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу авторских записей о смерти чинов военного адмирала А.В. Кочка 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.
17 Штырбул А.А. «На семи лежах проудных ветрах...» (О книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 1. С. 69–73; Блинова О.В., Стельмак М.М. От примет времени к исторической памяти: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Сибирский архив. 2022. № 1 (11). С. 86–92.
18 А.В. Колчак. 1874–1920. В 2 т. СПб: «Блиц», 2021.

мероприятия началось с выступления начальника архивного управления Министерства культуры Омской области, кандидата исторических наук Галины Ивановны Растягаевой, которая подчеркнула, что монографические работы, как жанр научной литературы, весьма нечасто встречаются среди изданий, выпускаемых архивными учреждениями. Но данный труд, по ее мнению, полномерно отражает историческую специфику возникновения и функционирования Центра изучения истории Гражданской войны.

Автор книги пояснил, что идея ее создания в глобальном смысле заключена в попытке осмысления фигур К.А. Батюшкина и А.В. Колчака в рамках омской исторической локации. Во многом сбору сведений и написанию книги поспособствовала и «совесть историка». Таким образом выражением Д.И. Петин обозначил желание восполнить лакуны, ответить на вопросы посетителей Центра о семье первых владельцев особняка. Охарактеризовав использованные источники и ход исследования, наш коллега обозначил ключевые, на его взгляд, находки, сделанные им в процессе работы над монографией. Завершая речь, Дмитрий Игоревич отметил, что исследование, тем не менее, нельзя считать окончательно завершенным, а потенциальные дополнения могут последовать уже вскоре в развитие главных сюжетных линий книги — истории семьи Батюшкиных и историческому бытованию их родового гнезда.

С.С. Наумов выступает с лекцией. 27 января 2022 г. Фото В.Н. Панасенкова

Далее в рамках основной части последовавшей часовой дискуссии выступили представители омской академической общности — кандидат исторических наук О.В. Блинова, доктор исторических наук, профессор А.В. Сушко, историк-краевед и журналист С.С. Наумов, доктор исторических наук, доцент С.Г. Сизов, кандидат исторических наук, доцент С.А.

Величко. Они подчеркнули новизну, методологическую актуальность, высокую значимость исследования, его особую важность не только в деле восполнения академических пробелов, но и в целях духовно-патриотического и нравственного воспитания населения, популяризации документального наследия России и знаний о прошлом нашей страны. По обоюдному мнению спикеров, книга символизирует удачный пример развития науки и издательского дела в Историческом архиве Омской области, складывая общий имидж не только учреждения, но и региона, а также свидетельствуя о достойной репутации автора в профессиональном сообществе.

27 января 2022 г. в Центре изучения истории Гражданской войны состоялось завершающее мероприятие юбилейного цикла — публичная лекция «Адмирал Колчак и демократическая Россия 1990–х гг.: региональные аспекты трансформации исторической памяти о лидере белого движения». С таким докладом выступил упомянутый выше Сергей Сергеевич Наумов. Он хорошо известен омской общественности как специалист по коммеморативным практикам и популяризатор локальной истории¹⁹.

Докладчик приурочил выступление к 10-летию Центра, а также собственному 30-летию юбилею. С.С. Наумов последовательно осветил заявленный вопрос, сначала акцентировав внимание на том, как формировалась память об А.В. Кол-

О.В. Лавинская презентует двухтомник «А.В. Колчак. 1874–1920». 21 декабря 2021 г. Фото А. Кутузова (Министерство культуры Омской области)

чаке в массовом сознании накануне перестройки, какие именно факторы предопределили после распада Советского Союза «историческую реинкарнацию» адмирала, внеся изменения в его образ, формировавшийся в общественной среде. Отдельно лектор остановился на омских дискуссиях о знаменитом вожде белого движения, культурологической характеристике объектов, каковые стали ключевыми точками исторической и культурной памяти о Колчаке в Омске.

В качестве основы для своего выступления С.С. Наумов использовал делопроизводство общественных организаций культурно-просветительской направленности, а также региональную периодическую печать и публицистику. Источники были выявлены лектором в ходе поисково-исследовательской работы в фондах Исторического архива Омского областного государственной научной библиотеки имени А.С. Пушкина. Озвученная наработка является частью кандидатской диссертации, которую в настоящее время докладчик готовит к защите.

В получасовой дискуссионной части мероприятия выступили доктор исторических наук В.Ю. Волошина, кандидат технических наук, доцент В.В. Калекин, историк А.Ю. Саблин, краевед В.Н. Панасенков. В рамках обсуждения участники, поблагодарив лектора, отметили содержательность и достойный научный уровень доклада, а также то, что и в рамках академических исследований, и в рамках публичной истории

адмирал А.В. Колчак является наиболее популярной исторической фигурой. Причем таковая тенденция наблюдается как в Омске, так и далеко за его пределами. Слушатели согласились, что актуальность лекции бесспорна и в том ключе, что исследование коллективной памяти становится сегодня все более востребованным среди историков.

Центр изучения истории Гражданской войны в силу совокупности выполняемых им задач является площадкой масс-медиа для Исторического архива Омской области. Реализация тематического цикла мероприятий с осени 2021 г. по начало 2022 г. обусловила активный интерес представителей федеральной и ре-

гиональной прессы к указанным событиям. В частности, архивисты Центра за данный период приняли участие в подготовке 7 телевизионных передач, записи 2 радиозаписей, дали 12 интервью для печатных изданий, рассказывая об аспектах академического изучения военно-революционного периода 1917–1922 гг., оценках государственных и политических деятелей той эпохи, истории омского рода Батюшкиных, экспозиционной и краеведческой работе.

Подводя итоги, отметим, что мероприятия, посвященные 10-летию работы Центра изучения истории Гражданской войны, отличались разнообразием формата, должным

академическим уровнем, нацеленностью на освещение актуальных проблем российского прошлого. Праздничная дата была отмечена активным вниманием со стороны органов власти, ученых, средств массовой информации и общественности. При этом юбилейные мероприятия явились не только поводом собрать тех представителей учреждений и организаций, с кем уже налажено тесное взаимодействие. Ставшая доброй традицией творческая и гостеприимная атмосфера омских архивистов и их исторически аутентичной площадки, несомненно, является залогом дальнейшей интеграции тех, кто любит прошлое и изучает его профессионально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.
2. Новиков С.В. Адмирал Колчак в Омске: к истории Гражданской войны в России и геополитического передела Европы после Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 31–41.
3. Чекалина Л.А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.
4. Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17.
5. Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
6. Кротова М.В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–71.
7. Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2. № 1. С. 57–64.
8. Петин Д.И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 131–142.
9. Машкарин М.И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 70–74.
10. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящая 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Россия, Омск, 20–21 окт. 2021 г.) / М-во культуры Ом. обл., Исторический архив Ом. обл. [и др.] ; редкол.: Д.И. Петин (отв. ред.) [и др.]. Омск : ОмГТУ, 2021. 344 с.
11. Штырбул А.А. Новейшее исследование о российском анархизме // Российская история. 2020. № 3. С. 226–228.
12. Штырбул А.А. Сибирская трагедия 1921 года: восстание, которого могло не быть // Национальные приоритеты России. 2021. № 1. С. 19–27.
13. Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб: Владимир Даль, 2020. 407 с.
14. Пученков А.С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей — антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9.
15. Гагуев Р.Г. Рапорт генерала Мориса Жанена об итогах работы французской военной миссии в Сибири // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 1051–1070.
16. Гагуев Р.Г., Шилова С.Г. «Побывавшие на войне офицеры получили большой личный опыт, и было бы очень досадно не воспользоваться этим». Циркуляр военного министерства Франции за декабрь 1919 г. о сборе наблюдений и мемуаров о службе в Сибири // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 51–57.
17. Кокоулин В.Г. Продовольственная политика и сибирская деревня в годы «военного коммунизма» (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2020. 300 с.
18. Кокоулин В.Г. Новые подходы в изучении Гражданской войны в Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2. С. 113–121.
19. Сушко А.В., Стельмак М.М. «...Еврейство Сибири и Урала с тревогой ждет ответа»: докладная записка М.А. Новомейскому Российскому правительству А.В. Колчака (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 555–567.
20. Сушко А.В. «Поповский мятеж»: к вопросу об антибольшевистских волнениях в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 62–70.
21. Сушко А.В., Петин Д.И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98.
22. Петин Д.И., Тишкина К.А. Вспоминая трагические дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 1 (33). С. 231–239.

19 См. напр.: Рыженко В.Г., Демьянов К.В., Наумов С.С. Специфика «железнодорожных» сегментов культурного пространства крупного сибирского города (конец XX – начало XXI в.): топонимические признаки и памятная символика // Преподаватель XXI век. 2019. № 1–2. С. 243–259; Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment. // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1191–1215; Наумов С.С., Петин Д.И. Из истории 16-го Военного городка в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 4. С. 120–138; Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изъятия политики памяти (1920–2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 2. С. 58–69.

23. Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с.

24. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Капитон Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.

25. Петин Д.И. Генеалогия омской семьи Батюшкиных в свете очередных архивных находок // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы II всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 263–271.

26. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15.

27. Петин Д.И. Советский служащий Алексей Капитонович Батюшкин: сценарий социальной адаптации пред-

ставителя семьи «бывших людей» // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы III всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления совет. власти в Сибири. Омск: ОмГТУ, 2019. С. 178–183.

28. Петин Д.И., Стельмак М.М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актов записей о смерти чинов конвоя адмирала А.В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740.

29. Штырбул А.А. «На семи лихих продувных ветрах...» (О книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 69–73.

30. Блинова О.В., Стельмак М.М. От примет времени к исторической памяти: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Сибирский архив. 2022. № 1 (11). С. 86–92.

31. А.В. Колчак. 1874–1920. В 2 т. СПб: «Блиц», 2021.

32. Рыженко В.Г., Демьянов К.В., Наумов С.С. Специфика «железнодорожных» сегментов культурного пространства крупного сибирского города (конец XX – начало XXI в.): топонимические признаки и памятная символика // Преподаватель XXI век. 2019. № 1–2. С. 243–259.

33. Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment. // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). P. 1191–1215.

34. Наумов С.С., Петин Д.И. Из истории 16-го Военного городка в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 4. С. 120–138.

35. Красильникова Е.И., Наумов С.С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920–2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 2. С. 58–69.

REFERENCES

1. Kantor YU.Z. «Istoriyu nevozmozhno perepisat', yeyo možhno dopisat'...» [History cannot be rewritten, it can be added] // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2019. Vol. 4, no. 1, pp. 9–15. (In Russ.).

2. Novikov S.V. Admiral Kolchak v Omske: k istorii Grazhdanskoj vojny v Rossii i geopoliticheskogo peredela Evropy posle Pervoj mirovoj vojny [Admiral Kolchak in Omsk: on history of Civil war in Russia and geopolitical redistribution of Europe after First world war] // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2020. Vol. 5, no 4, pp. 31–41. (In Russ.).

3. Chekalina L.A. Tsentri izucheniya istorii kak innovatsionnaya forma arkhivnoy deyatel'nosti [Center for the Study of History as an Innovative Form of Archival Activity] // Vestnik VNIIDAD [Bulletin of VNIIDAD]. 2018, no. 1, pp. 119–125. (In Russ.).

4. Sushko A.V., Petin D.I. Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A.V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorialization of the name of Admiral A.V. Kolchak in Omsk] // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2019. Vol. 4, no. 4, pp. 9–17. (In Russ.).

5. Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические истоки в реконструктивных жизненных путях харбинского белоэмигранта

[Nikolai Batyushkin: biographical sources in the reconstruction of the life of the Harbin White emigrant] // Vestnik arkhivista [Herald of An Archivist]. 2016. No 2, pp. 249–282. (In Russ.).

6. Krotova M.V. Ivan Adrianovich Mihajlov v jemigracii v Harbine [Ivan Adrianovich Mikhailov in emigration in Harbin] // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2019. Vol. 4, no 2, pp. 64–71. (In Russ.).

7. Stelmak M.M. Glavnaya konferentsiya o revolyutsii i Grazhdanskoj vojne v Omske: itogi nauchnoy diskussii [The main conference on the revolution and the Civil War in Omsk: the results of the scientific discussion] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2018. Vol. 2, no. 1, pp. 57–64. (In Russ.).

8. Petin D.I. 100-letiyе Grazhdanskoj vojny v Sibiri: nauchnoprosvetitel'skaya refleksiya v Omske (2019) [100-th anniversary of the Civil War in Siberia: scientific and educational reflection in Omsk (2019)] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2020, Vol. 4, no. 2, pp. 131–142. (In Russ.).

9. Mashkarin M.I. «Smuta XX veka» v Sibiri: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе (istoriko-arkhivnyye konferentsii v Omske po istorii Revolyutsii i Grazhdanskoj vojny v Rossii) [“Troubles of the XX century” in Siberia: a look through the documentary heritage (historical and archival conferences in Omsk on the history of the Revolution and the Civil War in Russia)] //

Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2020. Vol. 5, no 1, pp. 70–74. (In Russ.).

10. Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе [Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage: materials of the IV Intern. sci.-pract. conf., dedicated to the 100th anniversary of the West Siberian uprising and the 10th anniversary of the Center for the Study of the History of the Civil War (Russia, Omsk, October 20–21, 2021)]. Resp. ed. D.I. Petin. Omsk : OmGTU, publ., 2021. 344 p. (In Russ.).

11. Shtyrbul A.A. Novejshee issledovanie o rossijskom anarhizme [The latest investigation about the Russian anarchism] // Rossijskaja istorija. 2020. No 3, pp. 226–228. (In Russ.).

12. Shtyrbul A.A. Sibirskaja tragedija 1921 goda: vosstanie, kotorogo moglo ne byt' [Siberian tragedy of 1921: the uprising, which might not to be] // Nacional'nye priority Rossii. 2021. No 1, pp. 19–27. (In Russ.).

13. Puchenkov A.S., Kalinovskij V.V. Duhovnyj forpost Rossii: pravoslavnoe duhovenstvo Kryma v 1914–1920 godah [Spiritual outpost of Russia: the orthodox clergy of Crimea in 1914–1920]. SPb: Vladimir Dal', 2020. 407 p. (In Russ.).

14. Puchenkov A.S. «Kolchakovskiy rezhim osnovyvalsya na glavnoy ideologicheskoy sostavlyayushchey — antibol'shevizme, chto samo po sebe uzhe v tekhnicheskoy usloviyakh ne nuzhdalos' v rasshifrovke politicheskoy programmy...» [“The Kolchak

regime was based on the main ideological component — anti-Bolshevism, which in those conditions did not need additional clarification of the political program...»] // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2018. No. 4, pp. 5–9. (In Russ.).

15. Gagkuev R.G. Raport generala Morisa Zhanena ob itogah raboty francuzskoj voennoj missii v Sibiri [General M. Janin's report on the results of French military mission in the Siberia] // Novejshaja istorija Rossii. 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 1051–1070. (In Russ.).

16. Gagkuev R.G., Shilova S.G. «Pobyavshie na vojne oficery poluchili bol'shoj lichnyj opyt, i bylo by ochen' dosadno ne vospol'zovat'sya jetim». Cirkuljar voennogo ministerstva Francii za dekabr' 1919 g. o sbore nabljudenij i memuarov o sluzhbe v Sibiri [«The officers who visited the war gained great deal of personal experience, and it would be very annoying not to take advantage of this». The circular of French ministry of war for December 1919 on collection of observations and memoirs on service in Siberia] // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Vol. 5, no. 3, pp. 51–57. (In Russ.).

17. Kokoulin V.G. Prodovol'stvennaja politika i sibirskaja derevnya v gody «voennogo kommunizma» (nojabr' 1919 – mart 1921 g.) [Food policy and the Siberian village during the years of «war communism» (November 1919 – March 1921)]. Novosibirsk: OOO «Ofset-TM», 2020. 300 p. (In Russ.).

18. Kokoulin V.G. Novye podhody v izuchenii Grazhdanskoj vojny v Sibiri [New trends to study of Civil war in Siberia] // Gumanitarnye problemy voennogo dela. 2020. No. 2, pp. 113–121. (In Russ.).

19. Sushko A.V., Stelmak M.M. «... Evrejstvo Sibiri i Urala s trevogoj zhdet otveta»: dokladnaja zapiska M.A. Novomejskogo Rossijskomu pravitel'stvu A.V. Kolchaka (maj 1919 g.) [«Jewry of Siberia and the Urals anxiously awaits an answer»: a report by M. A. Novomejsky to Russian government of A. V. Kolchak (may 1919)] // Novejshaja istorija Rossii. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 555–567. (In Russ.).

20. Sushko A.V. «Popovskij mjatezh»: k voprosu ob antibol'shevistskih volnenijah v Omske [«Priest's rebellion»: on the issue of anti-bolshevik unrest in Omsk] // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2021. Vol. 6, no 4, pp. 62–70. (In Russ.).

21. Sushko A.V., Petin D.I. Protsess obrashcheniya v pravoslaviye voyennoplennykh slavyan v Omske (1915–1917 gg.) [Conversion into Orthodoxy of slavonic prisoners of war in Omsk (1915–1917)] // Vestnik Pravoslavnogo

SviatoTikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoi Tserkvi [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series I: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2021. Vol. 103, pp. 78–98. (In Russ.).

22. Petin D.I., Tishkina K.A. Vspominaya tragichnyye dni Rossii: konferentsiya po istorii Grazhdanskoj vojny v Omske [Remembering the tragic days of Russia: a conference on the history of the Civil War in Omsk] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki» [Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»]. 2022. Vol. 9. No. 1 (33), pp. 231–239. (In Russ.).

23. Petin D.I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh: Monografiya [History of the Omsk family of Batyushkin: Monograph]. Omsk, 2021. (In Russ.).

24. Petin D.I., Konovalova N.A. Kapiton Batyushkin: dopolnyaya istoricheskiy portret [Kapiton Batyushkin: Supplementing the Historical Portrait] // Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: ob'yektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе [Civil War in the East of Russia: An Objective View through the Documentary Heritage]. Omsk: Amfora, 2015, pp. 118–125. (In Russ.).

25. Petin D.I. Genealogiya omskoy sem'i Batyushkinykh v svete ocherednykh arkhivnykh nakhodok [Genealogy of the Omsk Batyushkin family in the light of the latest archival finds] // Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе [Civil War in the East of Russia: A View through the Documentary Heritage]. Omsk: Amfora, 2017, pp. 263–271. (In Russ.).

26. Petin D.I., Stelmak M.M. Pedagogika v arkhive na sluzhbe preodoleniya sovremennykh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoj vojne v Rossii [Modern perception of the Civil War: pedagogy as overcoming the myths of mass consciousness] // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2018. No. 3, pp. 9–15. (In Russ.).

27. Petin D.I. Sovetskij sluzhashchiy Aleksey Kapitonovich Batyushkin: stseneriy sotsial'noy adaptatsii predstavatelya sem'i «byvshikh lyudey» [Soviet employee Aleksey Kapitonovich Batyushkin: a scenario of social adaptation of a representative of the family of «former people»] // Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе. Grazhdanskaya Voyna na Vostoке Rossii: Vzglyad Skvoz' Dokumental'noye Naslediyе [Civil War in the East of Russia: A View through the Documentary Heritage]. Omsk, 2019, pp. 178–183. (In Russ.).

28. Petin D.I., Stelmak M.M. «Ubity pri vzryve v dome Verkhovnogo pravatelya»: k

analizu aktovykh zapisei o smerti chinov konvoya admirala A.V. Kolchaka 27 avgusta 1919 g. [“Killed in an Explosion in the House of the Supreme Ruler”: Concerning the Analysis of Death Records of the Officers of the Admiral A. V. Kolchak's Convoy, August 27, 1919] // Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist]. 2021. No. 3, pp. 725–740. (In Russ.).

29. Shtyrbul A.A. «Na semi likhikh produmnykh vetrakh...» (O knige D.I. Petina «Istoriya omskogo roda Batyushkinykh») [«On seven dashing blowing winds ...» (About the book by D.I. Petin «History of the Omsk family of Batyushkin»)] // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. 2022. Vol. 7, no 1, pp. 69–73. (In Russ.).

30. Blinova O.V., Stelmak M.M. Ot primet vremeni k istoricheskoy pamyati: retsenziya na monografiyu D.I. Petina «Istoriya omskogo roda Batyushkinykh» [From signs of time to Historical Memory: a review of the monograph by D.I. Petin «History of the Omsk family of Batyushkin»] // Sibirskiy arkhiv [Siberian Archive]. 2022. No. 1 (11), pp. 86–92. (In Russ.).

31. A.V. Kolchak. 1874–1920 [A.V. Kolchak. 1874–1920]. In 2 vol. St. Petersburg: Blitc, publ., 2021. (In Russ.).

32. Ryzhenko V.G., Demyanov K.V., Naumov S.S. Spetsifika «zheleznodorozhnykh» segmentov kul'turnogo prostranstva krupnogo sibirskogo goroda (konets XX – nachalo XXI v.): toponimicheskiye priznaki i pamyatnaya simvolika [Specificity of the «railway» segments of the cultural space of a large Siberian city (late XX – early XXI century): toponymic signs and commemorative symbols] // Prepodavatel' XXI vek [Teacher XXI century]. 2019. No. 1–2, pp. 243–259. (In Russ.).

33. Naumov S.S., Petin D.I. 16th Military town in Omsk: experience of a historical and cultural study of urban environment. // Journal Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 12 (7). pp. 1191–1215.

34. Naumov S.S., Petin D.I. Iz istorii 16-go Voyennogo gorodka v Omske // [From the History of 16th Military Town in Omsk] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki» [Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»]. 2019. No. 4, pp. 120–138. (In Russ.).

35. Naumov S.S., Krasilnikova E.I. Istoricheskiye simvolyy revolyutsii i grazhdanskoj vojny v pbllichnom prostranstve sibirskikh gorodov: izgiby politiki pamyati (1920–2010-ye gg.) [Historical Symbols of Revolution and Civil War in the Public Space of Siberian Cities: the Twists of Memory Politics (1920s – 2010s)] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki» [Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»]. 2021. No. 1, pp. 58–69. (In Russ.).

